

103140

103140.

✓
Museum. Type. R. II.

10

126
605
5
ПАМЯТИ

ИЗМАИЛА ИВАНОВИЧА

СРЕЗНЕВСКОГО

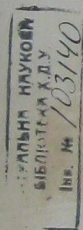
КНИГА 1

131/15

ПАМЯТИ
ИЗМАЙЛА ИВАНОВИЧА
СРЕЗНЕВСКАГО. 70

КНИГА 1.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1916.

Проверено
ШНБ 1939

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Январь 1916 г.

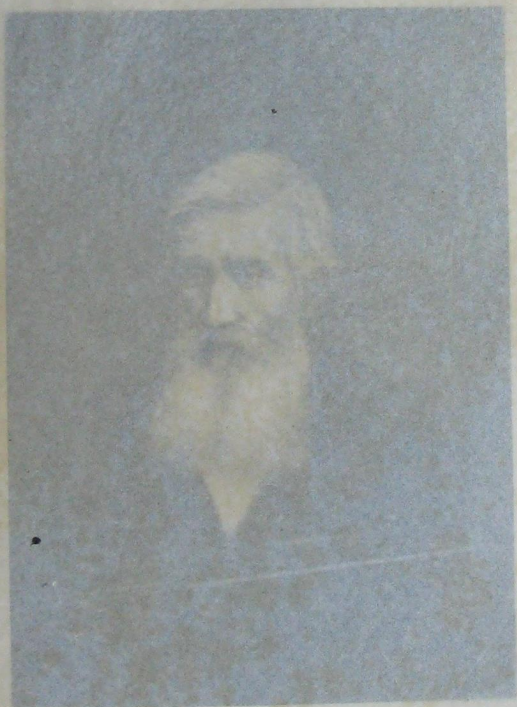
Непрерывный Секретарь академіи С. Олденбургъ.

Выходящая нынѣ въ свѣтъ первая книга сборника, посвященнаго памяти Измаила Ивановича Срезневскаго, въ главной своей долѣ есть отголосокъ торжественнаго публичнаго собранія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, которое происходило 20 января 1913 года въ большомъ Конференцъ-залѣ Академіи, въ ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія И. И. Срезневскаго.

Въ книгу эту вошли рѣчи, произнесенныя на собраніи А. А. Шахматовымъ, Н. О. Сумцовымъ, В. А. Францевымъ и А. И. Соболевскимъ и воспоминанія И. В. Ягича, прочтенныя Н. А. Котляревскимъ. Біографическій очеркъ И. И. Срезневскаго, здѣсь напечатанный, представляетъ собою переработку біографіи, написанной В. И. Срезневскимъ и выпущенной Академіею къ тому же торжественному собранію; Описаніе памятной выставки, устроенной въ маломъ Конференцъ-залѣ Академіи одновременно съ засѣданіемъ, издано было тогда же въ видѣ отдѣльной брошюры. Къ этимъ статьямъ присоединены: статья О. И. Срезневской „Худо-

IV

жественныя произведенія И. И. Срезневскаго и
его отношеніе къ поэзіи вообще“, „Изъ студен-
ческихъ воспоминаній объ И. И. Срезневскомъ“
И. В. Цвѣтаева и „Указатель печатныхъ мате-
ріаловъ для біографіи И. И. Срезневскаго“, соста-
вленный В. И. Срезневскимъ.

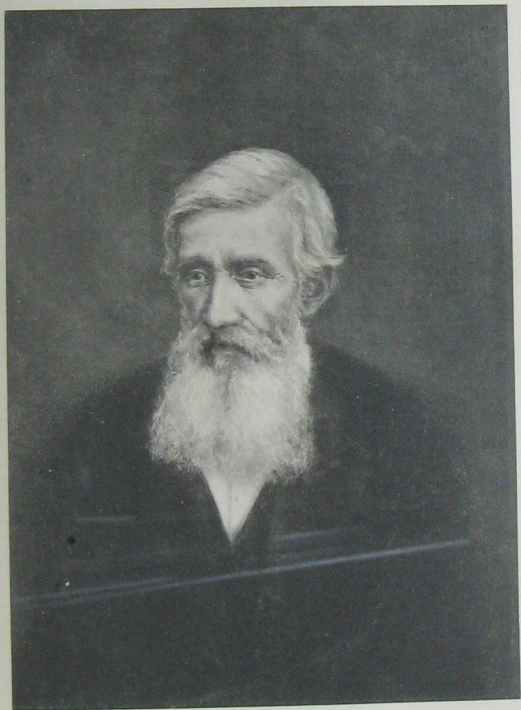

W. P. Smith

W. P. Smith

W. P. Smith

жестокія притѣсненія Н. В. Златовъскаго
его отношеніе къ послѣднимъ событіямъ
русскихъ революціонеровъ обн. Н. В. Златовъскаго
Н. В. Златовъскаго и Указомъ Императора
писанъ для біографіи Н. В. Златовъскаго
капитанъ В. И. Златовъскаго.

Шелестев

Съ портрета масляными красками
работы Н. П. Алмазовой.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
НА ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ,
ПОСВЯЩЕННОМЪ ПАМЯТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Столѣтіе со дня рожденія Измаила Ивановича Срезневскаго истекло 1-го іюня прошлаго 1912-го года. Отдѣленію русскаго языка и словесности по разнымъ причинамъ пришлось перенести на сегодня торжество, которое по всей справедливости можетъ быть признано праздникомъ русской науки: Срезневскій принадлежитъ къ числу видѣйшихъ дѣятелей науки, прославившихъ ее и укрѣпившихъ ея развитіе.

Полувѣковая дѣятельность Измаила Ивановича развернула во всей мощи силы, заложенныя въ его богато одаренной природѣ: онъ создалъ тѣ памятники ума и таланта, которыми восторгаемся мы всѣ, имѣющіе то или иное отношеніе къ наукѣ о русскомъ языкѣ, литературѣ, этнографіи.

Срезневскій положилъ основанія историческому изученію русскаго языка, поставивъ его въ живую и нерасторжимую связь съ изученіемъ всѣхъ другихъ славянскихъ языковъ.

«Мысли объ исторіи русскаго языка» были первымъ научнымъ трудомъ въ этой области, ибо книга Буслаева «О преподаваніи отечественнаго языка», появившаяся раньше, содержала только блестящую программу глубоко и всесторонне задуманнаго изученія этого предмета.

Труды Срезневскаго, перваго въ Россіи доктора славяно-русской филологіи, начиная съ сороковыхъ годовъ, посвящаются изученію инославянскихъ народностей; они увѣчиваются многочисленными изслѣдованіями, цѣнными не только для насъ русскихъ, черезъ нихъ знакомившихся со своими родичами, но также и для самихъ славянъ, южныхъ и западныхъ.

Напряженная преподавательская дѣятельность въ Петербургскомъ университетѣ, начатая еще въ 1847 году, не помѣшала Срезневскому отдать свои лучшія силы Академіи Наукъ: въ ея изданіяхъ онъ помѣщалъ свои цѣннѣйшія изслѣдованія, редактируя вмѣстѣ съ тѣмъ созданныя имъ Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности. Изъ этихъ изслѣдованій и изъ всей кипучей дѣятельности Срезневскаго въ Академіи видно, какъ широки были его интересы въ области славяно-русской филологіи: языкъ, археологія, археографія, палеографія и литература привлекаютъ къ себѣ его вниманіе и озаряются имъ яркимъ свѣтомъ: онъ свидѣтельствовалъ о соединеніи въ лицѣ Срезневскаго изъ ряду вонъ выдающагося научнаго дарованія съ глубокимъ филологическимъ образованіемъ.

Начавъ литературныя изслѣдованія въ Харьковѣ съ изученія малорусскихъ писателей, Срезневскій, оказавшись въ Петербургѣ лицомъ къ лицу съ обширнымъ рукописнымъ матеріаломъ, отдался страстно его разработкѣ. Стремленіе охватить весь этотъ матеріалъ, использовать его

богатое содержаніе, привело Срезневскаго къ необходимости посвятить свой трудъ изданію и описанію рукописей. Глубокій филологическій анализъ памятниковъ привелъ его къ идеѣ о созданіи историческаго словаря русскаго языка.

Высокій полетъ творческой мысли, блестящее и вдохновенное изслѣдованіе уступаютъ мѣсто огромному труду по собиранію и обработкѣ матеріаловъ. Вокругъ Срезневскаго вырастаютъ по немногу груды приковывающихъ его къ себѣ данныхъ: вновь открытые памятники, спасенныя бережною рукой отъ гибели и неизвѣстности рукописи, безчисленныя выписки изъ первоисточниковъ, наконецъ, огромный карточный матеріалъ по словарю, и ко всему этому обильные матеріалы этнографическаго и діалектологическаго содержанія. Во все это Срезневскій сумѣлъ вдохнуть жизнь; онъ сдѣлалъ больше: онъ вселилъ ко всему этому научному сокровищу любовь въ своихъ ученикахъ и въ своихъ дѣтяхъ. Вслѣдствіе этого пережившіе его матеріалы стали не мертвыми, а живыми памятниками его дѣятельности: они увѣковѣчатъ ее въ ея славѣ.

Отдѣленіе Русскаго языка и словесности счастливо сознаемъ, что именно ему пришлось стать издателемъ этихъ матеріаловъ — мы говоримъ о только что законченномъ изданіи Словаря древне-русскаго языка, — а также и тѣмъ, что ему пришлось сдѣлаться хранителемъ научнаго сокровища Срезневскаго: въ Библіотекѣ Академіи сосредоточены теперь весь архивъ Срезневскаго и все богатое его рукописное собраніе; тамъ же находится его цѣнная бібліотека по славяновѣдѣнію.

Съ глубокою благодарностью относится Отдѣленіе къ тѣмъ, чьими трудами завершено и завершается то, что

VIII

Срезневскій создагъ въ качествѣ прочнаго основанія для послѣдующаго развитія русскаго языкознанія и исторіи русской словесности. Признательность Отдѣленія безгранична къ тѣмъ, кто великодушнымъ пожертвованіемъ неоцѣнимаго научнаго сокровища навсегда соединилъ имя Срезневскаго съ именемъ Академіи Наукъ.

А. Шахматовъ.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Родъ И. И. Срезневскаго идетъ изъ населеннаго государственными крестьянами села Срезнева, лежащаго на высокомъ берегу р. Оки при впаденіи въ нее р. Непложки, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города Спасска Рязанской губ. Въ 15 верстахъ отъ Срезнева лежитъ село Старая Рязань, гдѣ до сихъ поръ еще остался высокій валъ разрушенной и сожженной Батыемъ Рязани; верстахъ въ 8 — знаменитое по лѣтописнымъ сказаніямъ мѣсто Исады, гдѣ въ 1218 г. Глѣбъ Владимировичъ, князь рязанскій, «наученъ сый сотоною», съ помощью брата своего Константина зарѣзалъ во время пира шестерыхъ своихъ братьевъ и родичей и съ ними бояръ и дворянъ множество, и гдѣ до сихъ поръ еще цѣла могила Прокопія Ляпунова.

Предки И. И. Срезневскаго — много поколѣній подрядъ — были священниками села Срезнева. Дѣдъ его священникъ Евсеѣй Іоанновичъ, обремененный большою семьею, не имѣя никакихъ средствъ, былъ не въ силахъ дать дѣтямъ и самое малое образованіе. Кто изъ нихъ искалъ науки и интересовался ею, самъ долженъ былъ добывать ее, если только обладалъ достаточной силой воли. Такими оказались двое изъ дѣтей о. Евсеѣя, Иванъ Евсеѣвичъ (отецъ И. И. Срезневскаго) и Іосифъ Евсеѣвичъ. Одинъ за другимъ они ушли изъ родного дома и сами пробили себѣ дорогу, оба

достигнувъ профессуры и званія доктора. Братья ихъ остались въ родномъ селѣ: одинъ изъ нихъ—Іоакимъ наследовалъ послѣ отца санъ настоятеля церкви, остальные слились съ крестьянами; потомки ихъ крестьянствуютъ и доселѣ.

Свое родное село И. И. Срезневскому случилось увидѣть только за нѣсколько лѣтъ до смерти, въ 1877 году, на возвратномъ пути съ Казанскаго археологическаго съѣзда. Мѣсто это, освященное для него и семейными, и историческими воспоминаніями, такъ ему полюбилось, что черезъ годъ онъ опять туда поѣхалъ и тамъ же завѣщалъ себя похоронить. Могила его, по указанію его самого, устроена у церковнаго алтаря старой деревянной церкви, теперь уже упраздненной. Вблизи церкви въ 1880-хъ гг. построено училище его имени.

Иванъ Евсѣевичъ Срезневскій началъ ученье въ Рязанской семинаріи, продолжалъ его въ Москвѣ, куда добрался изъ Рязани пѣшкомъ съ великимъ трудомъ и лишеніями. По окончаніи университета онъ поступилъ сначала на частную службу, затѣмъ былъ принятъ бакалавромъ въ учительскій институтъ при Московскомъ университетѣ и черезъ нѣкоторое время учителемъ географіи и исторіи въ университетскую гимназію. По достиженіи степени магистра философій и свободныхъ наукъ въ 1804 г., онъ былъ приглашенъ П. Г. Демидовымъ въ открывавшееся тогда въ Ярославлѣ Демидовское высшихъ наукъ училище на кафедру «словесности древнихъ языковъ и руссійскаго краснорѣчія»; затѣмъ въ 1812 г., послѣ смерти профессора руссійскаго краснорѣчія и поэзіи въ Харьковскомъ университетѣ И. С. Рижскаго, былъ выбранъ совѣтомъ университета на эту кафедру и черезъ годъ удостоенъ званія доктора свободныхъ наукъ.

Учено-литературная дѣятельность И. Е. Срезневскаго оставила по себѣ слѣдъ въ рядѣ рѣчей, стихотвореній и переводовъ классиковъ. Рѣчи его несомнѣнно занимаютъ главное мѣсто въ его литературныхъ трудахъ; хотя онѣ и были произнесены по обязанности на торжественныхъ актахъ, онѣ дышатъ жизнью, передаютъ дѣйствительныя убѣжденія автора и въ этомъ отношеніи цѣнны, какъ его характеристика. «Рѣчь о любви къ отечеству» — по мнѣнію самого автора его лучшее произведеніе — даетъ намъ обликъ Ивана Евсѣевича, какъ гражданина-патріота, ставящаго цѣлью своей жизни службу родинѣ; рѣчь «О странствованіи музъ» является изложеніемъ взглядовъ автора на содержание курса изящной словесности; рѣчь «De praeceptoribus et officiis optimi praeceptoris» интересна по высказаннымъ въ пей авторомъ мыслямъ относительно необходимыхъ качествъ наставника юношества и первенствующей важности правильного въ дѣлѣ преподаванія метода. Вопросъ о воспитаніи обсуждается Иваномъ Евсѣевичемъ и въ другихъ рѣчахъ; въ нихъ онъ доказываетъ серьезное преимущество публичнаго воспитанія, и въ отношеніи болѣе успѣшнаго и быстраго развитія дѣтей, и въ отношеніи общественномъ, какъ помощь къ возрожденію духа общественности. Широкое развитіе просвѣщенія И. Е. Срезневскій считалъ насущной потребностью государства; въ связи съ этимъ онъ находилъ необходимымъ дать нормальную постановку дѣлу преподаванія, поднять значеніе учащихся и оградить ихъ отъ притѣсненій со стороны гражданскихъ властей.

Иванъ Евсѣевичъ, по словамъ біографической записки, составленной скоро послѣ его смерти, «образованію юношества посвящалъ себя болѣе по доброй склонности души

своей, нежели по долгу; и потому многих сдѣляя признательными навсегда къ истиннымъ своимъ благодарностямъ». Тяжелыя условія жизни и чрезмѣрные занятія въ юные годы рано сломили его силы: онъ умеръ не старымъ, всего 49 лѣтъ, 12 сентября 1819 г., оставивъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій родился 1-го ¹⁾ іюня 1812 г. въ Ярославлѣ въ зданіи Демидовскаго лицея. Отецъ называлъ его противъ желанія родныхъ необычнымъ именемъ, никѣмъ изъ близкихъ не носимымъ, прелъщенный его смысломъ—по еврейски оно значить «устроить Богъ».

При переходѣ отца на службу въ Харьковъ, И. И. былъ перевезенъ туда двухмѣсячнымъ ребенкомъ. Съ этихъ поръ до 1839 г. онъ жилъ или въ самомъ Харьковѣ, или въ другихъ мѣстахъ Малороссіи, и только разъ, и то на самый короткій срокъ, въ 1829 г., уѣзжалъ въ Москву. Молодые годы слили его съ Украиной, и онъ полюбилъ ее со всею своею пылкостью; она была для него второй родиной, но именно второй, такъ какъ всегда ему рисовалась частью его общей русской родины.

Послѣ смерти отца И. И. остался на попеченіи своей матери Елены Ивановны (рожденной Кусковой). Несмотря на свою молодость (она осталась вдовою 26-ти лѣтъ), Е. И. сумѣла одна взростить и воспитать своихъ дѣтей и дать имъ серьезное образованіе. Съ любовью и благодарностью И. И. вспоминалъ всегда объ ея неустанныхъ и нѣжныхъ заботахъ. Долгіе годы она была его ближайшимъ другомъ-совѣтникомъ и на рукахъ его умерла въ 1856 г., въ его

1) Онъ считалъ днемъ своего рожденія 1-ое іюня, хотя въ метрическихъ книгахъ стоитъ 4-ое іюня.

семѣ. Глубокая любовь къ ней И. И-ча, ясная для всѣхъ, кто читалъ его письма къ ней, особенно сказалась въ той любви къ семейной жизни и семейнымъ началамъ, которая была его характерной чертой, а уваженіе къ ней — въ признаніи первенствующаго значенія матери въ дѣлѣ начального образованія дѣтей, какъ это онъ высказываетъ въ своихъ бесѣдахъ «Объ изученіи родного языка».

По окончаніи пансіона въ 1826 г. И. И. поступилъ въ Харьковскій университетъ на ээко-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Будучи съ дѣтскихъ лѣтъ человекомъ энергичнымъ, умѣя серьезно относиться къ труду и вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что на немъ, какъ на старшемъ, лежитъ долгъ помогать матери, И. И. съ полнымъ рвеніемъ, несмотря на свои юные годы, предался университетскимъ занятіямъ. Въ 1828 г., когда было опубликовано предложеніе министра народнаго просвѣщенія «объ избраніи студентовъ изъ университетовъ Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго и Харьковскаго для приготовленія въ профессоры», онъ не задумался включить себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія, и былъ утвержденъ попечителемъ съ пятью другими товарищами. Мечта И. И-ча тогда не осуществилась, но отъ этого онъ не палъ духомъ и уже въ 1829 г. 17-ти лѣтъ отъ роду блистательно кончилъ курсъ со степенью кандидата, по представленіи диссертациі «Объ обидѣ».

Студенческія работы по юриспруденціи, несмотря на ихъ напряженность и успѣшность, не были главнымъ предметомъ научныхъ увлеченій И. И-ча: съ дѣтскихъ лѣтъ подь вліяніемъ матери полюбовивъ литературу и музыку, съ 9-ти лѣтнаго возраста начавъ писать стихи, уже съ 14-ти лѣтъ онъ предался изученію народной малорусской поэзіи

и работамъ надъ этнографической стариной Украины. Годы молодости И. И-ча совпали съ тѣмъ временемъ, когда въ Малороссіи начало особенно развиваться это изученіе народной старины и поэзіи, принявшее тогда особое романтическое направленіе, какъ у южно-русскихъ этнографовъ, такъ и въ остальной Россіи, и въ Западной Европѣ. Вокругъ И. И-ча въ Харьковѣ образовался небольшой кружокъ его пансіонскихъ и университетскихъ товарищей—этнографовъ-романтиковъ, любителей литературы: это были братья Орестъ и Ѳеодоръ Степановичи Евецкіе (впослѣдствіи принимавшіе участіе въ панславистской «Денищѣ» П. П. Дубровскаго), И. В. Росковшенко, потомъ переводчикъ Шекспира, патріотъ-украинецъ и поэтъ А. Г. Шпигоцкій и О. А. Джунковский. Въ средѣ этого кружка, на страницахъ изданнаго Срезневскимъ и Росковшенко «Украинскаго альманаха» (1831 г.) началась литературная дѣятельность И. И-ча, выразившаяся тогда въ рядѣ стихотвореній, въ статьѣ «Мысли и замѣчанія» и въ первой записи малорусскихъ пѣсень.

Работы И. И-ча по народной словесности получили особое развитіе въ 1832—1833 гг., проведенныхъ имъ въ Екатеринославской губ. близъ Днѣпровскихъ пороговъ въ качествѣ учителя у помѣщиковъ Подольскихъ. Здѣсь онъ столкнулся съ «живыми памятниками минувшаго»—стариками-запорожцами, слушалъ ихъ рассказы о старой жизни и усердно началъ записывать думы и пѣсни. Результатомъ юношескихъ этнографическихъ работъ И. И-ча, поддерживаемыхъ содѣйствіемъ друзей и знакомыхъ, былъ выходъ въ свѣтъ ряда книжекъ «Запорожской Старины» (съ 1833 по 1838 г.)—сборника матеріаловъ по исторіи Украины отъ Гедимина до Мазепы, заключающаго въ себѣ собраніе историческихъ пѣсень и думъ малорусскихъ, сводъ мало-

русскихъ лѣтописцевъ и извлеченій изъ другихъ историческихъ документовъ, въ сопровожденіи объяснительныхъ примѣчаній и замѣтокъ о бытѣ и нравахъ запорожцевъ. «Запорожская Старина» въ свое время сыграла чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ развитія изученія украинской народной поэзіи и произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ; въ то же время она создала первую литературную славу И. И-ча, выдвинувъ его и какъ ученаго собирателя-этнографа, и какъ талантливаго писателя и пламеннаго украинца. Впослѣдствіи, въ 1870-хъ гг., это изданіе подверглось критикѣ Антоновича и Драгоманова въ предисловіи къ ихъ изданію «Историческихъ пѣсень малорусскаго народа» и Костомарова въ статьѣ по поводу книги Антоновича и Драгоманова; съ несомнѣнностью выяснилось, что на ряду съ произведеніями дѣйствительно народными въ «Запорожскую Старину» попало много поддѣльныхъ; И. И. не отвѣтилъ критикамъ его юношеской работы: ранѣе ихъ онъ видѣлъ ея недостатки и понималъ, что среди его корреспондентовъ были люди и недобросовѣстные; намекомъ это онъ высказалъ еще до выхода въ свѣтъ сборника Антоновича и Драгоманова въ одномъ изъ примѣчаній къ изданной имъ перепискѣ А. Х. Востокова; промахи «Запорожской Старины», можно думать, и были причиной того особенно строгаго его отношенія къ изданіямъ произведеній народной словесности, которое появилось у него въ зрѣлые годы.

«Запорожская Старина», сдѣлавъ имя И. И-ча извѣстнымъ въ Украинѣ, обратила вниманіе на молодого писателя и въ столицахъ; у него завязались сношенія съ учеными и литераторами Москвы и Петербурга (И. М. Снегиревымъ, В. Г. Анастасевичемъ и др.), статьи его начали печататься

въ «Сынѣ Отечества», «Сѣверной Пчелѣ», «Телескопѣ», «Московскомъ Наблюдателѣ», «Ученыхъ Запискахъ Московскаго университета», затѣмъ въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія».

Научные интересы и занятія этнографіей сблизили И. И-ча съ новымъ кругомъ лицъ, болѣе глубоко смотрѣвшихъ на эти занятія, чѣмъ первые его товарищи и помощники; онъ близко сошелся съ А. Л. Метлинскимъ—украино-филомъ-идеалистомъ, съ раннихъ лѣтъ посвятившимъ себя изученію поэтической старины своей родины, — съ В. В. Пасекомъ, особенно благодаря изданію послѣдняго «Очерки Россіи», въ которомъ И. И. принялъ видное участіе; при посредствѣ Метлинскаго съ И. И-чемъ сблизился Н. И. Костомаровъ, подъ влияніемъ его развившій въ себѣ, какъ онъ самъ пишетъ, «стремленіе къ изученію малорусской народности» и при его помощи начавшій изучать малорусскій языкъ и этнографію. Въ тѣ же годы И. И. вошелъ въ сношенія съ Н. В. Гоголемъ, Г. О. Квиткой, В. Н. Каразинымъ, И. П. Котляревскимъ, Л. И. Боровиковскимъ и многими другими.

Изъ ряда работъ И. И-ча по украинской старинѣ и литературѣ особаго вниманія заслуживаетъ его статья—письмо къ И. М. Снегиреву — «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» (1834); она интересна, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней авторъ высказываетъ свое мнѣніе о языкѣ малорусскомъ въ связи съ другими, какъ объ языкѣ имѣющемъ полное право на самостоятельное литературное существованіе. «Не для чего доказывать», говоритъ И. И., «что языкъ украинскій (или, какъ угодно называть другимъ, малороссійскій) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые; и многіе

увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ. . . , что это языкъ, который будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому, — языкъ поэтический, музыкальный, живописный». Этотъ взглядъ впоследствии значительно измѣнился: въ 1860-хъ гг. въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, при признаніи русской словесности достояніемъ всего русскаго народа (а не великороссовъ только), И. И. еще высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости существованія отдѣльной малорусской словесности и говорить, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ И. И-ча 1870-хъ гг. отношеніе малорусскаго нарѣчія къ русскому языку уже приравнено къ отношеніямъ мѣстныхъ говоровъ въ литературѣ другихъ европейскихъ языковъ къ языку господствующему: «нѣтъ никакой нужды», читаемъ тамъ, «уничтожать или прекращать письменность этихъ нарѣчій, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной, отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу».

Для полноты свѣдѣній о работахъ И. И-ча по изученію Украины слѣдуетъ упомянуть, что на ряду съ изслѣдованіями по малорусской народной словесности и изданіемъ ея памятниконъ онъ тогда же приступилъ и къ изданію литературныхъ произведеній современныхъ ему малорусскихъ писателей, начавъ печатаніе особаго сборника, названнаго имъ «Украинскимъ». Въ двухъ первыхъ книжкахъ Украинскаго сборника онъ помѣстилъ «Наталку-Полтавку» и «Москаля-Чаривника» И. П. Котляревскаго, въ дальнѣйшихъ—предполагалъ дать выборъ стихотвореній Артемов-

скаго-Гулака, Боровиковскаго, Гребенки, Шпигоцкаго, Падурры, Кориженевскаго и др., сочиненія Сковороды и пр.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ трудѣ И. И-ча по изученію Малороссіи, стоящемъ особнякомъ въ ряду другихъ, — объ «Историческомъ обзорѣни гражданскаго устроенія Слободской Украины со времени ея заселенія до преобразованія ея въ Харьковскую губернію»; интересно отмѣтить, что вышедшее въ свѣтъ въ 1839 г., оно было вновь перепечатано въ 1883 г. въ «Статистическомъ Листкѣ, изд. харьковскимъ статистическимъ комитетомъ», и именно въ цѣляхъ практическихъ, — настолько оно не утратило своего значенія.

Послѣ окончанія университетскаго курса И. И. поступилъ на службу въ харьковское дворянское депутатское собраніе, откуда по болѣзни былъ уволенъ въ 1832 г.; черезъ годъ (18 сент. 1833 г.) онъ вновь зачислился на службу сначала въ харьковскій совѣстный судъ, затѣмъ въ 1834 г. въ депутатское собраніе на должность бібліотекаря харьковской городской бібліотеки. Плодомъ бібліотечныхъ занятій И. И-ча былъ изданный имъ «Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной бібліотекѣ, № 1» (Харьковъ, 1834, безъ фамиліи составителя).

На ряду со службой И. И. занимался и преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Въ то же время онъ не прерывалъ и юридическихъ занятій, приготовлялся мало-по-малу къ магистерству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ профессурѣ — давней заветной его мечтѣ. Въ сентябрѣ 1835 г. И. И. сдалъ экзаменъ на степень магистра политической исторіи, статистики и политической экономіи;

диссертация на назначенную факультетомъ тему «О сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ» была представлена въ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16 іюля 1837 г., утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27 августа, и 9 сентября И. И. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Харьковского университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики.

Какъ видно изъ «Обозрѣнія публичнаго преподаванія наукъ въ Харьковскомъ университетѣ», И. И. читалъ студентамъ 1-го курса 1-го отд. философскаго факультета теорію статистики съ приложеніемъ къ государствамъ европейской системы просвѣщенія по методу профессора Кенигсбергскаго университета Шуберта, «придерживаясь, впрочемъ, своей собственной системы, изложенной въ разсужденіи о сущности и содержаніи теоріи политической»; на 2-мъ курсѣ—«статистику Россійскаго государства, принимая въ руководство соч. Иванова и Шуберта и дополняя собственными своими изслѣдованіями». Записокъ лекцій И. И-ча по статистикѣ не сохранилось, за исключеніемъ обработаннаго къ печати и изданнаго въ 1838 г. въ «Журналѣ Мин. народнаго просвѣщенія» его «Вступительнаго чтенія въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» и оставшагося въ рукописи «Компендіума статистическаго описанія Россійскаго государства въ современномъ состояніи».

Судя по разсказамъ слушателей, лекціи И. И-ча рѣзко отличались отъ лекцій другихъ профессоровъ; лекторъ блисталъ въ нихъ и повизною взглядовъ, и богатствомъ

данныхъ, черпаемыхъ изъ иностранныхъ сочиненій, и мастерствомъ и живостью изложенія; аудиторія его была полна, о чтеніяхъ говорили въ городѣ. Но этотъ успѣхъ имѣлъ и невыгодную сторону для И. И-ча въ томъ отношеніи, что, повидимому, явился одной изъ причинъ недоброжелательства къ нему со стороны многихъ изъ старшихъ его товарищей; особенно сильно это недоброжелательство проявилось при разсмотрѣніи его диссертаци «Опытъ о предметѣ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно», представленной имъ въ 1838 г. для соисканія докторской степени.

Основная мысль «Опыта» была высказана въ двухъ положеніяхъ эпиграфа къ нему: 1) «Статистика, имѣя предметомъ цѣлое государство, должна сдѣлаться средоточіемъ и основаніемъ прочихъ политическихъ наукъ, изъ которыхъ каждая объемлетъ не болѣе одной части» (К. Германъ) и 2) «Политическая экономія зависитъ отъ статистики такъ, что даже могла бы не существовать какъ отдѣльная наука: статистика могла бы замѣнить ее безъ ущерба пользѣ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить міръ познаній отъ суесловныхъ и часто суетныхъ мечтаній» (авторъ). Для сужденія о диссертаци были собраны члены юридическаго и 1-го отд. философскаго факультетовъ; въ пользу автора высказались только два профессора — извѣстный историкъ М. М. Лувинъ и знаменитый профессоръ-эллинистъ А. О. Валицкій, другіе или уклонились отъ выраженія своего мнѣнія, или высказались противъ; мысли, проводимыя диссертацией, казались слишкомъ новыми, не согласными съ обычными, «насмѣшкою надъ наукою»; диссертация была отвергнута. Событію этому пришлось сыграть рѣшительную роль въ судьбѣ И. И-ча.

По университетскому уставу 1835 г. въ число университетскихъ курсовъ былъ введенъ новый предметъ — исторія и литература славянскихъ нарѣчій. Въ виду отсутствія лицъ, достаточно подготовленныхъ къ преподаванію этой науки, кафедра славяновѣдѣнія пустовала до тѣхъ поръ, пока не было рѣшено предложить четыремъ тогда существовавшимъ русскимъ университетамъ избрать изъ среды ихъ членовъ лицъ наиболѣе способныхъ для изученія новой науки съ тѣмъ, чтобы избранныхъ отправить въ заграничное путешествіе по славянскимъ землямъ.

Въ Харьковскій университетъ предложеніе объ избраніи лицъ для послышки за границу пришло въ октябрѣ 1837 года. Разсмотрѣніе этого плана и обсужденіе вопроса, кто можетъ быть посланъ за-границу, совѣтомъ университета было поручено ректору университета извѣстному П. П. Гулаку-Артемовскому. Выборъ факультета по указанію его остановился на кандидатѣ словесныхъ наукъ А. П. Рославскомъ-Петровскомъ. Лично мало склонный къ занятію предлагаемой кафедры, преимущественно интересовавшійся изученіемъ исторіи, статистики и политической экономіи, Рославскій представилъ въ совѣтъ университета условія командировки, трудно пріемлемыя въ другое время; въ данную минуту вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ они не возбудили сомнѣній среди членовъ университетскаго совѣта, но показались неумѣстными попечителю харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкину. Человѣкъ образованный, интересовавшійся наукой и ея движеніемъ, онъ не пропустилъ зародившейся въ то время въ Харьковѣ дѣятельности И. И. Срезневскаго, только что ставшаго адъюнктомъ университета, уже извѣстнаго своей «Запорожской Старинной» и длиннымъ рядомъ другихъ статей.

Выборъ совѣта университета не могъ не удивить его: въ этомъ выборѣ нельзя было не видѣть какихъ-то личныхъ счетовъ. Онъ не утвердилъ постановленія совѣта и предложилъ послать за-границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, «постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго»; что касается до Рославскаго, то ему Головкинъ рекомендовалъ дать возможность «выдержать испытаніе на степень магистра по предмету историческихъ наукъ, что составляло и его собственное желаніе, съ тѣмъ, чтобы потомъ онъ занялъ мѣсто Срезневскаго» (т. е. каведру политической экономіи и статистики).

Въ декабрѣ 1837 г. отъ имени совѣта университета И. И-чу былъ сдѣланъ запросъ относительно согласія его отправиться въ путешествіе въ славянскія земли для приготовленія къ каведрѣ славяновѣдѣнія, съ условіемъ по возвращеніи прослужить въ званіи преподавателя не менѣе 12 лѣтъ. Издавна уже знакомый съ языками польскимъ, словацкимъ, чешскимъ и сербскимъ, интересуюсь западно-славянскою литературой, еще въ 1832 г. со словъ словаковъ-ходебниковъ записавшій и издавшій ихъ пѣсни, писавшій статьи о Краледворской рукописи, о чешскомъ словарѣ Юнгмана, объ уменьшительныхъ словахъ въ славянскихъ языкахъ, — И. И. съ большою радостью принялъ предложеніе университета; вскорѣ, впрочемъ, повидимому, въ связи съ работою надъ докторскою диссертациею, въ немъ возникли было сомнѣнія и колебанія; этимъ колебаніямъ положило конецъ оскорбительное для него отверженіе университетомъ его диссертации. 7 января 1839 г. И. И. доложилъ университету о полномъ своемъ согласіи отправиться въ путеше-

ствіе въ славянскія земли, подчинившись всѣмъ поставленнымъ ему условіямъ, и въ сентябрѣ этого года отправился въ путь.

Отъѣздомъ изъ Харькова закончился первый періодъ литературно-научной дѣятельности И. И-ча, время первыхъ литературныхъ опытовъ, юношескихъ увлеченій работами по исторіи и народной словесности Украины, занятій статистикой, первыхъ чтеній въ университетѣ, первыхъ научныхъ трудовъ. Харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ работъ и научныхъ интересовъ И. И-ча рѣзко отличается отъ его послѣдующей петербургской дѣятельности. Гранью между этими двумя періодами легло его путешествіе. Оно широко раздвинуло горизонты молодого ученаго. Черезъ три года онъ вернулся въ Харьковъ совсѣмъ инымъ — не юношей, пробующимъ свои силы, а законченнымъ ученымъ съ опредѣленными взглядами на науку и человѣкомъ готовымъ къ жизни. Четыре года его профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія до переѣзда въ Петербургъ по характеру своему могутъ быть отнесены уже къ новому періоду его ученой дѣятельности.

Общій планъ путешествія лицъ, избранныхъ русскими университетами для подготовленія къ занятію кафедръ славяновѣдѣнія, былъ выработанъ въ московскомъ университетѣ; для путешествія И. И-ча онъ былъ нѣсколько переработанъ въ харьковскомъ университетѣ П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ, которымъ, совместно съ А. О. Валицкимъ, кромѣ того была составлена и инструкция для путешественника. Помимо внимательнаго изученія «діалектическихъ свойствъ, отличающихъ языкъ или нарѣчіе» одной страны

отъ другой, «смысла и духа» народныхъ пѣсень, «мелодій ихъ напѣва», помимо записыванія преданій и сказокъ, инструкція эта предписывала путешественнику систематическое подробное изученіе страны, населенной даннымъ племенемъ, ознакомленіе съ ея географіей, климатомъ, природою, совѣтовала обратить вниманіе на степень цивилизаціи ея обитателей, на развитіе промышленности и пр. Единственнымъ способомъ выполнить эти задачи для путешественника были пѣшеходныя экскурсіи. «Лѣтнее время года», говорится въ инструкціи, «онъ долженъ проводить въ путешествіи по замѣчательнѣйшимъ и наименѣе изслѣдованнымъ странамъ, входить подъ мирную кровлю поселяннина, сдружиться съ нимъ душою и бесѣдою и выпытать отъ него все, что только напоминаетъ въ немъ славянину, не оставляя безъ замѣчанія и чуждаго вліянія, которое стерло въ немъ черты его народнаго первообраза»; зимнее время рекомендовалось проводить въ городахъ, «пробываніе въ которыхъ могло бы быть для него поучительно: тамъ съ помощью бібліотекъ, богатыхъ собраній, въ бесѣдѣ съ учеными мужами онъ повѣрить свои наблюденія, на досугѣ привести въ порядокъ и систему собранныя имъ матеріалы».

Какъ ни трудны были задачи, данныя инструкціей, онъ оказался И. И-чу подѣ силу, благодаря природнымъ дарованіямъ, опытности, пріобрѣтенной въ работахъ по украинской этнографіи, и сохранившемуся до послѣднихъ лѣтъ его жизни умѣнію легко и попросту сходитьсѣ со всякимъ, безъ различія его общественнаго положенія.

Путешествіе И. И-ча длилось три года; 17-го сентября 1839 г. онъ выѣхалъ изъ Харькова, 23-го сентября 1842 года — вернулся. Путь его за-границу лежалъ черезъ Москву и Петербургъ, частью по необходимости служебной,

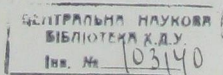
орис

частью для научных занятий и подготовительных работ къ путешествію.

Начало первой зимы за-границей И. И. провелъ въ Берлинѣ, гдѣ подъ руководствомъ Боппа занимался санскритскимъ языкомъ, затѣмъ проѣхалъ въ Прагу, гдѣ основался надолго, изучая чешскій языкъ у Іос. Фр. Шумавскаго, другіе славянскіе языки подъ руководствомъ Фр. Челяковского, пользуясь совѣтами и указаніями Шафарика и Ганки, работая въ музеѣ и постепенно подготавливаясь къ будущимъ пѣшеходнымъ странствованіямъ. Въ маѣ мѣсяцѣ начались эти странствования нѣсколькими небольшими путешествіями по Чехіи изъ Праги, потомъ уже изъ Вѣны по Моравіи; отсюда И. И. двинулся на сѣверъ въ Вратиславъ (Бреславль), гдѣ дружески сошелся съ чешскимъ патріотомъ, профессоромъ-физиологомъ Яномъ Пуркинею; изъ Вратислави онъ дѣлалъ экскурсіи для изученія нарѣчія слезаковъ, въ самой Вратислави работалъ въ библіотекѣ и изучалъ дольне-лужицкое нарѣчіе. Въ августѣ направился въ горно-лужицкія земли, въ Сгорѣлецъ (Гёрлицъ), гдѣ сблизился съ лужичанами-патріотами — І. Е. Смоляромъ, при помощи котораго сталъ изучать горно-лужицкое нарѣчіе, Л. Гауптомъ и др.; затѣмъ отправился въ Будишинъ (Бауценъ), отсюда въ Дольнія Лужицы и наконецъ поздней осенью добрался до Дрездена.

Зимою 1840 — 1841 гг. онъ опять былъ въ Прагѣ, гдѣ закрѣпилъ свою дружбу съ П. И. Прейсомъ, потомъ — въ Вѣнѣ; здѣсь онъ готовился къ путешествію въ южно-славянскія земли и работалъ надъ сербскимъ и хорватскимъ языками подъ руководствомъ Караджича. Къ веснѣ И. И. отправился въ путь — въ Штирію, Загребъ; здѣсь

2

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

свелъ знакомство съ Людевитомъ Гаеиъ, сдружился и побратался съ Станкомъ Вразомъ, сошелся со многими другими патриотами-хорватами, дѣятелями иллирскаго возрожденія. Изъ Загреба И. И. направился вмѣстѣ съ Вразомъ въ Крапну, затѣмъ изъ Крапны, уже безъ Враза, — въ Хорутанію, Резію, Горицу, въ Триестъ и далѣе, вмѣстѣ съ Прейсомъ, въ Далмацію, Черногорію и обратно въ Загребъ, гдѣ на этотъ разъ познакомился съ Колларомъ, посѣтившимъ Загребъ по пути въ Италію. Отсюда, осенью 1841 г., въ одиночку И. И. поѣхалъ въ Славонію и Сербію и къ зимѣ черезъ Пештъ вернулся въ Вѣну. Весной 1842 г. онъ посѣтилъ хорватовъ, живущихъ въ Венгріи, и словаковъ; въ Бретиславѣ (Пресбургѣ) сошелся съ Л. Штурмомъ, въ Тернавѣ — съ знаменитымъ Яномъ Голымъ. Послѣ путешествія по Венгріи въ іюлѣ И. И. направился въ Галичину, Краковъ, Вратиславъ, Познань, Варшаву и черезъ Кіевъ въ Харьковъ.

Время путешествія И. И-ча было эпохой широкаго развитія на славянскомъ западѣ идей панславизма; путешествіе его было радостно привѣтствуемо: въ И. И-чѣ видѣли не только ученаго, преслѣдовавшаго научныя цѣли, но и представителя великаго русскаго племени, гражданина русской имперіи, которая, рисуясь въ то время въ глазахъ западныхъ родичей въ ореолѣ славы, казалась единственной силой, могущей объединить все славянство въ одно нераздѣльное цѣлое. Срезневскаго встрѣчали и провожали съ объятіями, какъ друга и брата, о его ожидаемомъ проѣздѣ писали въ газетахъ, его дѣятельности старались придать современную, иногда политическую окраску. И какъ ни чуждъ былъ «политики» самъ И. И., онъ невольно поддавался вліянію окружающаго общества; считалъ обязан-

ностью государственной власти уважать народность и охранять духовную самостоятельность каждого подчиненнаго ей племени и вслѣдъ за тѣмъ своими глазами увидавъ жестокое угнетеніе славянъ и невзгоды, рушащіяся на нихъ со стороны нѣмцевъ и мадьяръ, онъ проникся негодованіемъ къ господствующимъ племенамъ; на ряду съ серьезной научной работой надъ языкомъ, древностями, литературой, народной словесностью и этнографіей, въ немъ горѣлъ живой интересъ къ современной текущей жизни славянъ; этотъ интересъ, это сочувствіе къ славянамъ, открытость души его къ нимъ, все привлекало ихъ къ нему и сближало его со всѣми. Живыя впечатлѣнія его путешествія ярко выражаются въ его путевыхъ письмахъ къ матери, полныхъ жизни, сверкающихъ талантомъ и наблюдательностью. Сохранившіяся въ его бумагахъ записи славянскихъ дѣятелей являются яснымъ отраженіемъ мыслей, которые волновали всѣхъ, и были цементомъ, скрѣплявшимъ ихъ связь съ молодымъ путешественникомъ.

Изъ заграничнаго путешествія И. И. вывезъ массу самыхъ разнообразныхъ литературно-научныхъ матеріаловъ; многіе изъ нихъ обработаны, но многіе лежатъ донынѣ въ его архивѣ почти не использованными: записи пѣсенъ, разговоровъ, сборники словъ, описанія обычаевъ, одежды, собственноручные рисунки нарядовъ и типовъ, отдѣльныхъ предметовъ обихода и пр. Въ высшей степени цѣнные его отчеты о путешествіи министру народнаго просвѣщенія были напечатаны въ свое время въ «Журналѣ Министерства народнаго просвѣщенія», извлеченія изъ путевыхъ писемъ къ Ганкѣ — тоже въ тѣ годы въ «Часописѣ Чешскаго музея» по чешски (въ переводѣ), въ 1907 году въ русскомъ оригиналѣ въ изданіи переписки Ганки (В. А. Францева).

Въ октябрѣ 1842 года одушевленной лекціей, посвященной вопросу о необходимости изученія славянства въ Россіи, И. И. началъ въ Харьковскомъ университетѣ свои чтенія по исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій (напечатана въ 1893 г. въ «Журналѣ Мин. народнаго просвѣщенія»).

Вступительный курсъ по программѣ, которую И. И. обдумалъ и составилъ еще во время путешествія, заключалъ въ себѣ введеніе въ изученіе славянства и церковно-славянскій языкъ; слѣдующій курсъ обнималъ собою разсмотрѣніе главныхъ славянскихъ нарѣчій, одного за другимъ, въ отношеніи къ ихъ политическимъ судьбамъ, образованности, народной словесности и литературѣ, съ чтеніемъ образцовъ; заключительный курсъ былъ посвященъ объяснительному чтенію древнихъ памятниковъ русскаго языка.

Программа И. И-ча была обширна и для выполненія ея не хватало времени; подробно читать оказывалось возможнымъ (какъ писалъ онъ Ганкѣ) только какую-нибудь часть курса, все же остальное болѣе или менѣе кратко, съ указаніями на источники для самостоятельныхъ работъ студентовъ. Послѣднихъ, какъ говоритъ его харьковскій слушатель М. Н. Де-Пуле, онъ завалилъ работами; онъ показывалъ на лекціяхъ «какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ—лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ»—и, «какъ никто тогда, съумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности».

Успѣхъ лекцій И. И-ча былъ громадный. «Студенты всѣхъ факультетовъ», по словамъ М. Н. Де-Пуле, «особенно въ первый годъ курса толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора»; «новость предмета», говоритъ онъ же, «бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго

цитатами из Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критического, не лишённого юмора и проны, — все это действовало на учащуюся молодежь самым возбуждающим образом, все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедре».

Первую часть вступительнаго курса — введеніе въ изученіе славянства — И. И. предполагалъ издать тогда же съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій, «какъ выборъ не столько лучшаго, сколько любопытнѣйшаго изъ того, что можетъ представить каждое нарѣчіе въ письменной литературѣ и въ народной словесности»; въ этомъ изданіи, какъ писалъ онъ Ганкѣ, онъ хотѣлъ подробно характеризовать нарѣчія и въ топографико-историческомъ порядкѣ представить рядъ отрывковъ на всѣхъ нарѣчіяхъ съ объясненіями.

Помимо лекцій и подготовительныхъ работъ къ изданію образцовъ славянскихъ нарѣчій, И. И. въ то же время дѣятельно трудился надъ разработкой собранныхъ имъ въ время путешествія матеріаловъ. Къ этой порѣ относятся его статьи: «Публичныя чтенія о славянахъ» (1843 г.), «Жумборскіе Ускоки» (1843 г.), «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (1844 г.), «Фриульскіе славяне» (1844 г.), цѣнная, въ свое время единственная работа по славянской диалектологіи «Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ» (1845 г.), «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (1846 г.), рядъ критико-библиографическихъ замѣтокъ, между прочимъ обширная статья о сочиненіи Шафарика «*Slowanský Národopis*» (1843 г., перепечатанная въ 1890 г. въ «Живой Старинѣ»). Тогда же онъ выступилъ съ рядомъ

статей, посвященных изучению древних вѣрованій славянъ, — «Объ обожаніи солнца у древнихъ славянъ» (1845 г.), «Архитектура храмовъ языческихъ славянъ» (1846 г.) и съ обширнымъ изслѣдованіемъ, диссертацией на степень доктора, «Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ»; защита этой диссертации (3 декабря 1846 г.) дала ему, первому въ Россіи, степень доктора славяно-русской филологіи. Въ тѣ же годы постепенно начинаютъ записывать И. И-ча и работы надъ древнимъ русскимъ языкомъ, именно работы (какъ видимъ изъ писемъ къ Ганкѣ) надъ «Старорусской грамматикой» и «Историческимъ лексикономъ старорусскаго языка» — прообразомъ того первостепенной важности труда, изданіе котораго завершилось только недавно — болѣе, чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти И. И. Срезневскаго.

Въ годы второго пребыванія И. И-ча въ Харьковѣ въ личной жизни его совершилось событіе величайшей важности: въ ноябрѣ 1844 г. И. И. вступилъ въ бракъ съ 19-лѣтнею дочерью учителя математики харьковской гимназіи Ѳедора Леонтьевича Тюрина, Екатериной Ѳедоровной (р. 1825 г.). Несмотря на большую разницу въ лѣтахъ и жизненномъ опытѣ женившихся, бракъ ихъ былъ изъ счастливыхъ. Благодаря своимъ рѣдкимъ, высокимъ душевнымъ качествамъ, Екатерина Ѳедоровна сразу сдѣлала стать другомъ, помощницей и опорой своего мужа. Всегда принимая дѣятельное и живое участіе въ его работахъ, вникая въ его научные и жизненные интересы, раздѣлая съ нимъ заботы о семьѣ, она посвятила себя тому, чтобы сдѣлать болѣе легкой и свѣтлой его трудовую жизнь. Екатерина Ѳедоровна на много

лѣтъ пережила своего мужа, скончавшись въ глубокой старости на другой день послѣ столѣтней годовщины дня его рожденія (2 іюня 1912 г.).

Вскорѣ послѣ докторскаго диспута И. И. получилъ командировку въ Петербургъ. Научные интересы его, такъ расширившіеся со времени путешествія, уже не находили въ Харьковѣ достаточно матеріаловъ. «Средствъ для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ (какъ писалъ онъ Ганкѣ), пособій, не только рукописныхъ и старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ» не было почти никакихъ; «ни одного труда (читаемъ тамъ же) не могу окончить удовлетворительно...». Эта бѣдность Харькова научными пособиями еще въ августѣ 1846 года побудила И. И.-ча начать хлопоты о переводѣ въ петербургскій университетъ, лишившійся въ маѣ 1846 года П. И. Прейса. Къ моменту отъѣзда И. И.-ча окончательное рѣшеніе о переводѣ еще не состоялось, и по приказанію министра онъ былъ откомандированъ безъ обозначенія цѣли; ни самъ И. И., ни его харьковское начальство и сослуживцы не думали, что онъ оставляетъ Харьковъ навсегда; онъ предполагалъ провести нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ для изученія памятниковъ древне-русскаго и славянскаго языковъ — рукописныхъ сокровищъ петербургскихъ библіотекъ; какъ писалъ онъ Ганкѣ, изъ-за его отъѣзда харьковскій университетъ не только не проиграетъ, но выиграетъ, потому что по возвращеніи его въ Харьковъ найдетъ въ немъ «профессора несравненно болѣе опытнаго». Такъ думалъ И. И. и въ первые годы петербургской жизни. Но судьба рѣшила иначе: переѣхавъ въ январѣ 1847 г. въ Петербургъ, онъ тамъ остался до самой смерти, послѣдовавшей въ ночь съ 8 на 9 февраля 1880 года.

И. И. былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ Петербургскомъ университетѣ 27-го января 1847 года и 28-го числа прочелъ свою первую лекцію «О пользѣ изученія славянской филологіи» съ вступленіемъ о жизни и заслугахъ Прейса, «умнѣйшаго и образованнѣйшаго изъ славянскихъ филологовъ новаго поколѣнія», какъ говорилъ онъ въ лекціи, которому (какъ читаемъ въ другомъ мѣстѣ) онъ считалъ себя обязаннымъ «болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ въ отношеніи къ изученію филологическихъ задачъ и пріемовъ».

Первоначальная программа чтеній была та же, что и въ Харьковскомъ университетѣ, но въ 1848 г. оказалось необходимымъ ее переработать для представленія въ министерство. Это было время страха передъ идеей славянства и гоненія какъ на славянофиловъ, такъ и на всѣхъ лицъ, у которыхъ мелькали общеславянскія мечты и видѣнія политики. Въ III отдѣленіи было постановлено сообщить министру народнаго просвѣщенія «о предостереженіи цензоровъ, профессоровъ и учителей, чтобы не допускали разсужденій и возгласовъ полуполитическихъ и двусмысленныхъ», было предписано слѣдить за московскими журналами и сборниками, особенно за «Чтеніями Общества исторіи и древностей» и вообще за книгами славянофиловъ, Краевского же поощрить печатать статьи, подобныя той, въ которой онъ «опровергаетъ бредни славянофиловъ». Естественно подверглись гоненію и каѣдры славяновѣдѣнія — науки, касающейся всей совокупности славянъ, какъ единого цѣлаго. Министерству нужно было точно опредѣлить границы этой науки, нужна была исчерпывающая предметъ программа; составленіе ея поручили И. И-чу. Новая программа, по словамъ А. О. Бычкова, своей точностью и ясностью

отстранила отъ славянскихъ кафедръ грозу, которая была готова разразиться надъ ними.

Цѣлью университетскихъ чтеній, какъ читаемъ въ вступительной лекціи 1850-хъ годовъ, И. И. ставилъ «филологическое знаніе того племени, къ которому принадлежитъ русскій народъ, племени славянъ»; филологическое знаніе «не значитъ знаніе только языка, какъ языка, нѣтъ, — языка, какъ выраженія жизни, — и слѣдовательно не исключительно языка, а вмѣстѣ и всего, въ чемъ выражается жизнь славянъ прошедшая и современная, т. е. быта и образованности славянъ, только преимущественно съ помощью языка». Въ другомъ, болѣе позднемъ, вступительномъ чтеніи въ курсъ (1860-хъ гг.) читаемъ: «...Славянская филологія должна изслѣдовать славянскій языкъ, а вмѣстѣ съ нимъ и народную словесность и письменность славянъ, какъ выраженіе жизнедѣятельности славянъ, какъ источникъ для изученія судебъ славянъ и какъ пособіе для разумѣнія историческихъ фактовъ. Имѣя же въ виду, что славяне въ продолженіе своей исторической жизни принадлежали къ двумъ различнымъ степенямъ образованности — древней языческой и новой христіанской, славянская филологія должна обратить вниманіе на ту и другую въ отношеніи къ славянамъ отдѣльно, т. е. на славянскія языческія древности и на судьбу языка, словесности и письменности и вообще образованности славянъ въ христіанскіе вѣка».

Путь къ достиженію знанія славянской филологіи долженъ быть таковъ: во-первыхъ, разсмотрѣніе главныхъ чертъ славянскаго племени; во-вторыхъ, изученіе древностей славянъ; въ-третьихъ, изученіе судебъ ихъ образованности, языка и литературы; наконецъ въ четвертыхъ,

изученіе древностей русскаго языка (изъ вступительнаго чтенія 1850-хъ гг.). Эти четыре подраздѣленія науки славянской филологіи легли въ основу четырехъ главныхъ курсовъ И. И-ча: «Введеніе въ славянскую филологію» (иначе «Общее филологическое обозрѣніе славянъ»), «Славянскія древности», «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» и «Древности русскаго языка и словесности»; первоначально (по программѣ 1849 года) послѣдній курсъ носилъ названіе «Чтеніе древнихъ памятниковъ русскихъ»; вскорѣ къ нему было присоединено общее обозрѣніе исторіи русскаго языка, затѣмъ онъ былъ совершенно переработанъ. Къ этимъ четыремъ основнымъ курсамъ было присоединено два добавочныхъ: 1) «Грамматика нарѣчія старославянскаго церковнаго сравнительно съ другими нарѣчіями, преимущественно съ русскимъ, польскимъ, чешскимъ и сербскимъ» и 2) «Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ западнославянскихъ нарѣчій, особенно сербскаго, польскаго и чешскаго».

«Общее филологическое обозрѣніе славянъ» по программѣ 1849 г. заключало въ себѣ: 1) вступительную часть — о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ, — въ которой, кромѣ общаго этнографическаго обзора славянскаго племени (съ разсмотрѣніемъ вопроса о границахъ его въ древности и теперь), историческаго обзора славянъ въ отношеніи къ общественному быту, къ религіи и образованности (съ современными статистическими данными), было представлено «общее обозрѣніе содержанія и успѣховъ славянской филологіи, какъ науки вообще и въ примѣненіи къ нашимъ ученымъ нуждамъ»; 2) разсмотрѣніе основныхъ чертъ славянскаго языка, заключавшее въ себѣ общій взглядъ на славянскій языкъ и на его видо-

измѣненія сравнительно съ другими индо-европейскими языками, фонетику его, обзорѣніе корней, формъ образованія словъ, формъ словоизмѣненія, синтаксиса; 3) характеристику славянскихъ нарѣчій (перечень ихъ «съ разборомъ мѣстной относительно отдѣленія однихъ нарѣчій отъ другихъ и систематическаго ихъ распредѣленія») и разсмотрѣніе каждаго отдѣльно по тремъ группамъ: юго-западныя, — старославянское церковное, болгарское, сербское съ хорватскимъ, хорутанское; сѣверо-западныя — чешское съ словацкимъ, лужицко-сербскія, балтійскія, польское; восточныя — великорусское съ бѣлорусскимъ и малорусское. Впослѣдствіи этотъ курсъ нѣсколько видоизмѣнился и расширился: въ связи съ желаніемъ знакомить вновь поступающихъ въ университетъ студентовъ съ общими филологическими свѣдѣніями И. И. сталъ излагать имъ обзорѣніе состава, содержанія, главныхъ выводовъ и успѣховъ филологіи вообще; курсъ получилъ названіе «Энциклопедическое введеніе въ славянскую филологію»; первую часть его занимало «общее обзорѣніе филологіи въ ея современномъ состояніи въ связи съ науками вспомогательными», вторая — «общее филологическое обзорѣніе славянскаго племени» — соотвѣтствовала старому курсу, но въ значительно измѣненномъ видѣ. Курсъ этотъ былъ напечатанъ въ 1870-хъ годахъ по конспективнымъ записямъ слушателей.

Курсъ «Славянскихъ древностей въ филологическомъ отношеніи» (такъ названъ курсъ въ программѣ 1849 года) заключалъ въ себѣ кромѣ введенія (предметъ, источники и литература) географическое обзорѣніе древнихъ славянъ по сообщеніямъ византійскимъ, арабскимъ, западно-европейскимъ и русскимъ и обзорѣніе быта и образованности

отдѣльных группъ славянскихъ племенъ — юго-западныхъ славянъ, чеховъ и словаковъ, балтійскихъ, польскихъ и русскихъ (до X вѣка); въ каждой группѣ отдѣльно разбирались вопросы — образъ жизни, край и народъ, переселенія, осѣлости, пути сообщенія, промыслы и торговля, земледѣліе и ремесла, войско и вооруженіе; затѣмъ устройство семейное и общественное, законы и судъ, сословія, княжескіе роды, рабы; затѣмъ религія — языческія вѣрованія и обряды, введеніе христіанства, славянское богослуженіе и латинскіе обряды. Курсъ «Славянскихъ древностей» сохранился въ литографированныхъ запискахъ слушателей 1860-хъ гг., повидимому, въ сокращенномъ изложеніи.

Третій курсъ И. И-ча — «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» распадался на восемь отдѣленій; изъ нихъ въ первомъ, вводномъ, сообщались общія понятія «объ исторіи языка и исторіи словесности, какъ о части исторіи образованности и какъ объ особенномъ цѣломъ», давалось общее историко-филологическое обозрѣніе славянскаго племени, затѣмъ общее обозрѣніе исторіи славянскаго языка и литературы, обзоръ успѣховъ образованности славянъ, очеркъ исторіи славянскаго языка (три части: главныя черты славянскаго языка, ходъ его постепеннаго измѣненія по пути превращеній и мѣстныхъ видоизмѣненій въ народѣ и письменности, вліяніе иноплеменныхъ языковъ на его измѣненія въ отношеніи къ строю и составу въ народѣ и письменности), далѣе — характеристика народной словесности и характеристика книжной литературы. Въ слѣдующихъ семи отдѣленіяхъ курса разбиралась исторія и литература славянскихъ нарѣчій, cadaго самостоятельно: старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и хорватскаго,

хорутанскаго, чешскаго и словацкаго, сербо-лужицкихъ и балтійскихъ и польскаго; каждый изъ этихъ отдѣловъ заключалъ въ себѣ (съ различными видоизмѣненіями) историческій очеркъ образованности народа, употреблявшаго то или другое нарѣчіе, исторію нарѣчія, обзоръ народнои словесности и письменной литературы до новаго времени. Въ послѣдствіи курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій былъ раздѣленъ Срезневскимъ съ В. И. Ламанскимъ: И. И. взялъ на себя исторію языка, В. И. Ламанскій — исторію литературы. Курсъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій въ бумагахъ И. И.-ча сохранился въ довольно полномъ видѣ, частью въ подлинной рукописи, частью въ копіяхъ; курсъ исторіи славянскаго языка и его нарѣчій былъ литографированъ слушателями въ 1870-хъ годахъ и сохранился съ переправками послѣдняго времени.

Четвертый курсъ И. И. Срезневскаго первоначально былъ посвященъ чтенію древнихъ памятниковъ русской письменности. При объясненіи ихъ, говорится въ программѣ 1849 года, «примѣняются, насколько нужно, западные славянскія нарѣчія и отмѣчаются главные факты исторіи древняго русскаго языка». Вскорѣ къ этому присоединилось общее обзорѣніе исторіи русскаго языка. Курсъ былъ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ; начинался вступленіемъ (въ послѣдствіи переработаннымъ въ статью «Древнія русскія книги»), затѣмъ шло обзорѣніе древнѣйшей лѣтописи, договоровъ съ греками, лѣтописныхъ сказаній болѣе поздняго времени, сочиненій Луки Жидаты, Иларіона, Іакова мниха, церковныхъ уставовъ и прочихъ памятниковъ до середины XI вѣка. Уже въ 1850 годахъ (сохранились программы 1856 — 1858 гг.)

курсъ этотъ превратился въ курсъ «Русскихъ древностей» (или «Древностей русскаго языка»), принявъ совершенно иную редакцію. Вступительная часть его заключала въ себѣ, послѣ общаго обзора содержанія предмета и литературы его, — палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней русской письменности съ XI по XIV вѣкъ съ разсмотрѣніемъ ихъ списковъ, и обозрѣніе формъ древняго русскаго языка (здѣсь обращалось вниманіе на факты переходнаго состоянія языка по памятникамъ XIV вѣка и разбирался лексическій составъ русскаго языка). Вторая часть курса заключалась въ разсмотрѣніи памятниковъ по содержанію, съ раздѣленіемъ на два разряда — 1) духовная письменность и 2) историческая письменность; первый разрядъ подраздѣлялся на книги богослужебныя, книги св. писанія и догматовъ вѣры, объяснительно-богословскія и поучительныя сочиненія — переводныя и русскія, съ именами и безыменныя (большое вниманіе было удѣлено поученіямъ противъ бѣсовскихъ игръ и пѣсенъ и противъ кумиролуженія); второй разрядъ раздѣлялся на двѣ части: 1) переводныя сочиненія — палей, хронографъ, житія святыхъ, апокрифы, повѣсти, и 2) русскія — лѣтописи (съ пересмотромъ главнѣйшихъ данныхъ русской общественной жизни, находимыхъ въ лѣтописяхъ, съ разсмотрѣніемъ главнѣйшихъ видовъ вставныхъ статей въ лѣтописяхъ, собственнаго состава лѣтописи, языка лѣтописей) и отдѣльныя сказанія и повѣсти (сюда входило разсмотрѣніе житій, историческихъ повѣстей, записокъ современниковъ о себѣ, путевыхъ записокъ, поэтическихъ словъ въ сравненіи съ соответствующими произведеніями скандинавской народной поэзіи). Первоначальная редакція курса «Русскихъ древностей» сохранилась въ почти обработанномъ къ печати

видѣ; вторая редакція постепенно перерабатывалась, и только нѣкоторыя части ея были болѣе или менѣе закончены, именно въ трудѣ, писанномъ въ послѣдніе мѣсяцы жизни И. И-ча и оставшемся не законченнымъ.

Курсъ «Русскихъ древностей» въ срединѣ 1860-хъ гг. дополнился необязательнымъ курсомъ Славянской палеографіи; одна изъ обработокъ этого курса была напечатана послѣ смерти И. И-ча подъ заглавіемъ «Славяно-русская палеографія». Но кромѣ этого курса, какъ видно изъ конспектовъ, были и другіе, по всей вѣроятности, никогда не излагавшіеся письменно, а передававшіеся слушателямъ устно. Таковъ курсъ, въ конспектѣ названный «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской до-татарскаго періода». Курсъ дѣлится на три части: 1) Внѣшность рукописей, 2) Подлинники и списки и 3) Рукописи, какъ памятники образованности древней Руси (разряды рукописей, переводчики и сочинители). Первая часть этого курса сохранилась также и въ иномъ планѣ, вѣроятно болѣе раннемъ, и, можетъ быть, предназначавшемся не для лекцій, а для научнаго труда. «Палеографическое обозрѣніе памятниковъ древней письменности русской» (какъ названъ этотъ трудъ), подраздѣляя памятники на три разряда (книги, грамоты и написи), разбираетъ два первые разряда вмѣстѣ, послѣдній отдѣльно. При разсмотрѣніи рукописей изслѣдуются работы по писанію (писцы, матеріалъ, чернило, перо, линевка, почеркъ, потные знаки, приписки), работы по рисованію (рисовальщики, краски, кисти и перо, заставки, картины) и переплетъ книги или складка грамоты. Въ отдѣлѣ написей разбираются разные виды написей по матеріалу и работѣ и почеркъ буквъ написей сравнительно съ рукописями. Въ дополненіе

къ курсу Русской палеографіи въ 1872 г. И. И. читалъ эпизодическій курсъ Греческой палеографіи.

Кромѣ университета И. И. состоялъ профессоромъ Главнаго педагогическаго института по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій съ самаго учрежденія этой кафедры въ институтѣ въ 1848 году до закрытія института въ 1859 году. Вслѣдствіе особенныхъ цѣлей, преслѣдовавшихся институтомъ, специально предназначеннымъ для подготовки молодыхъ людей къ учительскимъ должностямъ, И. И.-чу пришлось нѣсколько измѣнить университетскую программу и характеръ преподаванія, опустивъ изложеніе древностей быта и увеличивъ количество практическихъ упражненій. Позже, въ 1855 году, программа эта была принята въ руководство министерствомъ народнаго просвѣщенія и напечатана.

По этой программѣ курсъ славянской филологіи распался на два главныхъ отдѣла: 1-й подготовительный, общій для всѣхъ студентовъ (1-го и 2-го курсовъ), 2-й чисто филологическій — для студентовъ-филологовъ (3-го и 4-го курсовъ). Въ первый отдѣлъ входило общее филологическое обозрѣніе славянъ, распавшееся на слѣдующія части: 1, о славянскомъ племени и народахъ, его составляющихъ; 2, основныя черты славянскаго языка; 3, филолого-литературное обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; къ этому же отдѣлу относился практическій курсъ нарѣчій старославянскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго. Во второй отдѣлъ входилъ курсъ древностей славянскаго языка: 1, историческія припоминанія о судьбахъ славянъ въ IX — XIV вѣкахъ; 2, обозрѣніе памятниковъ языка; 3, судьбы народнаго языка и народной словесности; 4, судьбы книжнаго языка и литературы; сюда же относился курсъ новой исторіи

славянской литературы (введение, литература сербская, чешская и польская).

Собственноручныя записки лекцій И. И-ча сохранились далеко не всё въ полномъ видѣ; старыя записки обыкновенно шли въ дѣло при новыхъ обработкахъ курсовъ, постепенно измѣняясь въ зависимости отъ развитія научныхъ воззрѣній автора. «Изслѣдованія только начаты», писалъ И. И. арх. Амфилохію въ 1859 г.; «тѣмъ, что сдѣлано, довольствоваться нельзя; чѣмъ лучше слушатели, тѣмъ болѣе хочется быть имъ полезнымъ: отъ этого и приходится или перерабатывать съ-изнова то, надъ чѣмъ уже трудился, или съ самаго начала трудиться». Возстановить полныя курсы лекцій И. И-ча не легко; какъ бы то ни было, но для исторіи науки славяновѣдѣнія возстановленіе это очень важно, и нужно надѣяться, что когда-нибудь оно и будетъ сдѣлано, хотя бы въ видѣ подробныхъ конспектовъ.

Ведя курсы своихъ лекцій, И. И. всегда ставилъ своею цѣлью пробужденіе въ своихъ слушателяхъ самостоятельности и привлекалъ ихъ къ дѣятельному въ нихъ участию. На необходимость этого онъ указываетъ въ одной изъ вступительныхъ лекцій: «не только долженъ я останавливать ваше вниманіе на томъ, что нужно», говоритъ онъ, «но и вы должны принимать въ этомъ живое участіе, не про себя, а взаимно со мною. Намъ нужны собесѣдованія». Въ другой, заключительной лекціи, онъ говоритъ: «Я хотѣлъ бы представлять на ихъ (слушателей) соображеніе то, что можетъ служить для уясненія и пополненія извѣстнаго и вмѣстѣ пробуждать ихъ самодѣтельную мысль, не вода ихъ на помочахъ, а раскрывая вопросы и данныя, годныя для ихъ рѣшенія, и возбуждая ихъ безпристрастную, покойную и честную наблюдательность. Лестно для често-

любя, конечно, имѣть послѣдователей, но вовсе не лестно и не честно останавливать движеніе науки впередъ; а слѣпые послѣдователи только для этого и существуютъ. Я бы хотѣлъ имѣть не послѣдователей, а сотрудниковъ, работающих или помогающихъ работать другимъ, не для утвержденія въ себѣ напередъ увѣрованныхъ идей и взглядовъ, а для отысканія истины, какова бы она ни была, не для убиванія науки, а для жизни»...

Стремленіе пробудить среди слушателей «самодѣтельную мысль», самостоятельность въ трудѣ, умѣнье научно работать—вело за собою требованіе постоянныхъ самостоятельныхъ работъ студентовъ надъ отдѣльными вопросами, самостоятельнаго составленія отдѣльныхъ лекцій, или цѣлаго ряда ихъ. Въ архивѣ И. И-ча сохранилось множество подобныхъ работъ и рядовыхъ студентовъ, и лицъ, занявшихъ впослѣдствіи высокія мѣста въ исторіи русской культуры; всѣ работы эти являются яркимъ отраженіемъ основной идеи И. И-ча, рѣшительно проводившейся имъ съ первыхъ лекцій въ Харьковѣ до конца жизни.

Добиваясь въ своихъ слушателяхъ развитія самодѣтельности и самостоятельности, И. И. требовалъ въ то же время критическаго отношенія къ самимъ себѣ, научной осторожности въ выводахъ, не допускалъ «самонадѣльности», остерегалъ отъ скороспѣлыхъ приговоровъ. И для самого себя онъ былъ первый и беспощадный критикъ. «Судите меня строго», говоритъ онъ въ своей заключительной лекціи, изъ которой уже приведена выше цитата: «это и мнѣ будетъ полезно, если только опѣнка ваша не будетъ для меня тайной; это будетъ полезно и не для одного меня. Пусть каждый изъ насъ будетъ возвышать ученую требовательность въ себѣ и вокругъ себя для пользы общей,—и мы

[illegible]

Утение:

Судите меня *строго* — и выйдем за прошлое ваше *извините*, если в чем не удовлетворял вашим ожиданиям и желаниям. Вирьте, что это было не от волн моей и не от перальцы. Для будущих ваших товарищей дайте мне *дружеский совет*, как бы к цели своей я мог стремиться с большею для них выгодой.

3°

всѣ пойдемъ впередъ, какъ сотрудники въ общемъ дѣлѣ, кто бы чѣмъ ни занимался».

И. И. высоко ставилъ науку, требовалъ къ ней уваженія, и во всѣхъ, кого училъ наукѣ или съ кѣмъ сблизался на почвѣ ея, старался пробудить любовь къ ней—будь то студенты, дѣти, товарищи или случайные слушатели: «Люби науку», говоритъ онъ въ своей одушевленной рѣчи на торжествѣ столѣтія смерти Ломоносова, — «она намъ необходима — строгая въ изслѣдованіяхъ, отвѣтственная передъ цѣлымъ свѣтомъ, но родная по направленію, родная по языку. Она должна быть основой и судіей всѣхъ нашихъ успѣховъ, душой порядка, вожатаемъ промышленности, свѣтомъ, для всѣхъ одинаково открытымъ, хранимымъ всѣми, паремъ и пародомъ, отъ враговъ явныхъ и тайныхъ—отъ невѣжества и безпечности, чванства, своекорыстія, суемудрія и суесловія. Люби науку не въ себѣ одномъ, а во всѣхъ ей преданныхъ, вездѣ и во всемъ, и тепли любовь эту въ юношахъ».

«Въ преподаваніи своей науки», читаемъ въ воспоминаніяхъ Л. Н. Майкова, бывшаго ученикомъ И. И-ча, «онъ увлекалъ живостью, ясностью и простотой изложенія, наглядными подробностями и неподдѣльнымъ воодушевленіемъ, которое отъ профессора легко сообщалось и студентамъ; и этотъ интересъ, эта сила впечатлѣнія еще возрастали въ личныхъ съ нимъ сношеніяхъ: онъ умѣлъ пріохотить къ занятіямъ и старался возбуждать въ своихъ слушателяхъ самостоятельность; его критическая пылкость въ общности оказывала развивающее вліяніе на тѣхъ, кто пользовался его руководствомъ, и если онъ бывалъ требователенъ въ разсмотрѣніи представляемыхъ ему работъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ и слово поощренія и ободренія для тѣхъ,

въ комъ видѣть способности и охоту къ научному труду». По словамъ другого ученика И. И-ча, П. И. Аландскаго, «изложеніе его отличалось ясностью, точностью, опредѣленностью, безъ малѣйшаго намека на прикрасы»; «онъ не старался поражать слушателей громадностью фактическихъ данныхъ», и представлялъ имъ «не многія, но точныя данныя науки». Будучи на лекціяхъ гораздо откровеннѣе, чѣмъ въ ученыхъ печатныхъ трудахъ, говорить слушатель И. И-ча Я. О. Красношѣвцевъ, онъ нерѣдко сообщалъ студентамъ и такія научныя мнѣнія, какихъ не высказывать въ печати; при этомъ всегда «открещивался отъ навязыванія имъ своихъ взглядовъ, «всегда сообщалъ и мнѣнія противоположныя».

Объ отношеніи И. И-ча къ студентамъ припоминаетъ въ своемъ біографическомъ очеркѣ В. И. Ламанскій, тоже ученикъ его, потомъ товарищъ по кафедрѣ. «Къ молодежи», говоритъ онъ, «И. И. всегда относился съ великимъ участіемъ, а если замѣчалъ въ молодомъ человѣкѣ искреннюю любовь къ наукѣ и дарованіе, то даже съ увлеченіемъ; въ то время, когда его сверстники—старіки однихъ съ нимъ чиновъ и орденовъ, о Чернышевскомъ и Добролюбовѣ иначе не отзывались какъ съ ненавистью и негодованіемъ, И. И. прямо говорилъ объ ихъ умѣ, дарованіи и образованности». Нѣкоторые изъ наиболѣе цѣнимыхъ имъ студентовъ, особенно тѣ, у которыхъ не было семьи въ Петербургѣ, бывали имъ приняты въ его семейномъ кругу, какъ свои. Эта близость нерѣдко продолжалась и послѣ того, какъ студенты кончали курсъ.

Въ одной изъ многочисленныхъ статей объ И. И-чѣ, появившихся въ печати послѣ его смерти, вспоминаются «его умныя, полныя творчества бесѣды, въ которыхъ

раскрывалъ онъ свои научные взгляды и выводы, особенно въ тѣхъ областяхъ знанія, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ»; «оттого», говорится тамъ, «многіе готовы были признать себя его учениками, хотя и не были слушателями его лекцій». О бесѣдахъ И. И-ча вспоминаетъ также В. И. Ламанскій: «Подвижность и энергія, оригинальный умъ, богатство личнаго опыта и разнообразіе живыхъ и книжныхъ свѣдѣній, мастерское знаніе русской рѣчи, находчивость въ выборѣ нужнаго слова и выраженія для каждаго оттѣнка мысли и предмета разговора дѣлали И. И-ча чрезвычайно занимательнымъ собесѣдникомъ. Его сужденія о различныхъ явленіяхъ жизни, искусства, литературы, науки были всегда своеобразны и остроумны, а его отношенія къ людямъ, при всей его насмѣшливости, извѣстномъ скепсисѣ и критицизмѣ, вообще отличались терпимостью и доброжелательствомъ. Только пошлость, самодовольное невѣжество, такъ называемая имъ канцелярщина и завѣдомое поправаніе свято имъ чтимыхъ высокихъ семейныхъ началъ всегда возбуждали въ немъ неумолнимую насмѣшку и негодованіе».

Профессорская дѣятельность И. И-ча въ С.-Петербургскомъ университетѣ продолжалась въ теченіе 33 лѣтъ, съ января 1847 по январь 1880 г.; послѣднія лекціи были прочтены имъ дома, такъ какъ онъ уже не въ силахъ былъ ѣздить въ университетъ.

Университетская жизнь слилась съ жизнью самого И. И-ча, сдѣлалась ея неразрывной частью. Помимо научной учебной дѣятельности, въ университетѣ у него была и иная дѣятельность: до самой смерти онъ состоялъ деканомъ факультета, такимъ образомъ непремѣннымъ членомъ правленія; въ 1861 г., въ одну изъ тяжелыхъ минутъ

жизни университета, исправлялъ должность ректора; въ 1862 — 1863 г. состоялъ членомъ комиссіи по управленію дѣлами университета. Эта сторона дѣятельности, далекая отъ науки, связанная съ обязанностью имѣть дѣло съ ненавистнымъ ему чиновничествомъ, «приказными» (какъ онъ называлъ), много отняла у него силъ и здоровья и значительно способствовала развитію жестокихъ нервныхъ страданій. Въ особенности тяжело ему бывало бороться противъ официально-полицейскаго отношенія къ студентамъ, къ которымъ онъ самъ относился строго, но сердечно. Сердечность эта чувствовалась молодежью и находила среди нея благодарный откликъ; И. И. вспоминалъ, какъ оберегали его студенты отъ возможныхъ случайностей, когда во время университетскихъ волненій ему приходилось въ качествѣ официального лица бывать среди возбужденной толпы.

Въ засѣданіи Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ 18 декабря 1848 г. И. И. былъ избранъ адъюнктомъ этого Отдѣленія. Русское отдѣленіе Академіи не блистало въ то время научными силами; въ немъ былъ собственно только одинъ представитель истинной учености, А. Х. Востоковъ, въ лицѣ котораго И. И. нашелъ себѣ неопцнимаго учителя и совѣтника; другіе члены, за исключеніемъ, можетъ быть, П. Г. Буткова и В. А. Полѣнова, къ наукѣ имѣли мало отношенія: это были И. И. Давыдовъ, М. А. Коркуновъ, П. А. Плетневъ, Я. И. Берединковъ и І. С. Кочетовъ. Труды Отдѣленія при вступленіи И. И.-ча были посвящены составленію обще-сравнительной грамматики русскаго языка, разбору матеріаловъ для словаря областныхъ словъ и пополненію изданныго въ 1847 г.

«Словаря церковно-славянскаго и русскаго языка». И. И. поемному началъ вносить оживленіе въ унылую дѣятельность Отдѣленія и вскорѣ на многіе годы, до самой своей смерти, сдѣлался его центромъ, главной его научной силой.

Первая идея, которую И. И. сталъ проводить въ среду своихъ сочленовъ, — была мысль о необходимости положить начало періодическому изданію, посвященному исключительно «наукѣ русскаго языка и знаніямъ для него вспомогательнымъ», «которое бы для всякаго образованнаго русскаго облегчало возможность слѣдить за успѣхами русской и вообще славянской филологіи» и содѣйствовало такой дѣятельности. Многихъ успій стоило И. И-чу осуществленіе этой мысли, но все-таки, въ концѣ концовъ, онъ достигъ ея исполненія, и въ 1852 г. Отдѣленіе приступило къ изданію «Извѣстій»; душою ихъ, единственнымъ и безсмѣннымъ редакторомъ во все время ихъ существованія былъ И. И. «Извѣстія» выходили съ 1852 по 1863 г.; ихъ вышло 10 томовъ. Какъ особыя приложенія къ нимъ, издавались «Матеріалы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря» (7 томовъ) и «Памятники и образцы народнаго языка и словесности» (4 тетради). Въ непосредственной связи съ этимъ изданіемъ находятся начатыя Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности въ 1854 г., также подъ редакціей Срезневскаго, «Ученыя Записки» (прекратившіяся въ 1863 г.).

«Извѣстія» съ своими приложеніями составили замѣчательное явленіе во всей славянской наукѣ; они стали средоточіемъ дѣятельности русскихъ филологовъ, палеографовъ и историковъ литературы и дали массу цѣнныхъ статей по славяновѣдѣнію, языкознанію, литературѣ, палео-

графіи, обширный подборъ матеріаловъ по народной словесности, рядъ словарей (между прочимъ замѣчательный трудъ Востокова «Словарь церковно-славянскаго языка»), а въ отдѣлѣ «Библіографическія записки» — живую лѣтопись всѣхъ событій литературной и научной жизни русскаго, западнаго и южнаго славянства за обнимаемый ими періодъ времени.

Годы редактированія «Извѣстій» были порой наиболѣе кипучей дѣятельности И. И-ча въ Академіи; это было время полного расцвѣта его силъ. Пересматривая томы «Извѣстій», приходится только удивляться работоспособности и энергіи ихъ редактора; въ обоихъ изданіяхъ Отдѣленія было помѣщено до 80 его изслѣдованій и безъ малаго 600 библіографическихъ замѣтокъ, иногда принимавшихъ размѣры крупныхъ статей. Но тяжело физически и нравственно легла на И. И-ча эта работа. Оканчивая «Извѣстія» въ 1863 году, онъ писалъ архимандриту Амфилохію: «Трудиться, какъ трудился, уже не могу; не хватаетъ силъ, и глазъ, и времени. . . . А между тѣмъ другихъ работъ у меня много: . . . словарь, палеографія, критическое разсмотрѣніе памятниковъ, исторія языка и т. д. Не хватить моей жизни покончить все затѣянное — я это чувствую; тѣмъ не менѣе надо додѣлать хоть что нибудь».

Университетъ и Академія во весь петербургскій періодъ являются двумя главными центрами жизненныхъ и научныхъ интересовъ И. И-ча. Первый, близкій къ дѣйствительной жизни, нерѣдко отвлекалъ его отъ науки къ практической дѣятельности, вторая постепенно глубже и глубже погружала его въ чистую науку, съ теченіемъ времени все болѣе отвлеченную. «Въ одной наукѣ», писалъ И. И. архимандриту Амфилохію, «можно найти успокоеніе, потому что

она одна можетъ быть такимъ занятіемъ для человѣка, которое его не обезсилитъ и не отведетъ отъ нравственныхъ убѣжденій, а между тѣмъ всегда его будетъ влечь къ себѣ и давать возможность быть полезнымъ для другихъ».

Въ основѣ всей научной дѣятельности петербургскаго періода лежали труды филологическіе; имъ, можно сказать, посвящена эта часть жизни И. И-ча, и все, надъ чѣмъ онъ работалъ, къ нимъ велось, ихъ имѣло цѣлью. Первые его работы по филологіи относятся еще ко времени путешествія по западнымъ славянскимъ землямъ и даже къ болѣе раннимъ годамъ; изъ числа ихъ слѣдуетъ припомнить: «О славянскихъ нарѣчіяхъ» — характеристика хорутанскаго нарѣчія (1841), «Исслѣдованіе о границахъ славянскихъ нарѣчій» (1843), «Обозрѣніе сродства звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ» (1845).

Съ переездомъ въ Петербургъ, открывшимъ И. И-чу доступъ къ памятникамъ русскаго письма, филологическія разысканія его по преимуществу направились къ историческому изученію русскаго языка. Первымъ результатомъ этихъ работъ былъ замѣчательный трудъ его «Мысли объ исторіи русскаго языка» (изданы были 4 раза: два — въ 1849, въ 1850 и въ 1887 гг.). Первоначально актовая университетская рѣчь, впоследствии «Мысли» были дополнены обширными примѣчаніями и отчасти переработаны. Начавъ собою, какъ говоритъ А. А. Котляревскій, «настоящее строго методическое изученіе исторіи русскаго языка», эта работа можетъ быть названа однимъ изъ главнѣйшихъ этаповъ науки русскаго языкознанія. Въ ней впервые высказывается убѣжденіе въ необходимости историческаго изученія языка въ связи съ исторіей народа, впер-

Въ языкѣ народъ выражаетъ себя полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ
 чемъ либо другомъ — не только въ послѣднемъ своемъ положеніи, но и
 исторически. Все, что есть у народа въ его бытѣ и понятіяхъ, и все, что
 народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется
 языкомъ. Въ высшемъ своемъ жизненномъ и исторически важномъ при-
 мѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей
 образованности народа: жизненныхъ правилъ, научныхъ знаній, религіо-
 зныхъ вѣрованій и художественнаго вкуса.

Изъ Энциклопедическаго введенія въ Славянскую филологію (1876—1877).

Ученіе:

Въ языкѣ народъ выражаетъ себя полнѣе и многостороннѣе, чѣмъ въ
 чемъ либо другомъ — не только въ послѣднемъ своемъ положеніи, но и
 исторически. Все, что есть у народа въ его бытѣ и понятіяхъ, и все, что
 народъ хочетъ сохранить въ своей памяти, выражается и сохраняется
 языкомъ. Въ высшемъ своемъ жизненномъ и исторически важномъ при-
 мѣненіи языкъ становится орудіемъ и проводникомъ всѣхъ потребностей
 образованности народа: жизненныхъ правилъ, научныхъ знаній, религіо-
 зныхъ вѣрованій и художественнаго вкуса.

вые поднимается вопросъ о древности нарѣчій русскихъ и времени ихъ образованія, разбираются особенности древняго русскаго языка въ его постепенныхъ измѣненіяхъ, даются указанія для работъ по подготовленію матеріала для составленія исторіи русскаго языка при посредствѣ подробнаго пересмотра древнихъ памятниковъ, изученія народныхъ нарѣчій и современнаго языка литературы и образованнаго общества. «Ни прежде, ни послѣ этого труда Срезневскаго», — говоритъ Н. В. Волковъ въ статьѣ «Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка», — «ни разу не ставилась такъ полно задача русской филологіи и не намѣчались пути ея развитія». «Мы видимъ передъ собой въ этомъ трудѣ» (слова А. А. Шахматова въ лекціяхъ по исторіи русскаго языка, чит. въ 1890 г.) «отлично дисциплинированнаго ученаго; ему не только ясно высокое качество сосредоточившагося научнаго матеріала, его не только занимаетъ конечная цѣль научнаго строительства—это опытный работникъ, приступающій къ самому строительству».

Намѣтивъ въ «Мысляхъ» программу дальнѣйшей работы для созиданія исторіи русскаго языка, П. И. приступилъ къ постепенному ея выполненію путемъ изученія отдѣльныхъ памятниковъ языка, какъ старославянскаго, такъ и древне-русскаго, путемъ подготовительныхъ словарныхъ работъ для общаго историческаго русскаго словаря и собиранія матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка, путемъ изслѣдованій по географіи языка и изученія памятниковъ народной словесности. Онъ осторожно велъ свои изслѣдованія, не увлекался поспѣшными выводами, остерегаясь давать не вполне обоснованныя гипотезы, и свои мнѣнія рѣдко высказывалъ съ рѣшительностью. Но общая идея работъ была ясна для него. Люди,

не понимавшіе, что за частными и мелкими на первый взгляд вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ онъ трудился и которыми подчасъ занималъ своихъ сочленовъ по Академіи, скрывается глубокий смыслъ, не уяснявшіе себѣ, что такіе вопросы являются только матеріаломъ для болѣе точнаго и правильнаго рѣшенія вопросовъ общаго значенія, — люди эти смѣялись надъ Срезневскимъ, скучали въ засѣданія отъ его «юсовъ», но «мертвый буквоѣдъ» былъ неизмѣримо ихъ выше; это былъ мыслитель съ великими горизонтами и съ ясной вѣрой въ науку, служенію которой посвятилъ свою жизнь.

Непрерывной полосой почти черезъ всю жизнь И. И-ча идутъ его работы по собиранію лексическихъ матеріаловъ славянскихъ языковъ. Къ работамъ этимъ онъ приступилъ еще до заграничнаго путешествія, начавъ собирать матеріалы для малорусскаго словаря, который и былъ впоследствии составленъ вчернѣ подъ заглавіемъ «Словарь южно-русскаго нарѣчія». Однимъ изъ результатовъ путешествія въ западно-славянскія земли явился словарь нарѣчія горныхъ словаковъ, оставшійся въ рукописи, и нѣсколько мелкихъ словариковъ западно-славянскихъ нарѣчій. По переѣздѣ въ Петербургъ и вступленіи въ Академію И. И. принялъ дѣятельное участіе въ работахъ надъ областнымъ русскимъ словаремъ (редакція котораго была взята на себя А. Х. Востоковымъ); по порученію Отдѣленія онъ составилъ его программу и внесъ въ него свое обширное собраніе матеріаловъ по областному языку. Длинный рядъ статей былъ посвященъ имъ вопросу лексикографіи; таковы: обширный разборъ Академическаго словаря 1847 г. (1848), разборъ словарей Рейфа (1851), замѣтка о словарѣ литовскаго языка Нессельмана (1852), «Замѣчанія

касательно новаго изданія русскаго словаря» (1853), «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» (1854), записка о словарѣ малорусскаго нарѣчія, сост. А. Аванасьевымъ (1854), разборъ церковно-славянскаго словаря Востокова (1857), «Замѣтки по поводу чтенія мнѣній Я. Гримма о словарѣ» (1859), «О французскихъ словаряхъ по поводу словаря Поатвеня» (1860), «Замѣчанія о словарѣ славянскихъ нарѣчій» (1866), записка о составленіи словаря русскаго языка (1866).

Работы надъ тѣмъ монументальнымъ трудомъ, который увидѣть въ печати самому И. И-чу не пришлось и который только въ 1912 г. закончился одиннадцатымъ выпускомъ, начаты имъ издавна — съ половины 1840-хъ гг. Сначала составитель не предполагалъ ограничить его матеріаломъ письменныхъ памятниковъ древней литературы, думая внести въ него и новыі языкъ; но планъ этотъ, постепенно перерабатываясь, къ концу 1860-хъ гг. вылился въ словарь древне-русскаго языка по памятникамъ до XIV в.; тогда же была сдѣлана первая проба его изданія, остановившаяся на первомъ же листѣ; причиной этой остановки былъ, очевидно, сильный приливъ памятниковъ: это была пора открытій въ исторіи изученія русскаго письменности. Увеличивая число памятниковъ даннаго періода вносились въ матеріалъ для словаря, И. И. послѣ 1860-хъ гг. сталъ понемногу расширять и самый періодъ времени, изъ памятниковъ котораго онъ черпалъ матеріалы, захвативъ въ своихъ работахъ, кромѣ XI—XIV вв., XV и частью XVI вѣка. Наиболе трудный вопросъ при составленіи словаря заключался въ систематизаціи, т. е. въ выдѣленіи изъ всего запаса собраннаго лексическаго матеріала, включавшаго помимо древняго русскаго языка и

церковно-славянскій, именно того, что представляло собою языкъ русскаго народа XI—XV вв.; этотъ вопросъ составителю словаря пришлось рѣшить, принявъ въ основу принадлежность или непринадлежность данного памятника къ русской письменности; отдѣленіе языка церковно-славянскаго отъ древняго русскаго онъ находилъ настолько невозможнымъ, насколько невозможно теперешній русскій языкъ отдѣлить отъ простонароднаго; и словарь свой, нужно думать, понималъ не только какъ сборникъ словъ и реченій живого народнаго языка древней Руси, но и какъ совокупность всѣхъ словъ, находящихся въ памятникахъ русскаго письма, — т. е., такимъ образомъ, и церковно-славянскихъ, — усвоенныхъ, понимаемыхъ и распространенныхъ въ образованномъ классѣ древней Руси, среди русскихъ книжныхъ людей X—XV вѣковъ.

Словарь послѣ смерти И. И-ча остался въ рукописи, върѣе — въ массѣ карточекъ и рядѣ частныхъ словарей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Значеніе словаря еще при жизни составителя было оцѣнено и отдѣльными учеными, пользовавшимися его матеріалами, и сочленами его по Отдѣленію русскаго языка, хорошо знакомыми по неоднократнымъ его сообщеніямъ съ ходомъ и направленіемъ его словарной работы и принимавшими участіе въ обсужденіи ея плана; это обстоятельство сдѣлало то, что словарь не остался подъ спудомъ и издастъ Академіей. Онъ названъ «Матеріалами для словаря древне-русскаго языка», такъ какъ дѣйствительно въ значительной мѣрѣ представляетъ собою сырой матеріалъ, не обработанный опытной рукой мастера. Собранный И. И-чемъ лексическій матеріалъ громаденъ: словарь обнимаетъ собою 308 печатныхъ листовъ или 4928 столбцовъ; по при-

близительному подсчету количество всѣхъ выписокъ достигаетъ 120.000.

Къ общимъ работамъ по русскому языку слѣдуетъ отнести тѣ, которыя были посвящены вопросамъ преподаванія языка. Онѣ явились, какъ И. И. самъ пишетъ, результатомъ его служебной дѣятельности: въ 1848 г. онъ былъ назначенъ для наблюденія за преподаваніемъ и испытаніями по русскому языку и словесности въ петербургскихъ гимназіяхъ, потомъ съ 1851 по 1857 г. состоялъ инспекторомъ частныхъ пансіоновъ и школъ въ Петербургѣ, съ 1856 по 1859 г. былъ членомъ ученаго комитета главнаго управленія училищъ по русской словесности. Всѣ эти служебныя занятія не были, да и не могли быть по самому складу натуры И. И. Срезневскаго, простою формальностью: онъ уходилъ въ нихъ глубоко и съ увлеченіемъ. Вопросы преподаванія языка и вообще вопросы педагогики были кромѣ того близки и важны ему какъ отцу — учителю и воспитателю своихъ дѣтей. Въ его мысляхъ по этимъ вопросамъ мы видимъ поэтому такъ много глубины, опытности и вниманія.

Первое мѣсто въ ряду педагогическихъ трудовъ И. И. занимаютъ его бесѣды «Объ изученіи родного языка вообще и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ» — извлеченіе изъ читанныхъ имъ въ 1860 году публичныхъ лекцій въ пользу недостаточныхъ студентовъ. Бесѣды эти, затрагивая жизненные, больные донынѣ, вопросы педагогики, въ свое время возбудившія оживленный обмѣнъ мнѣній, не только не потеряли значенія, но и теперь должны быть поставлены въ ряду лучшихъ трудовъ, наиболѣе полно продуманныхъ и широко охватывающихъ предметъ. Нѣкоторыя ихъ страницы всегда будутъ останавливать на себѣ сочув-

ственное вниманіе не только воспитателя, но и всякаго вдумчиваго человѣка. Къ той же области относятся и отличаются тѣмъ же характеромъ статьи: «Замѣчанія о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Дополненія

Родной нашъ языкъ долженъ быть главною основой и основой нашей образованности и образованія каждаго изъ насъ — какъ это бы въ немъ онъ сосредоточивались и отъ него зависели:

Изъ бесѣдъ «Объ изученіи родного языка».

къ замѣчаніямъ о первоначальномъ курсѣ русскаго языка» (1859), «Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» (1871), «Изъ добавочныхъ листковъ къ бесѣдамъ объ изученіи родного языка» (1899). Кромѣ этихъ работъ въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось, и до сихъ поръ еще не издано, не мало замѣтокъ, принимавшихъ иногда размѣръ обширныхъ статей, отвѣтовъ на запросы попечителей округа и министровъ. Таковы: Наставленіе преподавателямъ русскаго языка и словесности въ гимназіяхъ (ок. 1850 г.), Записка о преподаваніи отечественнаго языка и словесности

въ гимназіяхъ (1858), Замѣчанія о программахъ русскаго языка и словесности, Записка объ упражненіяхъ воспитанниковъ гимназій по русскому языку и словесности (1876) и др.

Труды И. И-ча по географіи русскаго языка и по разработкѣ вопросовъ лингвистики въ связи съ этнографіей въ петербургскій періодъ его жизни сосредоточились въ географическомъ обществѣ, въ которое онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ по этнографическому отдѣленію вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ февралѣ 1847 г. Наибольшую напряженность работы его по отдѣленію этнографіи имѣли въ 1850-хъ гг., когда онъ состоялъ сначала (1850 — 1856) помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи Н. И. Надеждина, а затѣмъ предсѣдательствующимъ (1857—1859). Съ самаго вступленія въ общество И. И. занялся разработкой обширнаго собранія рукописныхъ матеріаловъ, поступавшихъ въ общество въ отвѣтъ на рассылаемую этнографическую программу; въ 1852 г. онъ предложилъ начать изданіе разработанныхъ имъ матеріаловъ географическаго общества съ приложеніемъ своего собственнаго собранія такихъ же матеріаловъ, и въ 1853 г. приступилъ къ печатанію сборника матеріаловъ для географіи русскаго языка подъ заглавіемъ «Памятники народнаго русскаго языка и словесности»; въ 1856 г. внесъ предложеніе о необходимости изданія матеріаловъ для этнографическаго словаря русскаго языка, принявъ на себя его редакцію; оба эти предложенія не были, однако, приведены въ исполненіе. Въ изданіяхъ общества И. И. помѣстилъ рядъ цѣнныхъ статей по географіи русскаго и другихъ славян-

скихъ языковъ; это были: «Этнографическая карта Европы и пояснительная статья къ ней» (1849), «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка» (1851), «Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка» (1852). Къ этому же ряду статей надо отнести еще напечатанную въ академическихъ Извѣстіяхъ историко-географическую статью «Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв.» (1860), не напечатанныя статьи о трудахъ Второва и Александрова-Дольника по изученію юго-восточной окраины Россіи, «Объ этнографическихъ изслѣдованіяхъ въ современной русской литературѣ» (сохранилось введение и планъ) и др.

Народная словесность въ петербургскій періодъ жизни И. И-ча привлекала его вниманіе сравнительно мало. Припомнимъ изданіе собранныхъ имъ во время путешествія нѣсколькихъ памятниковъ нарѣчій южныхъ и западныхъ славянъ — сербскія и хорутанскія пѣсни, пословицы малогонскихъ словаковъ, пословицы сербовъ горно-лужицкихъ, купальскую пѣсню шарипскихъ словаковъ, напечатанныя въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, составленную И. И-чемъ «Программу для собиранія образцовъ народнаго языка и словесности», «Нѣсколько замѣчаній объ эпическомъ размѣрѣ славянскихъ народныхъ пѣсней», замѣтку о старческой пѣсни о горѣ-злосчастіи, «Замѣчанія касательно стиха о голубиной книгѣ», замѣтки о книгѣ Безсонова «Калѣки переходжіе» и о книгѣ Берга «Пѣсни разныхъ народовъ» и др.

Въ ряду работъ И. И. по изслѣдованію древнихъ памятниковъ на первомъ мѣстѣ должно поставить его классическій

трудъ «Древніе памятники русскаго письма и языка X — XIV вв.». Это единственный еще до сихъ поръ повременный перечень русскихъ письменныхъ памятниковъ, какъ сохранившихся до нашего времени, такъ и тѣхъ, которые уже утрачены, но о существованіи которыхъ есть несомнѣнные данныя. Сжатый по формѣ, чрезвычайно богатый содержаніемъ, онъ является плодомъ огромнаго труда, разнообразныхъ знаній и соображеній, мелочныхъ и утомительныхъ работъ, особенно въ запутанныхъ вопросахъ опредѣленія хронологіи. Кромѣ перечня памятниковъ въ немъ была дана масса выписокъ изъ рукописей, по большей части до того времени въ печати совершенно неизвѣстныхъ. Впервые напечатанный въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ и занявшій одинъ почти весь 10-й ихъ томъ (отдѣльнымъ изданіемъ былъ выпущенъ въ 1863 г.), трудъ этотъ былъ впослѣдствіи переработанъ составителемъ и изданъ, но уже безъ приложений, послѣ его смерти (1882).

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ обзоръ церковно-славянскихъ памятниковъ, писанныхъ кириллицею, — «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка» (1868). Кромѣ обширнаго изслѣдованія о тридцати трехъ памятникахъ XI — XIV вв., изъ которыхъ только четыре были извѣстны ранѣе, книга эта представляетъ въ точной для того времени передачѣ тексты рукописей, частью полностью, частью въ выпискахъ. Общій обзоръ юго-западныхъ памятниковъ за IX — XII вв. П. П. далъ въ книгѣ «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), впослѣдствіи въ рукописи дополненной XIII и XIV вѣками.

Исслѣдованія о памятникахъ глаголическихъ, къ которымъ И. И. неоднократно возвращался въ своихъ заявленіяхъ, находятся въ связи съ разрѣшеніемъ общаго вопроса о времени происхожденія глаголицы и отношенія глаголическаго письма къ кирилловскому; они были собраны въ трудѣ «Древніе глаголическіе памятники» (1866). Въ немъ были напечатаны въ сопровожденіи палеографическихъ и филологическихъ изслѣдованій тексты всѣхъ тогда извѣстныхъ глаголическихъ памятниковъ — малые полностью, большіе въ извлеченіяхъ, — а также тѣ части кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ есть «что нибудь глаголическое». Определеннаго рѣшенія о времени происхожденія глаголицы И. И. не далъ; склоняясь ранѣе (въ изслѣдованіи «Древнія письма славянскія» 1848 г.) къ мысли о составленіи глаголицы по образцу кириллицы въ Болгаріи въ IX — X в., потомъ онъ отказался отъ такого точнаго опредѣленія, считая, что для признанія первенства за глаголицей или кириллицей еще слишкомъ мало матеріаловъ.

Помимо этихъ общихъ описаній памятниковъ, И. И.-чемъ было напечатано множество другихъ, разбросанныхъ отдѣльными статьями въ различныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности»; многія подобныя работы остались неизданными, какъ неизданными остались и составленныя И. И.-чемъ описанія различныхъ русскихъ библіотекъ и собраній русскихъ рукописей въ иностранныхъ библіотекахъ (напр. рукописей копенгагенскихъ, лейденскихъ, парижскихъ).

Въ 1864 году И. И. предпринялъ изданіе особаго сборника подъ названіемъ «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», печатавшася въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ и въ Сборникѣ

статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, и выходившаго выпусками въ неопредѣленное время. Здѣсь помѣщалъ И. И. отдѣльные свои изслѣдованія о письменныхъ памятникахъ, литературныхъ и историческихъ, о рукописяхъ славянскихъ кирилловаго и глаголическаго письма, русскихъ и греческихъ, о памятникахъ вещественныхъ. Этотъ богатѣйшій сборникъ, заключающій въ себѣ девяносто одно изслѣдованіе, до сихъ поръ является необходимой книгой для всякаго работающаго въ области русской и славянской литературы, исторіи, палеографіи и филологіи.

Къ предыдущимъ работамъ И. И.-ча примыкаютъ труды историко-литературные: «Древнія жизнеописанія русскихъ князей X — XI вв.» (1853), «Изслѣдованія о лѣтописяхъ новгородскихъ» (1853), «Договоры съ греками» (1854), «Повѣсть о Цареградѣ» (1854), «Хоженіе за три моря Аванасія Никитина» (1856), «Задонщина великаго князя господина Дмитрія Ивановича» (1857), «Древнѣйшія договорныя грамоты Новгорода съ нѣмцами» (1857), «Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ» (1860), «Грамоты великаго князя Мстислава и сына его Всеволода Новгородскому Юрьеву мон. 1130 г.» (1860), «Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ» (1862, переизданы съ дополненіемъ статьи о Повѣсти временныхъ лѣтъ въ 1903 г.), «Чтеніе о Кириллѣ и Меодіи» (1869 — не напечатано), «Сказаніе объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», по поводу книги К. И. Невоструева (1873), наконецъ, напечатанное черезъ много лѣтъ послѣ смерти И. И.-ча «Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ кормчей книги» (1897). Нѣкоторыя изъ этихъ работъ составляютъ часть университетскаго курса русскихъ древностей; онѣ сохранились въ

бумагахъ И. И-ча въ нѣсколько переработанномъ видѣ, какъ бы предположенныя для перепечатки при изданіи обзора памятниковъ X — XII вв. Другія, каковы «Хоженіе Аванасія Никитина» и «Повѣсть о Цареградѣ», имѣютъ характеръ ученыхъ комментариевъ къ памятникамъ. «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» представляютъ наряду съ тщательнымъ палеографическимъ воспроизведеніемъ рукописи опытъ возстановленія первоначальнаго текста. Въ «Обозрѣніи кормчей» находимъ историко-юридическое изслѣдованіе памятниковъ съ обширными извлеченіями статей, имѣвшихъ церковно-правовое значеніе въ русской жизни.

Близкая къ области филологическаго и историко-литературнаго изученія древнихъ памятниковъ область вспомогательныхъ наукъ — палеографіи, археографіи и археологіи — интересовала И. И-ча издавна, хотя и болѣе или менѣе косвенно; въ 1860—1870-хъ гг., благодаря постояннымъ работамъ надъ рукописями, этотъ интересъ значительно увеличился, въ особенности къ палеографіи, которую И. И. считалъ одной изъ самыхъ важныхъ по значенію отраслей науки «древностей» и которая къ концу его жизни заняла одно изъ главныхъ мѣстъ въ его трудахъ. Общій обзоръ славяно-русской палеографіи сдѣланъ имъ въ его университетскомъ курсѣ, напечатанномъ уже послѣ его смерти (1885).

Въ первые годы по переездѣ въ Петербургъ археологическіе интересы И. И-ча сблизили его съ Русскимъ археологическимъ обществомъ, членомъ котораго онъ состоялъ съ 1850 г. по самую кончину; съ 1855 г. по 1857 и съ 1859 по 1867 г. онъ былъ управляющимъ отдѣленіемъ русской и славянской археологіи этого общества; при

возникновеніи въ 1855 г. повременнаго изданія общества «Извѣстій» ему была поручена ихъ редакция (отъ которой онъ, впрочемъ, отказался по выходѣ 1-го выпуска). Въ «Извѣстіяхъ», а также въ «Запискахъ археологическаго общества», были напечатаны его статьи: «Збручскій истуканъ» (1853), «Монета Игоря» (1861), «Пещера Ивана грѣшнаго и Теофила» (1861), «Крута каличья» (1862), «Родословное дерево русскихъ князей и царей» (1863), «Навертень XVII в.» (1863), «Напись на Передвицкой церкви близъ Новгорода» (1863), «Древній византійскій ковчегъ» (1863). Рядъ статей по вопросамъ археологій былъ напечатанъ И. И-чемъ въ выходившемъ въ 1860-хъ гг. журналѣ В. А. Прохорова «Христіанскія древности и археологія». Здѣсь появилось его введеніе въ курсъ древностей русскаго языка—«Древнія русскія книги» (1864), напечатаны «Древніе памятники письма и языка юго-западныхъ славянъ» (1864), «Древній русскій календарь» (1863), «Древнія изображенія свв. кнн. Бориса и Глѣба» (1863), «Μηνολόγιον имп. Василия X в.» (1862), «Каменный крестъ у церкви Благовѣщенія въ Новгородѣ» (1862), «Антиминъ 1149 года» (1862) и др. Далѣе слѣдуетъ упомянуть напечатанную въ 1867 г. въ «Древностяхъ Московскаго археологическаго общества» статью «Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. Ольги».

По порученію археологическаго общества въ 1867 г. И. И. принялъ участіе въ Антверпенскомъ археологическомъ съѣздѣ; тогда же ему было поручено ознакомиться съ дѣятельностью ученыхъ заграничныхъ обществъ по части славянской археологій и войти съ ними въ сношенія. По порученію общества И. И-чемъ, отчасти совмѣстно съ Ѳ. Гр. Солнцевымъ, была предпринята работа по снятію

копій съ фресокъ и мозаикъ Софійскаго собора въ Кіевѣ и по обозрѣнію, описанію и копировкѣ на бумагу и гуттаперчу предметовъ древности, хранившихся въ ризницахъ собора Кіево-Печерской лавры, Кирилловскаго монастыря, Спаса на Берестовѣ (громадныя прориси иконъ и фотографіи съ нихъ хранятся въ архивѣ И. И-ча).

При возникновеніи мысли объ устройствѣ археологическихкихъ сѣздовъ устроитель и создатель ихъ гр. А. С. Уваровъ въ 1868 г. не замедлилъ обратиться къ И. И-чу за совѣтомъ и содѣйствіемъ и предложилъ собрать предварительный и подготовительный комитетъ въ Петербургѣ «по усмотрѣнію» И. И-ча. Во всѣхъ четырехъ сѣздахъ, бывшихъ при жизни И. И-ча, онъ принималъ дѣятельное и живое участіе. При открытіи I-го сѣзда И. И. произнесъ рѣчь «о значеніи сѣзда», въ которой коснулся значенія сѣздовъ вообще и значенія I-го археологическаго сѣзда въ частности — «попытки на добро въ отношеніи къ археологіи», «безспорно достойной сочувствія тѣхъ, кому дороги успѣхи науки въ нашемъ отечествѣ». На томъ же сѣздѣ онъ читалъ докладъ о времени происхожденія кирилловскаго письма и объ отношеніи кирилловской азбуки къ глаголической. На второмъ сѣздѣ И. И. прочелъ очеркъ современнаго состоянія археологіи въ Россіи — «Нѣсколько припоминаній о современномъ состояніи русской археологіи» (съ донинѣ непотерявшимъ значенія современности очеркомъ положенія памятниковъ въ хранилищахъ и отношенія хранителей къ изслѣдователямъ, съ замѣтками объ описателяхъ, издателяхъ и изслѣдователяхъ памятниковъ и интересными безыменными характеристиками современныхъ И. И-чу дѣятелей по археологіи — В. И. Григоровича, А. В. Горскаго, А. А. Куника, А. О. Бычкова, О. И. Буслаева,

В. В. Стасова, Н. С. Тихонравова, арх. Амфилохія, В. А. Прохорова, гр. А. С. Уварова. На III-мъ Киевскомъ сѣздѣ И. И. представилъ историческій очеркъ развитія работъ по археологіи и археографіи, производившихся и издававшихся трудами кievскихъ ученыхъ дѣятелей и кievскихъ историческихъ обществъ и учреждений. Въ трудахъ этого сѣзда И. И-чемъ были напечатаны статьи: «Списокъ съ подлинника древняго глаголическаго миссала», «Св. Софія Цареградская по описанію русскаго паломника XII вѣка», «О древней глаголической рукописи Киевской духовной академіи». Въ трудахъ IV-го сѣзда И. И. помѣстилъ статью «О русскихъ древностяхъ Казанской губерніи и средняго Поволжья»; на этомъ же сѣздѣ при открытіи его И. И-чемъ была произнесена рѣчь, въ которой онъ выдвинулъ значеніе «науки древностей и старины» — съея «затаенными отъ свѣта изысканіями и изслѣдованіями», какъ «великаго мѣрила образованности общей»: «чѣмъ гдѣ болѣе тружениковъ этой науки», говоритъ онъ, «и болѣе свободныхъ любителей и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности». «Едва ли какая отрасль знаній», говоритъ онъ тамъ же, «съ такимъ безпристрастіемъ и вмѣстѣ съ такою любовью дорожить всѣмъ человѣческимъ, такъ прямодушно сближаетъ самыя противоположныя стремленія — народныя, политическія, религіозныя, и сдружаетъ ученыхъ и любителей, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко углубляетъ свои вопросы за предѣлы историческихъ сказаній и преданій, какъ бы силясь дойти до колыбели рода человѣческаго. . . »

Говоря о дѣятельности И. И-ча въ области археологіи, нельзя не упомянуть о трудахъ его, связанныхъ съ Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, въ обсужденіи

устройства котораго онъ принялъ дѣятельное и близкое участіе. Назначенный профессоромъ института, И. И. предполагалъ прочесть его слушателямъ курсъ энциклопедіи археологіи, планъ и общую характеристику котораго онъ далъ въ своей рѣчи при открытіи института въ январѣ 1878 г. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ чтеніе лекцій не состоялось, и И. И. вмѣстѣ съ другими товарищами вышелъ изъ института.

Скромная, мало видная наука древностей и старины со своими затаенными отъ свѣта изысканіями и изслѣдованіями есть великое море образованности общей: чѣмъ гдѣ болѣе тружениковъ этой науки, и болѣе любителей свободныхъ и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности.

Изъ рѣчи на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Ученіе:

Скромная, мало видная наука древностей и старины со своими затаенными отъ свѣта изысканіями и изслѣдованіями есть великое море образованности общей: чѣмъ гдѣ болѣе тружениковъ этой науки, и болѣе любителей свободныхъ и почитателей, тѣмъ тамъ болѣе и высшей образованности.

Палеографическія работы И. И-ча постоянно шли у него, какъ одна изъ частей изслѣдованія памятниковъ, и далеко не всегда входили въ составъ описаній, большею частью оставаясь въ видѣ замѣтокъ и служа только какъ подготовительный матеріалъ для рѣшенія хронологическихъ вопросовъ. Имѣя обыкновеніе дѣлать съ каждой древней рукописи, побывавшей у него въ рукахъ, снимокъ ея письма, стараясь изучить особое начертаніе буквъ, И. И. въ 1870 гг. сдѣлалъ лучшимъ, авторитетнѣйшимъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ единственнымъ тогда знатокомъ русской палеографіи. Главнѣйшій результатъ его работъ по палеографіи — его систематическое собраніе снимковъ съ памятниковъ русскаго письма, заключающее въ себѣ болѣе 900 снимковъ, не увидѣло свѣта; лишь небольшая часть его была издана, какъ приложение къ «Древнимъ памятникамъ русскаго письма и языка», въ 1866 г.

Нѣсколько ранѣе — въ началѣ 1860 гг. — И. И. задумалъ изданіе особаго палеографическаго сборника подъ названіемъ «Древности русскаго письма», который по предположенію его долженъ былъ заключать въ себѣ: во первыхъ «Палеографическое описаніе древнихъ русскихъ памятниковъ, каждаго отдѣльно, со снимками», и во вторыхъ «Сводъ палеографическихъ данныхъ, по которымъ можно судить о времени написанія памятниковъ неизвѣстныхъ лѣтъ». Докладъ о сборникѣ былъ представленъ И. И-чемъ въ Археологическое общество, «которому» какъ говорится въ докладѣ, «угодно было обратить вниманіе на этотъ грудъ»; на первый разъ авторъ обѣщалъ представить начальную часть сборника — до-татарскіе памятники. Изданіе сборника не осуществилось.

Кромѣ собранія снимковъ съ русскихъ памятниковъ

въ бумагахъ И. И-ча сохранилось собраніе снимковъ съ югославянскихъ рукописей (извлеченіе изъ него было напечатано), съ памятниковъ глаголическихъ (небольшая часть снимковъ напечатана въ приложеніяхъ къ книгѣ «Древніе глаголическіе памятники», 1866), прориси и фотографіи отдѣльныхъ статей рукописей, а также и цѣлыхъ памятниковъ (напр. Болонской псалтыри).

Работы по русской палеографіи привели И. И-ча къ занятіямъ палеографіей греческой. Въ 1872 г. онъ прочелъ въ Университетѣ эпизодическій курсъ греческой палеографіи, за недостаткомъ времени доведя его до VII вѣка п. Р. Х., «объ остальномъ сказавши только въ немногихъ словахъ» (какъ онъ писалъ арх. Амфилохію). Продолженіе его работъ по тому же вопросу дало въ 1876 г. обширную статью «Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма». Параллельно съ этими работами подбиралась И. И-чемъ коллекція снимковъ съ памятниковъ греческаго письма, большею частью исполненныхъ имъ самимъ (число снимковъ достигаетъ 275).

Особіякомъ отъ всѣхъ другихъ трудовъ И. И-ча стоитъ его работа, не надолго, но сильно увлекшая его въ 1870 — 1871 г., — это историческій эскизъ «Юліанъ Отступникъ и его защита язычества», двѣ лекціи, прочитанныя имъ въ мартѣ 1871 г. въ пользу недостаточныхъ студентовъ и въ свѣтъ не выходившія. И. И. положилъ себѣ задачей представить Юліана на основаніи собственныхъ его писаній и свидѣтельствъ его современниковъ — хулителей и защитниковъ, изъ показаній ихъ выбирая и отмѣчая сходное и отбрасывая все другое, «не хвала его и не порицая, не обвиняя и не оправдывая, а только посильно объясняя,

почему онъ былъ такимъ, какимъ былъ». Сдѣлавъ очеркъ язычества въ половинѣ IV вѣка, П. И. разсматриваетъ отношенія къ нему Юліана, «его религіозныя убѣжденія, его желанія и виды, его дѣйствія для поддержанія язычества въ кругѣ коренныхъ вѣрованій, правилъ нравственности и религіозныхъ обрядовъ» и, наконецъ, разбираетъ вопросъ, «былъ ли Юліанъ дѣйствительнымъ защитникомъ язычества?»

Самостоятельное мѣсто среди трудовъ П. И.-ча занимаютъ его обзоры дѣятельности отдѣльных лицъ, оцѣнка ихъ работъ, ихъ біографіи, воспоминанія о нихъ, записки въ Совѣтъ Университета и въ Академію Наукъ объ ихъ трудахъ при представленіи ихъ въ члены Академіи или въ почетные члены и доктора университета, замѣтки и отзывы объ ихъ сочиненіяхъ въ академическія коммиссіи по присужденію различныхъ премій. Много такихъ статей было напечатано при его жизни, нѣсколько — послѣ смерти, но очень много осталось до сихъ поръ подъ спудомъ частью среди бумагъ П. И.-ча, частью въ архивахъ Академіи, Петербургскаго университета, Археологическаго общества. Въ статьяхъ этихъ заключается цѣлая летопись литературныхъ и научныхъ сношеній П. И.-ча, подчасъ живая и яркая, подчасъ глубокая и серьезная. Здѣсь находимъ обзоръ дѣятельности Востокова, изданіе его переписки, снабженной чрезвычайно цѣнными примѣчаніями, воспоминанія о митрополитѣ Евгеніи, о Ганкѣ, Вукѣ Караджичѣ, Шлейхерѣ, А. П. Тургеневѣ, о Прейсѣ, Григоровичѣ и Бодянскомъ, объ А. Е. Викторовѣ, замѣтки о Квиткѣ, И. П. Котляревскомъ, гр. Головкинѣ, Д. В. Полѣновѣ, Савельевѣ, Штурѣ, Колларѣ, Строевѣ, Надеждинѣ, Ундольскомъ, Гриммѣ, Сахаровѣ,

очерки дѣтельности Буткова, Никитенка, Дубровскаго, Бычкова, П. А. Лавровскаго, Гильфердинга, Буслаева, Бестужева-Рюмина, Веселовскаго, Горскаго, Грота, Потебни, Пекарскаго, Невоструева, Носовича, Саввантова, Сухомлинова, гр. Уварова, Цейновы, Верковича, Владиславлева, Ламанскаго, и много статей, посвященныхъ разсмотрѣнію отдѣльныхъ трудовъ и изслѣдованій въ области славяновѣдѣнія. «Слѣдя внимательно за движеніемъ науки и образованности вообще», говоритъ В. И. Ламанскій, «И. И. къ ихъ успѣхамъ въ Россіи прислушивался чутко и относился особенно сердечно. Онъ любилъ припоминать и указывать научныя заслуги старыхъ забытыхъ или забываемыхъ дѣателей и считать и отмѣчать наличныя ученыя силы въ провинціи, въ университетскихъ городахъ и въ обѣихъ столицахъ среди нарастающихъ поколѣній. Старые его ученики, впоследствии его университетскіе коллеги, живо помнить, съ какою непритворной радостью привѣтствовали онъ появленіе замѣчательныхъ трудовъ молодыхъ въ то время ученыхъ—Пыпина, Гильфердинга, Майкова, Голубинскаго, Павлова, А. Попова, Викторова, Владимирскаго-Буданова, Котляревскаго, Потебни и многихъ другихъ... Нѣкоторые молодые авторы никогда не думали и не рѣшались сами представлять свои труды на преміи и къ удивленію своему узнавали о наградѣ, имъ назначенной по предложенію И. И-ча.»

Въ извѣстной соприкосновенности съ историко-біографическими статьями находится тотъ цѣнный кладъ, который остался въ бумагахъ И. И-ча и до сихъ поръ почти не тронуть, — это его ученая переписка. Въ тѣ годы, когда печатное слово не было такъ доступно, когда, прежде чѣмъ облечься въ форму статьи, научная мысль долго еще

вынашивалась въ умѣ писателя, письма дѣятелей науки особенно драгоцѣнны. И. И. былъ однимъ изъ центровъ, къ которому сходились ученые силы Россіи и славянскихъ земель; благодаря его живому, общительному характеру, отсутствію замкнутости — обычной черты ученаго, — сношенія его были въ высшей степени обильны и разнообразны. До конца жизни онъ сохранилъ живой интересъ ко всему, что касалось движенія науки и литературы, къ развитію и распространенію просвѣщенія, — и до конца его жизни не прекращалась его оживленная переписка съ людьми мысли. Число писемъ къ нему, хранящихся въ его архивѣ, можетъ считаться тысячами, число корреспондентовъ сотнями (свыше 900). Въ настоящее время въ архивѣ И. И.-ча понемногу собралась и часть его собственныхъ писемъ, какъ въ копіяхъ, такъ и въ подлинникахъ; кромѣ того тутъ же сохранилось и небольшое собраніе черновиковъ его писемъ, преимущественно отъ первыхъ годовъ его дѣятельности. Будущій историкъ славяновѣдѣнія, филологъ, литературы и палеографіи въ Россіи и славянскихъ земляхъ найдетъ въ этой перепискѣ матеріалъ исключительной цѣнности.

При воспоминаніи о жизни и дѣятельности И. И.-ча сами собою выясняются нѣкоторые характерныя черты его, какъ человека. Объ его удивительномъ трудолюбіи свидѣтельствуетъ громадное множество его работъ, о которыхъ говорилось на этихъ страницахъ. «Трудъ постоянный, вызываемый мыслью и на нее наводящій, трудъ и для отдыха, и постоянная забота о томъ, что нужно намъ русскимъ — вотъ въ чемъ прошла вся жизнь его»: слова эти, сказанныя И. И.-чемъ о Ломоносовѣ, можно примѣнить и къ нему

самому. Онъ именно и для отдыха трудился, — только мѣняя работу. Иногда прибѣгалъ онъ и къ физической работѣ — всегда къ работѣ полезной, не только для упражненія мышцъ: переплеталъ книги, клеилъ коробки для своихъ бумагъ, выдѣлывалъ на верстакѣ или на токарномъ станкѣ что нибудь нужное для домашняго обихода, кололъ дрова и топилъ печи. У него была способность и готовность ко всякой работѣ и сноровка, какъ взяться за всякое новое, непривычное дѣло. Эту способность считалъ онъ не только природнымъ дарованіемъ, но также слѣдствіемъ правильного воспитанія и образованія, и признавалъ необходимымъ вести воспитаніе дѣтей въ такомъ направленіи. «Въ этомъ и состоитъ настоящая классическая образованность», говаривалъ онъ; «она тѣмъ важна, что съ ея помощью человѣкъ развивается въ себѣ умѣніе соображать и понимать, дѣлается болѣе способнымъ къ труду». «Видѣвъ на своемъ вѣку много нужды», говоритъ В. И. Ламанскій, «цѣлыя лѣта своей юности и молодости проведя въ странствованіяхъ по Украинѣ и разнымъ западно-славянскимъ землямъ, среди простыхъ и нетребовательныхъ людей, любя и уважая народъ, И. И. издавна обладалъ умѣньемъ довольствоваться малымъ, обходиться безъ прислуги и безъ чужой помощи».

По словамъ В. И. Ламанскаго, И. И. «рѣзко отличался отъ большинства ученыхъ русскихъ и иностранныхъ тѣмъ, что зналъ и уважалъ не одну только книгу или старую рукопись, былъ свой и дома не только у себя въ кабинетѣ, на университетской кафедрѣ или за столомъ академическимъ». . . «У него не было», говоритъ Ламанскій, «дѣтскаго наивнаго незнанія людей и жизни, что такъ обычно у чисто кабинетныхъ ученыхъ и нерѣдко отзывалось на ихъ трудахъ, на ихъ сужденіяхъ вкривь и вкось о лю-

дяхъ и явленіяхъ жизни, извѣстныхъ имъ лишь по соображеніямъ, а не по живому, наглядному представленію».

Отличительной чертой И. И-ча, какъ уже не разъ указывалось выше, была его семейственность, его высокое почитаніе семейныхъ началъ. Эта черта сообщала особый характеръ всѣмъ его взглядамъ, всѣмъ его обычаямъ, придавая имъ строгость, чистоту и проникая ихъ любовью. Жизнь его была неразрывно связана съ жизнью семьи: внѣ семейнаго круга не было для него ни отдыха, ни удовольствія. Напряженность ученыхъ трудовъ не мѣшала ему руководить самому воспитаніемъ и образованіемъ его дѣтей. Многими предметами онъ самъ съ ними занимался, всегда самъ начиналъ уроки, когда нужно было приступить къ предмету новому, которому еще не учились. Своими богатыми и разнообразными знаніями по литературѣ и искусству онъ любилъ дѣлиться съ дѣтьми, читалъ въ семейномъ кругу своихъ любимыхъ русскихъ и западныхъ писателей, вмѣстѣ слушая музыку, пересматривая снимки съ художественныхъ произведеній. Взглядъ И. И-ча на воспитательное значеніе литературы ярко выраженъ имъ въ «Замѣчаніяхъ объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Онъ считалъ, что изученіе литературы не можетъ ограничиваться поэтическими произведеніями въ тѣсномъ смыслѣ, а должно непременно распространяться и на сочиненія серьезнаго характера и содержанія. «Чтеніе писателей», говоритъ онъ, «должно быть расширено, охвативъ болѣе широкій кругъ, и вмѣстѣ освобождено отъ всякой сатиры, каррикатуры и тому подобныхъ не отроческихъ и не юношескихъ забавъ»... «Въ тѣ годы, когда природныя наклонности къ истинному, доброму, прекрасному требуютъ себѣ пищи, когда всѣ

средства воспитанія и ученія должны помогать этому требованію, въ чемъ собственно и состоитъ воспитаніе, — въ это время давать отроку и юношѣ, вмѣсто желанной имъ пищи, то, что должно казаться ему отвратительнымъ, охорашивать передъ нимъ это отвратительное, искусственно притуплять его голодъ, приучать его къ питанію себя непитательнымъ, доводить до того, что онъ и самъ наконецъ, какъ куритель опиума, будетъ желать только опиума — ужели это не зло? Зло тѣмъ большее, что юноша, вскармливаемый этою пищей, еще не позналъ опытомъ, что только въ воображеніи могутъ существовать такіе уроды, какими люди выставляются въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ по особеннымъ намѣреніямъ или прихотямъ писателей, что въ жизни дѣйствительной нѣтъ человѣка уроды, вовсе лишеннаго того, что заставляетъ уважать его, какъ человѣка, лишь бы умѣть его найти въ немъ. Зло тѣмъ большее, что эта коллекція уродовъ, созданныхъ воображеніемъ, ложится въ воображеніи юноши какъ коллекція типовъ разныхъ слоевъ и средъ народа, гдѣ ему придется жить, жить-бѣдовать, настраиваетъ юношу на состраданіе къ самому себѣ, совершенно противоположное его природной наклонности сострадать другому, сострадать, а не презирать его, не насмѣхаться надъ нимъ».

Въ личной духовной жизни И. И-ча поэзія, въ ея широкомъ смыслѣ, была необходимою, и любовь къ ней проникала все его существо. Такъ, безъ музыки онъ не могъ обходиться и всегда упрекалъ себя за то, что въ дѣтствѣ не послушался уговоровъ матери и не захотѣлъ учиться играть. Онъ постоянно посѣщалъ галереи художественныхъ произведеній во всѣхъ городахъ, гдѣ ему случалось бывать. Масса его собственныхъ рисунковъ, относящихся по пре-

имуществу къ его путешествію по славянскимъ землямъ, указываетъ на его большую способность къ этому искусству и на постоянное стремленіе образно запечатлѣть видѣнное. Всего ближе ему была поэзія слова. Въ произведеніяхъ литературы онъ цѣнилъ то, что возвышаетъ мысль и возбуждаетъ чистое чувство. «Для меня поэзія» писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «сила чистая, святая, очищающая и освящающая человѣка . . ., вызывающая къ жизни омертвѣвшаго, къ надеждѣ безнадежнаго, къ вѣрѣ безвѣрнаго, къ добру его забывшаго . . .; она можетъ преобразоваться въ вѣру, но не въ безвѣріе, въ покаяніе, но не въ проклинаніе, въ славословіе, но не въ злословіе . . .». Онъ читалъ и многое новое, и перечитывалъ не одинъ разъ то, что ему было особенно по душѣ; «не совсѣмъ доволенъ я днемъ», писалъ онъ Чаеву, «если не кончу его какимъ нибудь умнымъ легкимъ чтеніемъ». И въ самые послѣдніе дни жизни онъ перечитывалъ любимыя страницы изъ Войны и Мира; книга эта была найдена раскрытой на его столѣ послѣ его смерти.

Мало кому извѣстны собственные поэтическіе опыты И. И-ча—опыты годовъ его молодости. И тогда уже во многихъ изъ нихъ, особенно въ оригинальномъ разсказѣ «Rhapsodia sonatina», выразился его высокій взглядъ на искусство, который въ теченіе его жизни становился все чище, свѣтлѣе и выше.

В. Срезневскій.

ХАРЬКОВСКИЙ ПЕРИОДЪ НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

Научная дѣятельность Измаила Ивановича Срезневскаго распадается на два періода—харьковскій съ 1831 по 1847 г. и петербургскій съ 1847 по 1880 г. — годъ кончины. Въ частности харьковскій періодъ дѣлится на двѣ почти равныя по времени части: 1) съ 1831 до 1839, до поѣздки за границу и 2) съ 1842 по 1847, отъ возвращенія изъ-за границы до перехода на службу въ Петербургъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, т. е. въ первый харьковскій періодъ, научная дѣятельность Срезневскаго носила мѣстный краевой характеръ. Авторъ цѣнной біографіи И. И. Срезневскаго въ Русскомъ біографическомъ Словарѣ 1908 г. говоритъ, что харьковскій періодъ своимъ особымъ характеромъ рѣзко отличается отъ петербургскаго. Гранью между двумя періодами легло путешествіе, оказавшее рѣшительное вліяніе на научныя и житейскіе взгляды Срезневскаго; пять лѣтъ профессуры въ Харьковскомъ университетѣ по возвращеніи изъ путешествія авторъ біографіи относитъ по характеру дѣятельности уже къ новому петербургскому періоду; но съ этимъ утвержденіемъ трудно согласиться. Эти переходные годы весьма интересны въ томъ смыслѣ, что наряду съ мѣстными учеными интересами у Срезневскаго вырастаютъ новыя, болѣе широкіе, всеславянскіе. Въ сороко-

выхъ годахъ И. И. еще работалъ по малорусской этнографіи, интересовался дѣятелями малорусской литературы, и одновременно въ тиши ученаго кабинета въ его лицѣ въ Харьковѣ вырабатывался тотъ глубокій лингвистъ, который черезъ два года, по переѣздѣ въ Петербургъ, въ 1849 г. далъ «Мысли объ исторіи русскаго языка», изслѣдованіе небольшое по объему, но чрезвычайно богатое по внутреннему идейному и фактическому содержанію.

Петербургскій періодъ дѣятельности Срезневскаго, благодаря серіозной предварительной подготовкѣ, сразу начался блистательно, въ видѣ превосходнаго содержательнаго университетскаго курса и цѣлаго ряда строго обдуманыхъ ученыхъ трудовъ.

Срезневскій петербургскаго періода рѣзко отличается отъ Срезневскаго періода харьковскаго, главнымъ образомъ по развитію въ немъ самостоятельной ученой индивидуальности. Въ Петербургѣ Срезневскій представлялъ собою крупную самостоятельную величину; въ Харьковѣ онъ былъ отраженіемъ мѣстныхъ культурныхъ настроеній.

О раннемъ періодѣ научной дѣятельности И. И-ча нельзя говорить безъ того, чтобы не обратиться къ внутренней жизни харьковской интеллигенціи 30-хъ годовъ. Харьковъ въ то время, несмотря на существованіе въ немъ университета, былъ большимъ украинскимъ селомъ, съ громаднымъ большинствомъ еще не успѣвшего обрусѣть украинскаго населенія; интеллигенція носила сильный украинскій отпечатокъ. Вполнѣ естественно, что и великороссъ Срезневскій, привезенный въ Харьковъ двухмѣсячнымъ ребенкомъ, прожившій здѣсь безвыѣздно около тридцати лѣтъ, на первое время получилъ довольно яркую малорусскую окраску.

Учителемъ Срезневскаго былъ Артемовскій - Гулакъ, ректоръ университета, человекъ съ большимъ самолюбіемъ, влюбленный въ мундиръ и ордена, что не мѣшало ему быть отличнымъ знатокомъ малорусскаго языка, писать сильные, выразительные малорусскіе стихи и даже проводить въ нихъ демократическія идеи.

Одновременно подъ Харьковомъ на Основѣ проживалъ другой, болѣе талантливый, болѣе демократическій украинскій писатель — Квитка, авторъ малорусскихъ повѣстей и комедій большого литературнаго достоинства, разносторонній общественный дѣятель и тонкій наблюдатель народнаго быта. Въ малорусскихъ повѣстяхъ Квитки ярко пробиваются народные этнографическіе элементы, пѣсни, преданія, повѣрья, обряды. Срезневскій уважалъ Квитку, совѣтовалъ изучать его малорусскія повѣсти и, по его кончинѣ, въ 1843 г. напечаталъ въ Москвитинѣ теплый некрологъ.

Возбуждающимъ образомъ на Срезневскаго должно было подѣйствовать его близкое знакомство съ харьковскимъ профессоромъ идеалистомъ-народникомъ Метлинскимъ. Съ раннихъ лѣтъ ознакомившись съ народной поэзіей своей родины, Метлинскій страстно полюбилъ ее, собиралъ пѣсни, записывалъ мелодіи, писалъ малорусскіе стихи; какъ человекъ очень добродушный, онъ сильно привязался къ сравнительно съ нимъ гораздо болѣе талантливому и болѣе энергичному Срезневскому.

На И. И-ча въ университетѣ большое вліяніе оказали кружокъ его товарищей — украинцевъ. Исторія украинскаго движенія знаетъ нѣсколько случаевъ, когда студенты идеалисты-народники оказывали большое вліяніе на болѣе талантливыхъ товарищей и давали имъ направленіе,

или временно, какъ это было съ Срезневскимъ, или на всю жизнь, какъ это было съ Потебнею *).

Измаилъ Ивановичъ имѣлъ въ юности нѣсколько преданныхъ друзей—двухъ братьевъ Евецкихъ, Шпигоцкаго, Росковшенка. Они были вдохновителями молодого ученаго, доставляли ему этнографическіе матеріалы, согрѣвали его силой своего энтузіазма. «О другъ мой», писалъ въ 1831 г. Шпигоцкій Измаилу Ивановичу, «ревнуй, ревнуй о пробужденіи малороссійскаго генія и вѣрь мнѣ: твои труды будутъ оцѣнены... Работай..., и пламень духа, всегда стремящійся выспры..., разольетъ румяное зарево, вѣнокъ твой, вѣнокъ твоему самоотверженію для славы тебя питающей и поящей Украины».

При всѣхъ мѣстныхъ связяхъ и мѣстныхъ увлеченіяхъ Срезневскій, однако, считалъ себя чужимъ человѣкомъ для Украины, и въ письмѣ къ матери изъ Москвы своей родиной называлъ Великороссію, говорилъ, что онъ «вскормленъ на чуждой странѣ».

Отношенія Срезневскаго къ малорусскому языку отвѣчали его общему отношенію къ Малороссіи: сначала чрезмѣрное увлеченіе, затѣмъ холодность и въ концѣ жизни почти непріязненное отношеніе. Въ статьѣ «Взглядъ на памятники украинской народной словесности» 1834 г. Срезневскій признавалъ украинскій языкъ самостоятельнымъ славянскимъ, превозносилъ его лексическое богатство, живописность и благозвучіе. Послѣ многихъ лѣтъ молчанія, въ 1860 г., въ отзывѣ объ исполненномъ Морачевскимъ переводѣ евангелія на малорусскій языкъ, Срезневскій еще

*) Потебня вспоминалъ въ старости съ чувствомъ глубокой благодарности своего товарища студента Нязовскаго, скончавшагося въ молодыхъ лѣтахъ.

высказываетъ рѣшительное убѣжденіе въ правѣ и необходимости отдѣльной малорусской словесности и находить, что будущее ея «полно надеждъ»; но въ лекціяхъ 1870 г., его взглядъ на малорусскій языкъ сильно измѣняется; онъ видитъ въ немъ только мѣстный говоръ и высказываетъ замѣчаніе, что «нѣтъ никакой нужды уничтожать или прекращать письменность на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, но нѣтъ необходимости дѣлать эту письменность самостоятельной отдѣльной литературой, принадлежащей какъ бы отдѣльному народу». Положеніе это бросается въ глаза по своей несостоятельности. Живое слово не можетъ быть ограничиваемо въ своемъ развитіи; всякій живой народъ имѣетъ полное право на неограниченное развитіе его языка и чувствуетъ насущную необходимость въ созданіи самостоятельной литературы, какъ лучшаго средства для охраны и правильнаго развитія своей національной личности. Слово народное построено на любви и знаніи, двухъ элементахъ, не подлежащихъ ограниченію.

Въ научной дѣятельности въ Харьковѣ И. И. проявилъ большое разнообразіе интересовъ. Главнымъ предметомъ его занятій — официально, по служебному положенію была статистика и политическая экономія, по положенію — мѣстная этнографія, преимущественно пѣсни. Живой интересъ къ народному пѣснотворчеству повлекъ за собой изученіе исторіи Малороссіи вообще, исторіи Слободской Украины въ частности. На почвѣ историческихъ и этнографическихъ изученій возникло желаніе ознакомиться съ малорусской литературой во всемъ ея объемѣ, ознакомиться лично съ ея главными представителями — Котляревскимъ, Артемовскимъ и Квиткой.

Молодой ученый работалъ съ чрезвычайной энергіей

и сильно разбрасывался. Когда редакция Журнала Министерства народного просвѣщенія въ 1838 г. пригласила его въ сотрудники, онъ сразу предложилъ ей на выборъ одиннадцать статей по статистикѣ и по исторіи Малороссіи.

Трехлѣтнее пребываніе за границей и послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ переездъ въ Петербургъ оказались для Срезневскаго очень важными потому, что расширили его кругозоръ и привели его къ углубленію ученой дѣятельности. Особенно благотворно отразилось на этой дѣятельности привлеченіе его въ члены Академіи Наукъ, другими словами, предоставленіе ему возможности проявить его рѣдкую трудоспособность и столь же рѣдкую научную инициативу.

Любовь къ этнографіи въ Срезневскомъ была воспитана пѣвучимъ мѣстнымъ населеніемъ. Украинскія народныя пѣсни въ Харьковѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ были въ полномъ ходу и многихъ великороссовъ расположили въ пользу украинской народности. Великороссъ Павловскій такъ увлекся народными пѣснями, что сталъ изучать малорусскій языкъ и въ 1818 г. издалъ Грамматику малороссійскаго нарѣчія. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Нѣсколько лѣтъ живучи въ Малой Россіи, довольно могъ примѣнить къ національному характеру ея жителей. . . Они имѣютъ. . . склонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Пѣсни ихъ. . . безподобны. Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней, собравшись во множествѣ на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывные пѣсни?»

Одновременно другой великороссъ, помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа князь Цертелевъ обращается къ изученію малорусской народной поэзіи и въ

1819 г. выпускает первый в малорусской этнографии сборник малорусских думъ.

Через двѣнадцать лѣтъ великороссъ Срезневскій пошелъ по тому же пути, на почвѣ также мѣстныхъ харьковскихъ изученій и увлеченій народной поэзіей. Онъ помѣстилъ въ Украинскомъ Альманахѣ въ 1831 г. двѣ популярныя думы— о бурѣ на Черномъ морѣ и о бѣгствѣ трехъ братьевъ.

Въ Украинскомъ Альманахѣ и состоялось первое литературное выступленіе И. И-ча, когда ему было всего 18 лѣтъ. Срезневскій проявилъ сразу два увлеченія—любовь къ малорусской этнографіи и любовь къ языкознанію.

Весьма интересна статейка подъ заглавіемъ «Мысли и замѣчанія», какъ первое проявленіе того интереса къ лингвистикѣ, который черезъ 18 лѣтъ—въ 1849 г. наметъ себѣ блестящее и плодотворное проявленіе въ статьѣ «Мысли объ исторіи русскаго языка»^{*)}.

«Мысли» Срезневскаго въ 1831 г. имѣютъ отрывочный афористическій характеръ; онѣ еще не систематизированы; но отъ нихъ уже вѣетъ духомъ глубокой ученой пытливости: «Грамматика есть статистика языка; она схватываетъ и рисуетъ искусной кистью одну минуту жизни его. Соединеніе сихъ картинъ въ одно цѣлое составитъ исторію языка». Нельзя не замѣтить, что «Мысли» Срезневскаго 1849 г. представляютъ дальнѣйшее развитіе этой ранней юношеской задачи. Лингвистъ искусной кистью набрасываетъ рядъ картинъ въ развитіи русскаго языка и связываетъ ихъ въ одно органически стройное цѣлое.

^{*)} Нельзя не отмѣтить любопытнаго совпаденія, что и другой знаменитый филологъ—питомецъ Харьковскаго университета—Потебня началъ съ философіи языка и впоследствии, подобно Срезневскому, углубился въ детали его изученія.

Возьмемъ еще слѣдующую «Мысль» 1831 г.: «Въ образованіи языка есть три періода. Первый періодъ — время нужды, языкъ выражаетъ одно необходимое, которое ограничивается матеріальнымъ. Второй періодъ — время поэзіи и перваго появленія наукъ. Третій періодъ — время, въ которое языкъ, совершенствуясь, стремится къ усовершенствованію наукъ». Нынѣ совершенно ясно, какъ была глубока и благотворна эта мысль юнаго лингвиста, и какое свѣтлое пророчество заключается въ ней для будущаго русской филологіи, для трудовъ Потебни, Веселовскаго и другихъ ея славныхъ представителей.

Глубоко правъ былъ другъ Срезневскаго, Шпигоцкій, который въ 1831 г. писалъ ему: «Поздравляю, душевно поздравляю тебя, юный орленокъ, съ первымъ порывомъ крыль твоихъ, смѣлымъ размахомъ сулящихъ многое со временемъ». Харьковскія статьи Срезневскаго дѣйствительно представляются первыми порывами юнаго орла науки, сильного размаха. Срезневскій — юристъ по подготовкѣ — съ первыхъ шаговъ однако уже стремится къ славянской филологіи.

Въ 1832 г. онъ собираетъ пѣсни у заѣзжихъ словачковъ-торговцевъ и издаетъ ихъ съ примѣчаніями, въ которыя вставляетъ, между прочимъ, двѣ украинскіе народныя пѣсни — «Снився дівчиноньці дівенький сон» и «Дівчинонько молода, люби мене молодого». Первая пѣсня извѣстна въ печати во многихъ вариантахъ, встрѣчается, между прочимъ, въ V т. «Трудовъ» П. П. Чубинскаго.

Наиболѣе крупнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе неудачнымъ проявленіемъ живого интереса Срезневскаго къ малорусской словесности и исторіи служить его «Запорожская Старина», выходившая выпусками съ 1833 по 1838 г.

Запорожская Старина отличается тѣмъ литературнымъ направлениемъ, которое господствовало въ Харьковѣ въ 30-хъ годахъ и было осуждено самимъ Срезневскимъ въ прощальной рѣчи къ студентамъ при отъѣздѣ въ Петербургъ въ 1847 г.

Срезневскій въ предисловіи говорить о семилѣтнемъ собираніи матеріаловъ, — другими словами съ 1826 г., когда собирателю было всего 14 лѣтъ; такой юный возрастъ долженъ былъ отразиться на сборникѣ, и онъ отразился въ чрезмѣрномъ энтузіазмѣ, въ недостаткѣ критики и въ искусственномъ сочинительствѣ.

Въ предисловіи къ «Запорожской Старинѣ» 1833 г. Срезневскій объясняетъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ хочетъ оказать услугу не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину запорожскую — бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ. Гораздо точнѣе цѣль изданія формулирована въ письмѣ Срезневскаго къ Гоголю въ февралѣ 1834 г., т. е. почти черезъ годъ, когда для него самого эта цѣль стала болѣе ясной. Тутъ Срезневскій говоритъ, что, издавая «Запорожскую Старину», онъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1) представить важность малорусской народной словесности въ смыслѣ историческомъ и этнографическомъ и 2) опредѣлить отношеніе народной словесности къ лѣтописямъ и народнымъ преданіямъ. Цѣли широкія, впервые обдуманно сформулированныя; поставленные молодымъ ученымъ задачи нашли свое рѣшеніе много лѣтъ спустя въ трудахъ Житецкаго и В. Н. Перетца. Срезневскій не могъ ихъ выполнить. «Запорожская Старина» вылилась въ форму сборника пѣсенъ, частью народныхъ, большей частью поддѣльныхъ, и съ обширными переска-

зами украинскихъ лѣтописей, преимущественно «Исторіи Руссовъ» псевдо-Конисскаго.

«Запорожская Старина» выдвинула Срезневскаго и создала ему обширныя литературныя и научныя знакомства. Бодянский открылъ для него страницы своихъ «Чтеній»; Костомаровъ руководствовался доставленными имъ лѣтописными матеріалами, долгое время не замѣчая ихъ фальшивости; Максимовичъ перепечатывалъ думы и пѣсни; Гоголь восторженно привѣтствовалъ Запорожскую Старину и въ ней черпалъ свои свѣдѣнія по исторіи Малороссіи; въ 1834 г. онъ писалъ Срезневскому: «Гдѣ выкопали вы столько сокровищъ! Всѣ думы . . . ослѣпительно хороши».

Но время шло, назрѣвала критика и вмѣстѣ съ тѣмъ осужденіе. Уже при самомъ выходѣ Запорожской Старины въ 1838 г. въ краткой безымянной рецензіи въ Библ. для Чтенія было отмѣчено, что «трудъ этотъ не имѣетъ ученой формы», но въ видѣ поощренія тутъ же добавлено, что «любителямъ исторіи онъ обѣщаетъ занимательное чтеніе». Максимовичъ незадолго до смерти, бывши въ Петербургѣ, говорилъ, что онъ «введенъ былъ въ заблужденіе». Нѣсколько лѣтъ позднѣе въ 1874 г., Антоновичъ и Драгомановъ въ предисловіи къ 1 т. «Историческихъ пѣсень малорускаго народа» отмѣтили много подлѣльныхъ пѣсень. Суровый отзывъ далъ Костомаровъ въ письмѣ къ Корсуну 1880 г. (Рус. Арх., 1890, т. III, стр. 218): онъ называетъ вліяніе «Запорожской Старины» зловреднымъ, сожалѣетъ, что долго довѣрялся учености Срезневскаго и утверждаетъ, что Срезневскій въ Запорожской Старинѣ «не только печаталъ фальшивые стихи, выдавая ихъ за народныя пѣсни и думы, но даже подставлялъ и сообщалъ фальшивыя лѣтописныя повѣствованія». Срезневскій, по словамъ Косто-

марова, вполне сознавал грѣхъ свой и удалялся не только отъ повторенія его, но даже избѣгалъ разговоръ и упоминаній о его «Запорожской Старинѣ». Авторъ обширной и цѣнной біографіи И. И-ча — В. И. Срезневскій говорить, что И. И. «не отвѣчалъ критикамъ своей юношеской работы, потому что ранѣе ихъ увидѣлъ ея недостатки и понялъ, что среди его корреспондентовъ были люди недобросовѣстные». Несправедливо въ данномъ случаѣ перекладывать всю вину на корреспондентовъ. Къ тому же на сочиненіе народныхъ пѣсенъ и поддѣлку подъ народныя пѣсни въ 30-хъ годахъ смотрѣли очень легко, не связывая съ этимъ понятія о недобросовѣстности. Чтобы спорить съ такими критиками, какъ Антоновичъ, Костомаровъ и Драгомановъ, нужно было быть во всеоружіи знаній въ области малорусской исторіи и этнографіи, между тѣмъ къ 70-мъ годамъ оба эти предмета были уже совсѣмъ чужды Срезневскому и далеко стояли отъ его ученыхъ интересовъ.

Уже въ первыхъ трудахъ — «Запорожской Старинѣ» и «Взглядѣ на памятники украинской народной словесности» въ Срезневскомъ обнаруживается ученый систематикъ; на первыхъ порахъ онъ уже задумывается, какъ дѣлить пѣсни. Распределеніе пѣсенъ — дѣло трудное, и въ настоящее время нѣтъ по этому вопросу прочно установленныхъ основаній; тѣмъ болѣе ихъ недоставало въ 30-хъ годахъ, при самомъ возникновеніи собиранія пѣсенъ. Не удивительно, что и Срезневскій находился въ большомъ затрудненіи. Въ предисловіи къ Запорожской Старинѣ онъ предлагалъ дѣлить пѣсни на историческія, этнографическія, религіозныя, годомъ позже во «Взглядѣ» рекомендовалъ уже другое дѣленіе, сложное и запутанное. Украинская литература раздѣлена на два большихъ отдѣла: 1) народныя преданія и

2) сочиненія болѣе или менѣе ученыхъ писателей (писатели эти авторомъ не отмѣчены). Въ статьѣ рѣчь идетъ исключительно о первомъ отдѣлѣ—о народной словесности, причемъ Срезневскій дѣлитъ ее на 1) думы и пѣсни, 2) сказки, 3) похвалки, 4) пословицы и поговорки, 5) загадки и 6) заговоры. Пѣсни и думы подѣлены на миѳическія, былевыя, нравоучительныя, военныя, анакреонтическія и юмористическія. Въ частности пѣсни миѳическія подраздѣлены на пѣсни миѳическія по содержанію и миѳическія по припѣву; пѣсни былевыя на пѣсни объ историческихъ личностяхъ и думки о лицахъ, исторіи неизвѣстныхъ; пѣсни военныя на 1) казацкія и гайдамацкія и 2) казацко-селянскія. Кромѣ этихъ дѣленій и подраздѣленій, не получившихъ въ наукѣ права гражданства, Срезневскій дѣлитъ пѣсни на два обширныхъ отдѣла—обрядныя и домашнія.

Срезневскій не забылъ сказокъ. Онъ выдвигаетъ важность изученія ихъ въ двухъ направленіяхъ, во первыхъ, какъ чистый источникъ для вдохновенія поэтовъ и во вторыхъ, какъ памятникъ народныхъ вѣрованій; онъ предлагаетъ дѣлить сказки на миѳическія, былевыя и фантастико-юмористическія. Въ особую группу выдѣлены «похвалки»—небольшія сказки вродѣ басенъ, большей частью сатирическаго содержанія.

Пословицы подѣлены на эпическія, юмористическія и былевыя.

Во «Взглядѣ», кромѣ сухой систематики пѣсенъ и сказокъ, есть нѣсколько жизненныхъ замѣчаній объ ихъ исполнителяхъ, именно, приведено нѣсколько интересныхъ примѣровъ способности малорусской женщины создавать пѣсни. Такъ, одна молодая крестьянка быстро сложила пѣсню о ясномъ солнцѣ, свѣтломъ мѣсяцѣ и яркой звѣз-

дочкѣ, съ послѣдующимъ сравненіемъ съ ними двухъ братьевъ и сестры. Другая женщина старушка за нѣсколько грошей такъ быстро складывала колядки, что Срезневскій еле успѣвалъ за ней записывать.

Въ 40-хъ годахъ И. И. еще интересовался малорусской этнографіей и изучалъ ее. Подтвержденіемъ служить его большая рецензія на диссертацию Костомарова о значеніи русской народной поэзіи въ Москвитянинѣ 1844 г. и въ особенности его содержательныя дополненія къ статьѣ Сементовскаго о малорусскихъ народныхъ праздникахъ въ Маякѣ 1843 г. Изъ «Дополненій и замѣчаній» Срезневскаго видно его обширное и основательное знакомство съ сочиненіями польскихъ ученыхъ о южной Россіи, именно съ сочиненіями Загѣскаго, Паули, Лозинскаго, Войцицкаго, Голембювскаго, Ходаковскаго, Червинскаго и Вагилевича. Нѣкоторыя дополненія довольно обширны. Всѣхъ дополненій 12.

1) Срезневскій, указывая на русинскій дѣтскій праздникъ 12 марта, высказываетъ предположеніе, что праздникъ этотъ, вѣроятно, существуетъ и въ Россіи.

2) Описаніе общеславянской хороводной игры въ короля или въ царицу.

3) Изложеніе приуроченныхъ къ Юрьеву дню повѣрій галицкихъ горцевъ Бойковъ о дѣдкахъ, или домовыхъ.

4) Описаніе обрядовъ, бывающихъ въ Галиціи на Свѣтлое Христово Воскресеніе и на Проводы; главнѣйшіе изъ нихъ: смигуреть или дынгусъ — обливаніе водой парубковъ дивчатами и обратно, на второй и третій день Пасхи, и гайлики — хороводные танцы дѣвушекъ на кладбищѣ. Приведена одна старинная пѣсня.

5) Начало мая и Зеленая недѣля. Приведено нѣсколько

малороссійскихъ пѣсень міеологическаго содержанія и одна пѣсня историческая.

6) О русалкахъ, мавкахъ, или, какъ ихъ въ Галиціи называютъ, майкахъ.

7) О Купалѣ. Небольшое извлеченіе изъ рукописнаго (XVIII в.) житія князя Владимира.

8) Объ обжинкахъ. Нѣсколько галицкихъ пѣсень.

9) Объ осеннихъ гадапіяхъ. Гаданіе о томъ, кому умереть.

10) Колядованіе. Любопытный обрядъ внесенія въ хату дѣда (ржаного снопа). Нѣсколько «привитаній». Колѣдка о сотвореніи міра двумя голубями.

11) Встрѣча и празднованіе Нового года.

12) Великій постъ. Сожженіе чучела изъ гороховой зелени въ среду на первой недѣлѣ Великаго поста; очищеніе домовъ и купанье въ Чистый четвергъ.

Особенно интересенъ отзывъ Срезневскаго о литературной дѣятельности Квитки — его малорусскихъ повѣстей, высказанный въ некрологѣ Квитки въ Москвитинѣ 1843 г. «Худо бы оцѣнилъ его литературныя заслуги тотъ, кто бы видѣлъ въ немъ только остроумнаго рассказчика-наблюдателя. Какъ ни глубоко онъ зналъ общество, какъ ни искусно его живописалъ, какъ ни сильно дѣйствовалъ на него, не въ этомъ, однако, его истинная слава. Заслуги его, какъ писателя народнаго, какъ народнаго учителя, несравненно важнѣе. Глубоко понималъ онъ, какъ необходимо говорить народу его живымъ языкомъ, искреннимъ и простодушнымъ, безъ всякихъ вычуръ требованій моды, чтобы пробудить въ немъ охоту читать и учиться и любовію къ книгѣ — душевное сознаніе. Все, что написано Квиткой-Основьяненко на нарѣчій нашего края, свидѣ-

тельствуетъ это благородное стремленіе его наставлять тѣхъ, на которыхъ дѣйствовать можетъ языкъ человѣческій только въ той формѣ, къ какой привыкли они съ дѣтства въ своемъ простомъ сельскомъ быту. Мы читали эти сочиненія, какъ произведенія художества, потому что художникъ писалъ ихъ; но увлекалъ онъ насъ, думая не о насъ, а о томъ множествѣ, для котораго у насъ еще такъ мало написано, и которому однако нужно истолкованіе истинъ, оправданныхъ вѣрой и наукой, правилъ мысли и жизни. Квитка-Основьяненко былъ и надолго останется первымъ народнымъ писателемъ въ Украинѣ. Эта широкая и гуманная оцѣнка Квитки, какъ писателя, находитъ полное историческое оправданіе; вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ о широтѣ и гуманности воззрѣній самого автора; мнѣніе Срезневскаго въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе интересно, что высказано оно Срезневскимъ уже по возвращеніи его изъ-заграницы, когда его малорусскія этнографическія и историческія изученія и симпатіи пошли на убыль.

Подъ вліяніемъ малорусской народной поэзіи Срезневскій въ молодости увлекался исторіей Малороссіи; онъ читалъ южнорусскія лѣтописи, многое заимствовалъ изъ Исторіи Руссовъ псевдо-Конисскаго. Въ тридцатыхъ годахъ онъ скомпилировалъ главнымъ образомъ по Шафонскому нѣсколько популярныхъ историческихъ очерковъ о Юріи Хмельницкомъ, Выговскомъ, Морозенкѣ, Мазепѣ, Паліѣ, и помѣстилъ ихъ во 2 т. Запорожской Старины. Въ повѣсти «Майоръ» И. И. пробовалъ писать въ томъ беллетристическомъ направленіи, въ какомъ позднѣе писали Костомаровъ и Мордовцевъ, но вскорѣ остановился, нужно думать, въ сознаніи, что для такого рода дѣятельности ему не доставало литературнаго таланта, не доставало воображенія.

Гораздо удачнѣе былъ другой опытъ Срезневскаго въ украинской исторіографіи, его «Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины», большая статья въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1839 г. Приступая къ этому труду, Срезневскій имѣлъ только одного предшественника—Г. О. Квитку-Основаиенка, автора «Записки о Слободскихъ полкахъ» 1812 г. и небольшихъ замѣтокъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ 1838 г. Срезневскій излагаетъ исторію Слободской Украины со времени ея возникновенія, по мнѣнію автора, въ 1640 г. до преобразованія въ губернію въ 1765 г. Въ теченіе долгаго времени этотъ трудъ Срезневскаго считался крупнымъ; онъ былъ перепечатанъ проф. Сокальскимъ въ Статистическомъ Листкѣ 1883 г., черезъ 44 года. Въ рукахъ Срезневскаго были такіе матеріалы, которые впоследствии безслѣдно исчезли, напр. семейная лѣтопись Квитокъ. Срезневскій, однако, не использовалъ ихъ въ достаточной мѣрѣ, не сдѣлалъ изъ нихъ извлеченій, о чемъ позднѣе, въ 1886 г., жалѣлъ лучшій современный намъ историкъ Слободской Украины проф. Д. И. Багалъй (въ 1 т. Сборн. Харьк. Ист. Фил. общ.).

Періодъ первый (отъ начала XVII ст. до 1700 г.).

Глава первая. Взглядъ на состояніе Слободской Украины до заселенія ея южно-руссамъ въ началѣ XVII ст.

Глава вторая. Время заселенія. Срезневскій относитъ его къ 1640 г. и продолжительность его опредѣляетъ приблизительно въ десять лѣтъ. Онъ говоритъ, что въ это время поселенцы являлись массами; но приходили они и позднѣе, только въ небольшомъ количествѣ.

Глава третья. Населеніе Слободской Украины. Срезневскій указываетъ на три главныя переселенія изъ Гетманщины въ Слободскую Украину: 1) около 1640—1645 г.,

въ количествѣ 10000 чел. изъ-за Днѣпра, преимущественно Черкасскаго повѣта; 2) въ 1645—1647 годахъ—изъ Подднѣпровья, въ количествѣ 1247 семей, или дворовъ и 2000 казаковъ. Въ это время появились въ здѣшнемъ краѣ Шидловскіе, Квитки, Захаржевскіе, Кондратьевы и другія знатныя казацкія лица, составившія мѣстную аристократію; 3) въ 1650—1651 г., въ неизвѣстномъ числѣ. Переселенія мало по малу продолжались, — и въ 1654 году, когда лѣвобережная Украина отошла къ Московскому государству, въ Слободской Украинѣ считалось 80—100.000 жителей.

Глава четвертая. Общественный бытъ и устройство. Поселенцы осѣли слободами, изъ которыхъ возникли города, причемъ ранѣе другихъ упоминаются Валки. Масса населенія раскинулась хуторами. Высшее сословіе состояло изъ помѣщиковъ или войсковой старшины, низшее — изъ селянъ, мѣщанъ и выборныхъ казаковъ. Населеніе края дѣлилось на полки; первоначально было три полка: Сумской, Ахтырскій и Харьковскій; впоследствии были образованы еще два: Изюмскій и Острогожскій. Полковымъ начальствомъ были: полковникъ, обозный, судья, эсаулъ, хорунжій и два писаря. Главныя полковыя дѣла рѣшали на Радѣ, причемъ только одинъ полковникъ имѣлъ два голоса. Полки раздѣлялись на сотни, управляемые сотникомъ, атаманомъ (судья), эсауломъ, писаремъ и хорунжимъ.

Глава пятая. Отношенія Слободской Украины къ Малой Россіи, къ Татарамъ и къ Царству Русскому. Здѣсь рѣчь идетъ о полной независимости Слободской Украины отъ малороссійскихъ гетмановъ, о ея борьбѣ съ татарскими хищниками и преданности Русскому царю.

Періодъ второй (1700—1765).

Глава первая. Общій взглядъ. Переселенія въ здѣшній край великороссіянъ и сербовъ; появленіе цыганъ. Ослабленіе татарскихъ набѣговъ. Упадокъ казачества.

Глава вторая. Начало преобразованій въ Слободской Украинѣ во время Петра Великаго. Измѣненія территориальныхъ границъ края и нововведенія въ казацкой службѣ. Переносъ населенія.

Глава третья. Ходъ гражданскаго устроенія Слободской Украины во время царствованія императрицы Анны. Преобразованія, произведенныя кн. Шаховскимъ. Учрежденіе Канцеляріи Коммиссіи Учрежденія Слободскихъ полковъ. Запрещеніе занимать новыя земли (1735). Образованіе драгунскаго полка. Ограниченіе власти полковниковъ. Развитіе взяточничества. Тяжесть содержанія 8-ми драгунскихъ полковъ. Бѣгство слобожанъ на Донъ и Волгу. Снисхожденіе правительства къ нуждамъ мѣстнаго населенія и уменьшеніе полковъ (оставлено на постоѣ 3 драгунскихъ полка и 1 гарнизонный).

Глава четвертая. Измѣненія въ гражданскомъ устройствѣ Слободской Украины въ царствованіе императрицы Елизаветы и въ началѣ царствованія Екатерины II. Льготы и облегченія населенія. Уничтоженіе мѣстнаго драгунскаго полка. Уничтоженіе Канцеляріи Коммиссіи. Поправленіе городовъ. Развитіе торговли и промышленности. Очищеніе края отъ бродягъ и разбойниковъ.

Глава пятая. Преобразование Слободской Украины въ губернію. Освобожденіе духовенства и дворянства отъ платежа подати. Духовныхъ и дворянъ считалось около 15.000. Простой народъ платилъ подати въ разномъ количествѣ: а) войсковые обыватели, имѣвшіе право курить и продавать вино (около 300.000 чел. обоего пола), по

95 коп. съ души; б) войсковые обыватели, не имѣвшіе этого права (около 45.000 чел. обоего пола), по 85 коп. съ души; в) владѣльческіе подданные, жившіе на Дону (около 40.000 чел. обоего пола), по 70 коп. и г) владѣльческіе подданные, жившіе собственно въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. и въ Острогожскомъ уѣздѣ Воронежской губ. (около 650.000 чел. обоего пола), по 60 коп. съ души. Податныхъ было, слѣдовательно, около 1.035.000 чел., а всего населенія Слободско-Украинской губерніи 1.050.000 чел. Въ 1765 г. губернскимъ городомъ былъ назначенъ Харьковъ, а уѣздными: Сумы, Ахтырка, Изюмъ и Острогожскъ. Первымъ губернаторомъ былъ Щербининъ.

Срезневскій живо интересовался новорожденной украинской литературой. Онъ ѣздилъ въ Полтаву, чтобы познакомиться съ Котляревскимъ, и описать приемъ, оказанный ему патриархомъ украинской литературы; онъ познакомился съ Квиткой; болѣе всего его привлекала оригинальная личность Сковороды. Много разъ Срезневскій пробовалъ писать о немъ, то въ формѣ научнаго трактата, то въ формѣ беллетристической. Философъ-мистикъ не давался въ руки молодому ученому реалистическаго склада ума и характера; отзывы Срезневскаго о Сковородѣ требуютъ нынѣ поправки, что, однако, не умаляетъ ихъ серіознаго историко-литературнаго значенія.

Во «Взглядѣ на украинскую словесность» 1834 г. Срезневскій ставитъ Сковороду въ число писателей, содѣйствовавшихъ развитію украинскаго языка. Въ дѣйствительности Сковорода писалъ особымъ языкомъ, представляющимъ смѣсь разнородныхъ лингвистическихъ элементовъ. Ни по содержанію, ни по формѣ сочиненія Сковороды не

принимали участія въ созданіи современнаго малорусскаго литературнаго языка.

Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1836 г. въ беллетристическомъ разсказѣ «Майоръ» Срезневскій рисуетъ Сквороду какъ челоѡка съ большими противорѣчіями: «глаза его (т. е. Сквороды) блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти...; говорить умѣетъ и любить, и говорить иногда, какъ добрый украинецъ; зато умѣетъ и подурочить другихъ вмѣстѣ съ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки. Но онъ добръ, и честенъ и прямодушенъ». Такую характеристику Сквороды нельзя принять. Личность этого странствующаго философа-мудреца хорошо извѣстна по превосходной біографіи его ученика Коваленскаго. Скворода былъ челоѡкъ цѣльный, глубоко искренній; искалъ всегда только добра и правды.

Расположеніе Срезневскаго къ Сквородѣ было довольно устойчивое: выразилось оно и въ 40-ые годы—въ третьей уже статьѣ его въ «Молодикѣ» Бецкаго 1843 г. Здѣсь Срезневскій сдѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ писемъ Сквороды къ Бабаевскому священнику Іакову Правичкому и привелъ обширную выдержку изъ выдающагося сочиненія Сквороды, до сихъ поръ неизданнаго полностью по цензурнымъ условіямъ, изъ его «Израильскаго Змія».

Срезневскій несомнѣнно былъ знакомъ съ сочиненіями Сквороды и высоко цѣнилъ ихъ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ вкладываетъ въ уста майора такіа слова: «Прійдетъ, Григорій Савичъ, и твое время, узнають тебя, оцѣнятъ тебя». И такое время пришло, только не скоро. Около 60 лѣтъ Скворода находился въ забвеніи, до 1894 г., когда Харь-

ковское историко-филологическое общество собрало его сочинения и издало ихъ съ обширнымъ комментаріемъ проф. Д. И. Багалѣя. Съ этого времени Скворода сталъ привлекать къ себѣ серьезное вниманіе.

Срезневскій до такой степени былъ заинтересованъ Сквородой, что сдѣлалъ интересный опытъ популяризаціи его идеи въ беллетристической формѣ. Въ повѣсти «Майоръ» онъ привелъ нѣсколько его разсужденій о Богѣ, мірѣ, любви. «Въ мірѣ семъ искать рай?» вопрошаетъ Скворода, и даетъ такой отвѣтъ: «Рай—небо, рай—Богъ. . . ., Богъ всюду, и всюду гдѣ Богъ — есть рай, и гдѣ нѣсть Бога — нѣсть рай. Такъ есть рай и на землѣ, ибо и Богъ есть на землѣ. А гдѣ Онъ на землѣ? Гдѣ благо. А гдѣ благо? Весь міръ, вся вселенная есть единое великое благо, ибо всеблагимъ Творцомъ сотворена. И всюду найдешь Его. Не ищи его за Индомъ, не ищи у верховій Нила, не будь ни вельможей, ни ростовщикомъ, будь только человѣкомъ, — слышишь? — человѣкомъ, — и обрѣтешь благо, и узришь рай. . . Люби Бога, люби тою же любовью ближняго всѣхъ ближнихъ, всѣхъ живыхъ столько же, какъ и умершихъ и нерожденныхъ. Всѣ они братья твои, родъ твой, радость твоя, надежда твоя, молитва твоя, вѣнецъ твой, всѣ, всѣ,—и всѣхъ люби, и Бога, и будетъ тебѣ рай».

Нужно поставить Срезневскому въ заслугу, что онъ, не смотря на молодые годы, почувствовалъ влеченіе къ глубокому мыслителю моралисту и сдѣлалъ опытъ популяризаціи его гуманной философіи въ беллетристической формѣ, подъ вымышленной фабулой, какъ майоръ хотѣлъ женить Сквороду на своей миловидной дочери, какъ философъ сбѣжалъ изъ подъ вѣнца, и на просторѣ украинскихъ полей заигралъ на флейтѣ свою любимую пѣсню:

О Боже, о живой глаголь!
 Кто есть безъ тебя весель,
 Ты единъ всѣмъ жизнь и радость,
 Ты единъ всѣмъ рай и сладость!

Сравнивая ученые труды Измаила Ивановича въ Харьковѣ и въ Петербургѣ, нельзя не признать громаднаго превосходства трудовъ петербургскихъ. Разница эта находитъ достаточное объясненіе въ томъ, что въ Петербургѣ Срезневскій работалъ въ расцвѣтъ своихъ силъ и таланта, послѣ плодотворнаго трехлѣтняго заграничнаго путешествія, при возможности пользоваться всѣми учеными пособіями столицы.

Рѣзкую разницу въ данномъ случаѣ можно замѣтить не у одного Срезневскаго, но также у двухъ другихъ славныхъ питомцевъ Харьковскаго университета—Костомарова и Сухомлинова. Ихъ харьковскіе ученые труды сравнительно съ болѣе поздними петербургскими представляются сравнительно весьма слабыми. Главная причина—недостатокъ ученыхъ средствъ и пособій.

Если формулировать съ одной стороны вліяніе мѣстной харьковской общественной среды на Срезневскаго, а съ другой обратное вліяніе Срезневскаго на мѣстное общество, то нужно признать, что для Срезневскаго пройденная имъ предварительно мѣстная украинофильская школа была полезна; она внесла вдохновеніе, любовь къ народу, желаніе работать для него; она выдвинула мелкаго провинціальнаго чиновника, какимъ тогда былъ Срезневскій, юнаго по возрасту и по служебному положенію университетскаго преподавателя статистики — предмета, по условіямъ того времени, беспочвеннаго и бесплоднаго. Украинофильская среда, въ которой вращался Срезневскій, обратила его къ изученію народной жизни, языка и литературы, приучила его

къ наблюденіямъ надъ народнымъ бытомъ, снабдила большимъ запасомъ этнографическихъ свѣдѣній. Приобрѣтенный большой опытъ по народоизученію Срезневскій вскорѣ широко использовалъ во время путешествія по западно-славянскимъ странамъ. Самъ Срезневскій на свое украино-фильство смотрѣлъ, какъ на переходную ступень, и такой взглядъ для него, какъ великоросса, вполне естественъ. Передъ заграничнымъ путешествіемъ онъ предпринялъ прогулку по Харьковской и Полтавской губерніямъ — по мѣстности типично украинской, въ бассейнахъ Ворсклы и Псла: Харьковъ — Богодуховъ — Ахтырка — Гадячъ — Ромны — Лубны — Хороль — Полтава. Это было въ іюлѣ 1839 г. По поводу этого путешествія И. И. писалъ Снегиреву: «авось успѣю изъ этого маленькаго путешествія сдѣлать для себя образчикъ того, что долженъ буду сдѣлать въ большомъ размѣрѣ, если буду утверждать на путешествіе по славянскимъ землямъ». На весь первый харьковскій періодъ дѣятельности Срезневскаго съ 1832 по 1839 г. можно смотрѣть, какъ на «образчикъ», пробу пера, на которую авторъ, по достиженіи высшихъ ступеней, уже не обращалъ вниманія.

Выступивъ на литературное поприще подъ сильнымъ воздѣйствіемъ мѣстныхъ писателей, Срезневскій, какъ человѣкъ большой энергіи, оказывалъ обратно немалое на нихъ вліяніе. Такъ, въ 1830 г. онъ писалъ въ Москву своему товарищу по университету Евецкому: «напиши (для Украинскаго Альманаха) что-нибудь юмористическое, но что бы касалось Украины».

Особенно сильно повліялъ Срезневскій на Костомарова. «Знакомство это (съ Срезневскимъ)», пишетъ Н. И. Костомаровъ въ автобіографіи, «возымѣло сильное на меня

Милому и славному Срезневскому

Наи милосердней
 Твоя на свете
 Добра Марія
 Твоя Горюха.
 Маице поше,
 Квотки коровы -
 Милая твоя мила
 Ой коровы,
 Фовее жила -
 Твоя усвоена,
 Колько, свернувшись,
 Знову остана
 и серцево мучит
 Станево докато,
 Може елико
 Близко не убогаю.
 Друже козихи!
 Въ казавти, и в мисте
 Въ воит и невоит,
 Въ ридану краю,
 и на убого,
 и на иная стана.
 призна, ина
 Буда для мене
 Вода твоя!

Сентифи Костомарова

Сергей Костомаров

Стихи на память И. И. Срезневскому отъ И. И. Костомарова.

вліяніе. И. И., въ то время хотя еще очень молодой человекъ, былъ глубоко начитанъ, замѣчательно уменъ, съ большимъ жаромъ и охотою къ научному труду. Я сталъ часто посѣщать его, и домъ его сдѣлался любимымъ мѣстомъ отдыха и обмѣна мыслей». По собственному призванію Костомарова, И. И. сильно способствовалъ развитію въ немъ стремленія къ изученію малорусской народности. При его помощи, Костомаровъ сталъ изучать малорусскій языкъ, мало ему знакомый, и малорусскія повѣсти Квитки.

Вѣроятно, не безъ вліянія Срезневскаго Костомаровъ написалъ въ 1843 г. диссертацию «Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи». Срезневскій отнесся къ этому труду съ большимъ одобреніемъ и напечаталъ въ Москвитинѣ 1844 г. лестную для автора рецензію. Сдѣлавъ обзоръ содержанія и нѣсколько извлеченій, И. И. находилъ, что трудъ Костомарова драгоценный подарокъ для литературы и ученыхъ. Недостатками диссертации рецензентъ считалъ недостаточную разработанность пѣсенъ и полное невниманіе къ сказкамъ. Костомаровъ любилъ свой ранній трудъ, признавалъ основательность критическихъ замѣчаній Срезневскаго и въ концѣ жизни переработалъ его въ статьяхъ о малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, напечатанныхъ въ 1872 г. въ журналахъ «Бесѣда» и «Русская Мысль».

Въ заключеніе можно повторить вслѣдъ за университетскимъ товарищемъ И. И-ча, Шпигоцкимъ, что Срезневскій съ первыхъ своихъ шаговъ въ Харьковѣ обнаружилъ орлиный полетъ, рано понесся въ научныя высоты и своими смѣлыми порывами увлекъ съ собою наиболѣе талантливыхъ своихъ друзей, товарищей и учениковъ.

Проф. Н. Ф. Сумцовъ.

И. И. СРЕЗНЕВСКИЙ и СЛАВЯНСТВО.

Славянское путешествие и первые годы профессорской деятельности
И. И. Срезневского.

Русскія изученія Славянства, нашедшія въ первой четверти XIX ст. просвѣщеннаго покровителя въ лицѣ гр. Н. П. Румянцова и даровитыхъ и энергичныхъ работниковъ въ блестящей плеядѣ его сотрудниковъ, со смертію вельможи-мецената на время пріостановились. Душа Румянцовскаго кружка, благородный подвижникъ науки П. И. Кеппель, единственный изъ всего содружества, хорошо знавшій Славянство, благодаря продолжительному путешествію (1821 — 1824), и завязавшій прямыя сношенія съ славянскими учеными, вскорѣ послѣ смерти графа († 6-го января 1826 г.) покинулъ Петербургъ и навсегда распростился съ старыми влеченіями. Славянскіе интересы въ наукѣ нашей въ теченіе нѣкотораго времени проявляются слабо, и только университетскій уставъ 1835 г. создаетъ славянскую кафедру въ Московскомъ университетѣ; въ теченіе пяти лѣтъ съ достоинствомъ на ней подвизается М. Т. Каченовскій.

Съ учрежденіемъ новой спеціальной кафедры въ Москвѣ связывались заботы о дальнѣйшемъ обезпеченіи ея учеными силами; естественно было въ то же время подумать и о нуждахъ другихъ русскихъ университетовъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ эти заботы выразились въ посылкѣ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія группы молодыхъ ученыхъ за границу для подготовки къ занятію кафедръ славянской словесности. Къ славянамъ по старому, проложенному Кепшеномъ пути отправляются: О. М. Бодянский, П. И. Прейсъ и И. И. Срезневскій.

Срезневскій, молодой избранникъ Харьковскаго университета, рано обнаружилъ интересъ къ славянству. Первый трудъ его, имѣющій отношеніе къ славянамъ, «Словацкія пѣсни», напечатанъ былъ въ 1832 г., когда ему было всего 20 лѣтъ. Пѣсни собраны были имъ отъ словаковъ-дротарей, странствующихъ проволочниковъ.

Преподавая затѣмъ въ родномъ университетѣ статистику (съ сент. 1837 г.) и занимаясь ею преимущественно, Срезневскій, по его собственнымъ словамъ, «все остальное время посвящалъ изученію славящины», и когда редакция Журнала Мин. Нар. Просв. предложила ему сотрудничество, онъ согласился доставлять ей статьи не только по части статистики и исторіи Малороссіи, но и по «нѣкоторымъ отраслямъ славянословія», имѣвшимъ, между прочимъ, статью о Краледворской рукописи и даже «Нѣсколько замѣчаній о Чешскомъ Словарѣ Юнгманна».

Сблизившись еще въ 1833—1835 гг. съ извѣстнымъ украинофиломъ—поэтомъ Амвросіемъ Лукьяновичемъ Метлинскимъ, тоже большимъ любителемъ народной поэзіи, Срезневскій нашелъ въ немъ сочувствіе своимъ новымъ интересамъ. Необходимо отмѣтить, что Амвросій Могила издалъ въ Харьковѣ въ 1839 г., т. е. въ годъ отъѣзда за границу Срезневскаго, свои «Думки и пѣсни та шче де шчо». Эти думки и пѣсни обнаруживали для Харькова и своего времени уже довольно широкое знакомство съ народнымъ

славянскимъ пѣснотворчествомъ, съ поэтическими творениями чеховъ Коллара и Челаковского, поляковъ Мицкевича, Витвицкаго и Одынца, съ учеными трудами Шафарика. Метлинскій почерпаетъ изъ извѣстнаго сборника Коллара «словацкіи пѣсни», переводить также пѣсни сербскія и «старочешскія» изъ Краледворской рукописи, подражаетъ явно Челаковскому въ думкѣ «Пожаръ Москвы», несомнѣнной парафразѣ «Великой панихиды» чешскаго поэта, и даже во взглядѣ его на «бусурманъ» — иностранцевъ слышится отголосокъ извѣстнаго стиха «Любушина Суда»: «Nechvalno nám v Němciech iskati pravdu . . .». Метлинскій поетъ:

«Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чи мало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ . . . ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурмень» . . .

Отсюда недалеко уже было до позднѣйшаго взгляда Срезневскаго на славянство, какъ на «особый элементъ жизни общественной, не романскій и не германскій, но и не азіатскій», столь же однако твердый, какъ оба западные, но болѣе свѣжій; отсюда могла вытекать и вѣра, убѣжденіе, что «славянскому племени предоставлено обновить Европу».

Въ харьковскомъ кружкѣ, очевидно, ясно и сильно опредѣлились въ эти годы славянскіе интересы, и все въ славянскихъ литературахъ выдающееся здѣсь читалось, обдумывалось и переживалось. Славянскія основы были заложены. Надо было лишь укрѣпить и расширить ихъ, чтобы поставить на прочномъ фундаментѣ новую славянскую кафедру, открыть которую предстояло въ недалекомъ будущемъ и Харьковскому университету.

Въ какомъ направленіи, при помощи какихъ средствъ и матеріаловъ могло, въ пониманіи руководителей отправлявшихся къ славянамъ стипендіатовъ, совершиться это упроченіе и расширеніе основъ, объ этомъ подробно говорить намъ инструкція, данная всѣмъ тремъ въ тождественной формѣ въ напутствіе и поученіе.

Программа, или «Записка о путешествіи по заграничнымъ славянскимъ землямъ», составленная при Московскомъ университетѣ, точно опредѣляла «время, страны и мѣста», которыми должно было ограничиться это путешествіе. Она рекомендовала «прежде всего прибыть въ Чехію» и тутъ по крайней мѣрѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ знакомиться съ чешской словесностью, языкомъ, древностями, исторіей, палеографіей и пр. Въ качествѣ руководителей и ученыхъ авторитетовъ въ ней упоминаются: Шафарикъ, Юнгманнъ, Ганка, Челаковский, Палацкій. Она отмѣчаетъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ видѣйшихъ представителей науки. Однако въ ней не было ничего самостоятельнаго. Зависимость ея отъ знаменитаго «Проекта путешествія по славянскимъ землямъ и архивамъ» П. И. Кеппена (1825 г.) не подлежитъ сомнѣнію. Маршрутъ, порядокъ ученыхъ поѣздокъ въ ней нѣсколько иной, но существенныя указанія касательно архивовъ, библіотекъ, лицъ ученыхъ и т. п. идутъ всѣ вообще отъ Кеппена, нѣсколько, конечно, подновленные и дополненные для конца тридцатыхъ годовъ.

Проектомъ Кеппена уже воспользовались въ свое время въ Варшавѣ для избранника Варшавскаго университета Андрея Кухарскаго (1825 г.), теперь вспомнили о немъ и у насъ и дали его въ руководство нашимъ молодымъ ученымъ, отправлявшимся къ славянамъ.

Спеціальная «инструкція», въ дополненіе къ «Запискѣ», опредѣлила точнѣе характеръ уже самыхъ занятій ученаго славянскаго путешественника. Способъ, методъ занятій, который является наиболѣе дѣйствительнымъ и плодотворнымъ въ области большинства наукъ (слушаніе лекцій въ университетахъ, работа въ библіотекахъ, кабинетахъ и проч.), признается ею непригоднымъ для изученія славянскихъ нарѣчій. Инструкція поясняла поэтому, по какому пути слѣдуетъ идти въ этой области нашимъ ученымъ:

«Предметъ изученія славянскихъ нарѣчій и литературъ, въ истинномъ ихъ ученомъ значеніи, еще слишкомъ мало обработанъ; весьма немного можно встрѣтить ученыхъ, которые по призванію посвятили бы себя этому важному предмету. Какъ рѣдки въ этомъ отношеніи ученые, такъ рѣдки хорошія книги, руководства и пособія по этому роду занятій; а каѳедръ, учрежденныхъ по этому предмету и собственно для этой цѣли, кромѣ Россіи, нигдѣ, кажется, не находится. Все это само собою указываетъ уже нашему путешественнику на необходимость не столько заимочнаго, сколько самостоятельнаго и самопроизводящаго способа ученія и усовершенствованія». Поэтому въ области занятій славянскими нарѣчіями рекомендовалось прежде всего практическое изученіе ихъ, при этомъ путешественникъ долженъ «слѣдить за всѣми возможными отбѣнками измѣненій» этихъ нарѣчій по разнымъ провинціямъ, въ разныхъ сословіяхъ народа.

Что касается второй задачи путешественника, а именно — «изученія характеристики славянскихъ народовъ, каждаго въ особенности», то тутъ «практическое ученіе» должно было сыграть еще большую роль. Образъ жизни

домашней и общественной, нравы, обычаи, степень образованія, древнія преданія и повѣрья, предразсудки, суевѣрія, игры, увеселенія, одежда, пища и т. п. должны составить «неистощимый запасъ для предбудущихъ изслѣдованій и выводовъ путешественника, въ историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археографическомъ и нравственномъ отношеніяхъ». Ясно было, что для собиранія столь разнообразныхъ матеріаловъ ученому славянисту необходимо было возможно дольше путешествовать по славянскимъ землямъ, ибо собрано и издано было до сихъ поръ по этому предмету ничтожно мало. Рекомендовалось поэтому для большаго успѣха дѣла совершать ученыя экскурсіи лѣтомъ пѣшкомъ, вести самый подробный дневникъ путешествія и т. д.

Самъ Срезневскій уже въ первомъ донесеніи министру (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1841 г., ч. 31, стр. 9 и сл.) далъ весьма цѣнный комментарий къ официальной «Запискѣ», отражающій его собственные взгляды на задачи ученаго путешественника по славянскимъ землямъ. Онъ писалъ тогда: «Чтобы узнать славянство, путешественникъ по землямъ славянскимъ долженъ, съ одной стороны, изучать старинные памятники языка, писанные людьми, еще не имѣвшими притязанія на названія «писателей» и «литераторовъ» и тѣмъ болѣе сохранившими въ своихъ сочиненіяхъ народность языка, народность мысли и чувства; съ другой стороны, идти въ народъ, вслушиваться въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ выражаетъ онъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошедшее такъ простосердечно и такъ полно. А чтобы онъ могъ понять сознательно то,

что прочтеть въ старыхъ хартіяхъ и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды. . . Проникнувъ въ духъ славянства, узнать его въ тѣхъ проявленіяхъ, гдѣ условія искусствъ не вредили природѣ, онъ будетъ въ состояніи оцѣнить и тѣхъ писателей, которые, не смотря на цѣпи, наложенныя на нихъ вліяніемъ чужого, смогли однако жъ сохранить свою народность, понять свой народъ, свой родной языкъ и тѣ формы, въ которыхъ можетъ изящнѣе и могучѣе проявляться умъ и фантазія для его соотчичей, въ одеждѣ его отечественнаго языка».

Такое мѣстное, такъ сказать, топографическое изученіе славянскихъ народовъ, ихъ нарѣчій и памятниковъ, ихъ народной словесности Срезневскій считалъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что «каждый живой народъ, каждое живое нарѣчіе, каждая живая народная словесность представляютъ этнологу, историку, филологу хотя нѣчто такое, что, наперекоръ судьбѣ, пережило долгіе вѣки и сохранилось только въ немъ, что каждый славянскій народъ выражаетъ въ особенной формѣ, будучи необходимымъ звеномъ въ общемъ развитіи славянства, и можетъ дать отвѣты на тѣ или другіе изъ общеславянскихъ вопросовъ».

Это — знакомыя намъ черты того романтическаго націонализма, который, получивши теоретическое обоснованіе въ современныхъ философскихъ системахъ, въ литературной и научной практикѣ выразился въ культѣ національнаго настоящаго и прошлаго во всѣхъ его проявленіяхъ. Благодаря ему, въ поэзіи явилась поэтизація національнаго быта и духа, въ наукѣ — историческое изученіе языка, права, мифологіи и вообще продуктовъ народнаго творчества, въ общественно-политической жизни — идеализація

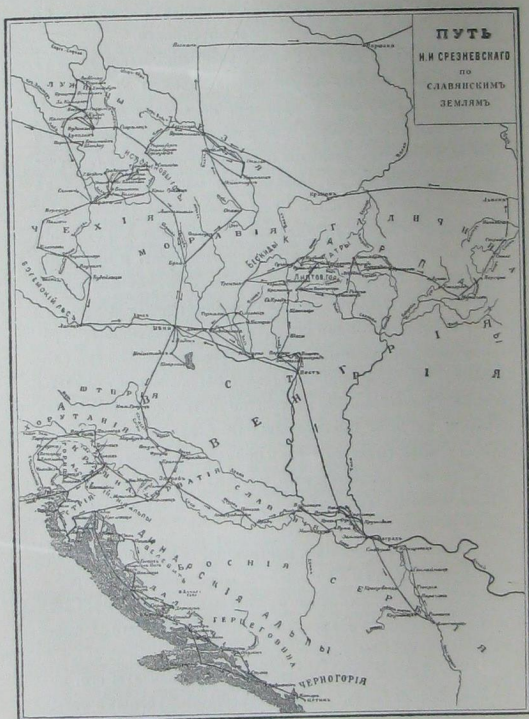
народныхъ началъ и традицій, а иногда и поворотъ къ старинѣ, къ ея чистотѣ и непосредственности.

Срезневскій, слѣдуя общему увлеченію, идетъ тоже въ народъ, ибо факты, закрѣпленные навсегда въ книгахъ, рукописяхъ, изучаются многими, но слишкомъ немногіе ищутъ новыхъ фактовъ, еще пока живыхъ въ народѣ, но при современномъ движеніи образованности все болѣе исчезающихъ. «Много ли Карджичей насчитать можно въ цѣлой Европѣ, не только между славянами? И какая славянская народность изслѣдована такъ, чтобы для этнолога и филолога оставалось только критизировать и приводить въ систему собранные матеріалы?» Онъ убѣжденъ, что «собираніе матеріаловъ должно предшествовать всему».

Но Срезневскій понималъ, что путешественникъ, ограниченный небольшимъ срокомъ времени, не можетъ сдѣлать все, что бы нужно было, и что бы желалъ онъ сдѣлать; однако это соображеніе не должно быть препятствіемъ для дѣланія на этой нивѣ: «Каждый сдѣлаетъ что-нибудь, многіе сдѣлаютъ много!» Такъ понялъ онъ долгъ, наложенный на него путешествіемъ по землямъ славянскимъ... «Пѣшеходство» было его «страстью»—и эта страсть принесла богатые плоды.

Строго придерживаясь инструкціи, несомнѣнно, въ значительной степени отвѣчавшей своими положеніями и требованіями его личнымъ давнимъ вкусамъ и влеченіямъ, Срезневскій совершаетъ знаменитое въ исторіи русскаго славяновѣдѣнія тряхлѣтнее ученое путешествіе.

Прослѣдимъ главнѣйшіе моменты и эпизоды его, познакомимся съ важнѣйшими результатами ученыхъ разысканій нашего путешественника и съ кругомъ тѣхъ славянскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, которые оказали

несомнѣнное вліяніе на характеръ и направленіе дальнѣйшей работы Срезневскаго на славянской нивѣ.

Путь за границу изъ Харькова по личнымъ обстоятельствамъ избранъ былъ черезъ Москву и Петербургъ. Позднею осенью 1839 г. бывшій адъюнктъ перваго отдѣленія философскаго факультета Харьковскаго университета, напутствуемый совѣтами самого министра С. С. Уварова и снабженный имъ рекомендаціями къ нашимъ вѣрнымъ друзьямъ, пражскимъ ученымъ, отправлялся на Западъ, къ славянамъ. Черезъ Ригу, Митаву, Таурогенъ и Тильзитъ онъ прибылъ въ Кенигсбергъ, гдѣ встрѣтился съ Прейсомъ, занимавшимся здѣсь подъ руководствомъ Куршата литовскимъ языкомъ.

Знакомство съ профессоромъ политическихъ наукъ Шубертомъ, совѣты его относительно необходимости самостоятельныхъ наблюденій при изученіи славянскаго населенія Пруссіи и Австріи и бесѣды съ Прейсомъ, который изъ Кенигсберга собирался въ Гданскъ для специальныхъ занятій кашубами, отчасти, наконецъ, и официальная инструкція привели и Срезневскаго къ рѣшенію начать свои ученныя занятія съ этой гибнущей славянской вѣтви. Но зимняя пора помѣшала ему захватить въ землю кашубовъ и на мѣстѣ изучить ихъ нарѣчіе и обычаи. Однако, нашъ путникъ знакомится съ кашубами въ Берлинѣ, отчасти въ Вратиславлѣ и Згорѣльцѣ, преимущественно съ солдатами, отъ которыхъ онъ «довольно легко учился ихъ нарѣчію, списывалъ народныя пѣсни, разузнавалъ объ ихъ обычаяхъ».

Это были первые шаги Срезневскаго на поприщѣ самостоятельнаго, живого ознакомленія съ славянствомъ, первые опыты его по собиранію этнографическаго славянскаго матеріала, едва ли, впрочемъ, счастливые.

Прослушавши въ Берлинѣ небольшой курсъ лекцій по языкознанію у Боппа (съ 8 декабря по 27 января), онъ черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ прибылъ въ Прагу (4/16 февраля 1840 г., въ восемь часовъ утра). Это была первая славянская остановка его. Онъ поспѣшилъ подѣлиться новыми впечатлѣніями съ матушкой. «Когда-то», писалъ онъ, «сердце мое трепетало, когда я подъѣзжалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ Прага имѣетъ сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осматрю лучше, а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь славянскіе звуки и даже московскій напѣвъ...» Это были впечатлѣнія чисто внѣшнія. Пребываніе въ центрѣ чешской умственной жизни, ученія занятія, знакомства и дружескія связи еще болѣе усилили эти восторженные чувства.

Годы ученыхъ занятій нашихъ будущихъ профессоровъ-славистовъ въ Прагѣ счастливо совпадаютъ съ блестящимъ развитіемъ чешской ученой и изящной литературы и съ высокимъ подъемомъ чешскаго національнаго чувства. Новый періодъ чешской литературной и ученой жизни, начавшійся съ основаніемъ въ 1817 г. Чешскаго Музея, ознаменовался дѣятельностью замѣчательной плеяды преемниковъ и продолжателей перваго поколѣнія чешскихъ властителей. На едва вспаханной чешской народной нивѣ подвизаются въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ въ Прагѣ: Юнгманъ, поэтъ, лексикографъ и восторженный славянофилъ; переселившійся въ Прагу въ 1833 г. изъ Новаго Сада словакъ Шафарикъ, историкъ древняго славянства и знатокъ древней славянской письменности и

языковъ; симпатичный поэтъ-русофилъ Челаковскій, вполсѣдствіи профессоръ славянской филологіи въ Вратиславскомъ университетѣ; великій чешскій исторіографъ Палацкій; заслуженнѣйшій въ исторіи чешско-русскихъ и вообще славянскихъ ученыхъ связей, первый бібліотекаръ Чешскаго Музея Вячеславъ Вячеславовичъ Ганка и цѣлый рядъ другихъ работниковъ.

Наши талантливые стипендіаты съ важнѣйшими трудами и заслугами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ были знакомы уже дома, до отъѣзда за границу; имена Добровскаго, Юнгманна, Ганки и Шафарика особенно хорошо извѣстны были въ небольшомъ кругу нашихъ любителей Славянства; съ ними уже давно завязались у насъ сношенія, переписка, обмѣнъ книгами, взаимными услугами ученаго характера. Наши молодые ученые ѣхали не въ чуждающую сторону, а къ своимъ, къ друзьямъ, у которыхъ въ Россіи было тоже немало искреннихъ почитателей ихъ ученыхъ заслугъ и вѣрныхъ друзей.

Съ рекомендательными письмами С. С. Уварова къ «Павлу Юсифовичу Шафарiku» и къ Ганкѣ, и отъ редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія Сербиновича къ Ганкѣ явился Срезневскій въ Прагу. «Онъ посылается», писалъ Сербиновичъ, «для усовершенствованія въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Ваше славянское радушіе, безъ сомнѣнія, согрѣетъ нашего любознательнаго путешественника, подобно тому какъ и многіе изъ нашихъ, имѣвъ удовольствіе познакомиться съ вами, признавались мнѣ, что они были не на чужбинѣ, а точно какъ бы дома». И нашъ путникъ дѣйствительно чувствовалъ себя въ Прагѣ уже съ первыхъ дней пребыванія, какъ бы дома, среди своихъ.

Первый визитъ по пріѣздѣ (еще въ тотъ же день!)

былъ къ Шафарику. Срезневскій былъ имъ обласканъ и въ бесѣдѣ съ нимъ провелъ два часа. Съ Шафарикомъ и семейей его Срезневскій въ тотъ же день былъ въ чешскомъ театрѣ, а изъ театра пошли опять къ Шафарику и пили чай, «приготовленный по русски». Шафарикъ позаботился даже о квартирѣ для своего русскаго гостя, поручивъ прискать ее д-ру Станьку.

Черезъ недѣлю, привѣтливо и сердечно принятый новыми чешскими друзьями, Срезневскій писалъ матери: «Вотъ и недѣля, какъ я въ Прагѣ, — и дай Богъ, чтобы всѣ недѣли прошли въ ней для меня такъ, какъ прошла эта. Радушно, родственно принимаемый, покойный, здоровый, прилежный, я не могъ быть ничѣмъ собою недоволенъ, ни тѣмъ менѣе не могъ быть недоволенъ другими».

Свои занятія въ Прагѣ Срезневскій начинаетъ съ изученія чешскаго языка, сначала подъ руководствомъ известнаго лексикографа Франты Шумавскаго, а затѣмъ беретъ уроки у художника чешскаго слова, поэта Челаковскаго. Первые шаги въ области изученія памятниковъ старой письменности и вообще древности чешской, а также современной чешской литературной и общественной жизни сдѣланы были, конечно, подъ непосредственнымъ руководствомъ учителей (Шафарика, Ганки, Челаковскаго, Шумавскаго), — то въ библиотекѣ Чешскаго Музея у Ганки, то въ частныхъ бесѣдахъ съ учеными друзьями. Съ Ганкой онъ бесѣдуетъ всегда по-русски; съ профессоромъ чешскаго языка въ пражскомъ университетѣ Коубкомъ по-малороссійски. Въ половинѣ марта Срезневскій однако не могъ еще похвастать передъ матушкой своими успѣхами: «Говорить по-чешски начинаю, — по крайней мѣрѣ уже понимаютъ, но читать до сихъ поръ я не выучился — такъ

трудно, хоть и вовсе не трудно произнести каждый звук отдельно». . . . Но въ июнѣ онъ приводитъ уже чужіе отзывы о томъ, что онъ прекрасно говорить по-чешски, что даже выговоръ имѣеть чешскій. «Иное такъ и думаю по чешски».

Ген. Гв. Срезневскѣму.

Видѣвъ а вѣстекъ, Ужасинскѣ Душе!
 А зидбау-ли на ганти жинота
 Тѣхъ в тинѣхъ тѣхъ крох се замота,
 Выхвѣте з нихъ вѣхъ Тобѣ вонне
уже!

В Прагѣ 21 Дуна 1840.

Fr L. Celakowsky!

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ Ф. Челаковского.

Вліяніе уроковъ и взглядовъ Ганки сказалось особенно на тѣхъ работахъ Срезневскаго («Извлеченія изъ Краледворской рукописи, касательно религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ» въ Ж. М. Н. Пр., 1840, ч. 28, отд. II, 115—148), которыя или прямо касались пресловутыхъ открытій Ганки,

или въ частныхъ своихъ выводахъ основывались на нихъ. Такъ, Краледворская рукопись (RK) есть для Срезневскаго общая драгоцѣнность всѣхъ славянъ, драгоцѣнность неоцѣнимая, какъ памятникъ старины о старинѣ, если даже и не брать во вниманіе красотъ поэтическихъ, которыми столь богато ея содержаніе. «Какъ памятникъ старины о старинѣ, она драгоцѣнна для насъ и въ отношеніи къ языку и, можетъ быть, еще болѣе въ отношеніи этнографическомъ. Какъ драгоцѣнность, она должна быть изучаема съ ревностію всѣми, для кого не чуждо имя славянъ и ихъ былое, и слѣдовательно — не только чехами или западными славянами, но и нами русскими. . . »

По мнѣнію Срезневскаго, «въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ Краледворская рукопись очень замѣчательна, особенно при нынѣшнихъ изслѣдованіяхъ о древней религіи славянъ, изслѣдованіяхъ бѣдныхъ и фактами и выводами». Въ виду этой важности ея, онъ задается цѣлью выписать изъ стихотвореній рукописи всѣ мѣста, имѣющіе какое-либо отношеніе къ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ, и потомъ «по возможности сообразить ихъ и извлечь изъ нихъ отвѣты на вопросы, возбуждаемые этимъ предметомъ».

Въ пониманіи RK онъ вполне слѣдуетъ Ганкѣ. Отсюда, конечно, въ статьѣ этой оказалось много фантазій по части славянской міеологіи. Только одно положеніе, а именно, — что такими частными обозрѣніями, какое предпринялъ авторъ, «можно и должно начать трудъ изслѣдованій о древней религіи славянъ», чтобы впослѣдствіи переходить къ общимъ выводамъ, — слѣдуетъ признать основательнымъ и въ методологическомъ отношеніи правильнымъ. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ былъ неудаченъ и не могъ имѣть

никакого научнаго значенія, такъ какъ основанъ былъ на матеріалѣ фальсифицированномъ, т. е. безъ всякой цѣны.

И другое изъ печальныхъ «открытій», связанныхъ съ именемъ Ганки, для Срезневскаго оставалось, послѣ всѣхъ сомнѣній и возраженій противъ подлинности его, несомнѣннымъ произведеніемъ древности.

Зеленогорская рукопись (RZ), перепечатанная и переведенная Шишковымъ въ Извѣстіяхъ Росс. Акад., доступна была у насъ небольшому кругу, и Срезневскій былъ въ сущности правъ, когда говорилъ что «у насъ на Руси она неизвѣстна». Помѣстивъ въ «Очеркахъ Россіи» Вадима Пассека (I, СПб., 1838) статью «Сеймы», Срезневскій напечаталъ RZ въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Въ ней онъ усматривалъ, съ одной стороны, памятникъ родной намъ западной славящины, съ другой — «матеріалъ для будущихъ соображеній о старинѣ русской, въ которой много останется необъясненнымъ, пока наши историки и филологи не примутся изучать старину другихъ славянскихъ народовъ». Последнее замѣчаніе имѣло большую цѣну, но придавать RZ значеніе источника для освѣщенія славянской древности было весьма неосмотрительно. Срезневскій, между тѣмъ, не колеблясь, на основаніи этого произведенія XIX ст. рисуетъ картину состоянія чешской земли время Любуши, общественнаго устройства и общественной образованности чеховъ! Статья заканчивалась патетическимъ призывомъ: «Любите, храните, чехи, свои народныя драгоцѣнности и защищайте ихъ отъ нападковъ всеразрушающей критики, если по совѣсти признаете ихъ того достойными». Сомнѣнія чешскихъ ученыхъ, конечно, уже тогда были знакомы Срезневскому, но они не поколебали его крѣпкой вѣры, и въ 1879 г. онъ еще разъ возвра-

шается (въ Р. Ф. В.) къ «былинѣ о судѣ Любуши», нимаю не сомнѣваясь въ ея подлинности даже послѣ сильныхъ, сокрушающихъ аргументовъ противъ ея древности.

Эту вѣру въ подлинность нынѣ окончательно отвергнутыхъ фальсификатовъ Срезневскій передаетъ и своимъ ученикамъ, которые изучаютъ РК и пишутъ о ней разсужденія, переводятъ ее и комментируютъ. «Кралдоворская рукопись разбирается у насъ подробно», пишетъ онъ Ганкѣ изъ Харькова въ октябрѣ 1844 г., «такъ, пѣснь о татарахъ составила цѣлое разсужденіе. Позволите ли вы автору (гр. Шведову) украсить ее именемъ вашимъ? Другое разсужденіе, поданное мнѣ, касается Suagazisi: молодой ученый (Н. Самцовъ), начавши сравненіемъ его съ Сварогомъ и Сварожичемъ, постарался по-своему рѣшить задачу о сабеизмѣ и юризмѣ и, хоть довольно вольничалъ, но сказать и много дѣльнаго». Нѣсколько позже Срезневскій привѣтствовалъ обширнымъ разборомъ трудъ казанскаго молодого ученаго А. Соколова о Кралдоворской рукописи и о Судѣ Любуши (въ Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 55, отд. VI, 154—170).

И другія статьи Срезневскаго, касающіяся языческаго славянства, его быта и вѣрованій, неизмѣнно цитируютъ РК или RZ, какъ «свидѣтельства современныхъ». Таково, напримѣръ, разсужденіе: «Объ обожаніи солища у древнихъ славянъ» (Ж. М. Н. Пр., 1846, ч. 51, отд. II, 36—60). Авторъ заданъ здѣсь цѣлью прослѣдить «мѣстные проясненія идеи обожанія солища языческими славянами» и объяснить названія солнечныхъ божествъ (Хорса, Дажьбога, Волоса, Сварожича, Радагаста и пр.). Статья обнаруживаетъ основательное знакомство съ свидѣтельствами древности, съ народной поэзіей славянъ, съ обширной литературой

по ея изученію и съ первыми опытами сравнительнаго объясненія нѣкоторыхъ вѣрованій, пословицъ и т. п.

Славянской религіозной древности посвящена была и докторская диссертация: «Святылища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ» (Харьковъ, 1846) и небольшая статья: «О языческомъ вѣрованіи древнихъ славянъ въ безсмертіе души» (Ж. М. Н. Пр., 1847, ч. 53, отд. II, 185—196). Первая работа представляла особенный интересъ какъ по новизнѣ самой темы, такъ и по тѣмъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ, доказывавшій единство главныхъ основаній и принадлежностей языческаго богослуженія у славянъ, главнымъ культомъ коихъ было поклоненіе солнцу. Какъ здѣсь, такъ и во второй работѣ Срезневскій разсматриваетъ сказанія современниковъ, привлекаетъ къ изученію обычаи и преданія древнихъ славянъ, сохранившіеся до нашего времени, при чемъ во второй статьѣ на первомъ планѣ поставлены въ числѣ «свидѣтельствъ современныхъ» пѣсни РК, воспѣвающія событія языческаго времени, далѣе сгруппированы всѣ свидѣтельства историческихъ памятниковъ арабскихъ, нѣмецкихъ и славянскихъ. Изъ разсмотрѣнія и разбора ихъ авторъ выводитъ «двойственное вѣрованіе славянъ въ посмертную судьбу людей», смѣшеніе въ религіи славянской двухъ религій (дуализмъ), двойственность понятій о сотвореніи міра (огонь и вода создали свѣтъ, землю и все окружающее).

Отмѣтимъ также, что, вопреки общепризнанному нынѣ и блестяще доказанному изслѣдованіями А. Патеры и Баума подлогу значительной части чешскихъ глоссъ въ средне-вѣковомъ словарѣ «Mater Verborum», Срезневскій рѣшился отстаивать подлинность этихъ глоссъ. И тутъ онъ не могъ

допустить и тѣни подозрѣнія относительно участія въ литературно-патріотическихъ подлогахъ Вячеслава Ганки. Вѣра въ его чистоту и моральную непорочность была слишкомъ крѣпка, а старые пражскіе уроки и внушенія не забывались. Вспомнимъ, что какъ разъ въ 1840 г. Шафарикъ и Палацкій выступили съ защитою заподозрѣнныхъ «древнихъ памятниковъ» въ специальномъ трудѣ. Отъ ига авторитетовъ Срезневскій не сумѣлъ освободиться еще и тогда, когда они были окончательно поколеблены.

Среди книгъ и ученыхъ занятій стариной Срезневскій не забываетъ однако о современности: его увлекаетъ пробуждающаяся чешская новая жизнь, онъ усердно посѣщаетъ чешскіе національные балы (*národní besedy*), только что зарождавшіеся (1841) въ качествѣ важнаго фактора національнаго пробужденія, знакомится съ чешской сценою и музыкой. Странно однако, что онъ не пожелалъ сблизиться съ «юными пражскими литераторами» изъ-за того только, что они собирались въ кофейняхъ, и нѣкоторые изъ нихъ были большіе охотники до политики. Срезневскій конечно, не прикидывался «мудрымъ старцемъ», когда избѣгалъ литературной молодежи: осторожность эту, надо думать, внушили ему его старшіе друзья, хорошо знавшіе печальныя пражскія отношенія, а органическое отвращеніе къ политикѣ только усилило эту осторожность.

Пятимѣсячное пребываніе въ Прагѣ, постоянныя занятія и поучительныя бесѣды съ друзьями, общеніе съ Ганкою, Шафарикомъ, Челаковскимъ, Станькомъ, Амерлингомъ, Коубкомъ, Палацкимъ и многими другими, поѣздки по сѣверной Чехіи и литературныя знакомства въ провинціи, съ деканомъ Ветешникомъ въ Соботкѣ, съ поэтами-переводчиками проф. Широмъ и Махачкомъ въ Пчинѣ, съ

Jedno křede slunce
 Genž nad námi koluje!
 Jeden těšj národ
 Genž obšjrně rannuje!
 Jedno bide mace!
 Genž nás všesky sroduje!

Антонинъ Марекъ.
 Дѣканъ въ Ратаръ
 въ Любуни - дня 3го
 Червна 1840.

Драгому Срезневскому.

Винаржицкимъ, съ Антониномъ Маркомъ въ Либунѣ, дали Срезневскому, несомѣнно, основательныя познанія касательно чешскаго языка, литературы, исторіи, географіи и этнографіи страны.

Въ эти мѣсяцы создалась и его прочная привязанность къ Ганкѣ, котораго среди своихъ пражскихъ друзей онъ особенно отличалъ. Этихъ чувствъ Срезневскаго не разделялъ никто изъ его товарищей, русскихъ славистовъ. О Ганкѣ, «кавалерѣ ордена св. Владимира», Прейсъ отзывался нѣсколько насмѣшливо, какъ осмѣивалъ его «Анну на шеѣ» и злоязычный землякъ Гавличекъ; недолюбливалъ Ганку и своенравный Осипъ Максимовичъ Бодяскій, невысоко цѣнившій его ученость и особенно обижавшійся за причисленіе его къ «ученикамъ» Ганки; различно думали и говорили о Ганкѣ и сами пражане, но Срезневскій прильнулъ къ нему всею душою и неизмѣнно до послѣднихъ дней трудовой жизни Ганки поддерживалъ съ нимъ переписку, дѣлясь съ старымъ другомъ въ теченіе двадцати лѣтъ (съ апрѣля 1840 г. до іюня 1860 г.) всѣми важнѣйшими личными, семейными, литературно-учеными и общественными новостями.

Уже первыя письма Срезневскаго къ Ганкѣ представляли такой интересъ, заключали столь много живыхъ и свѣжихъ наблюденій и данныхъ о жизни различныхъ вѣтвей славянства, что Ганка многія изъ нихъ переводилъ на чешскій языкъ и помѣщалъ въ Часописи Музея, редактированной въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ Шафарикомъ (1838—1842).

Такую же цѣну имѣли для чеховъ и позднѣйшія письма его изъ Россіи, изъ Харькова и Петербурга. Ганка говорилъ о нихъ, что для читателей Часописи они были «лучшимъ

лакомствомъ». Не получая долго отъ Срезневскаго вѣстей, Ганка (24 янв. 1851 г.) съ укоромъ напоминаетъ ему: «Вѣрьте, что не только мнѣ, но и всѣмъ читателямъ Музейника скучно безъ вашихъ писемъ. Кого бы я ни встрѣтилъ, всякій спрашиваетъ, когда получимъ что-нибудь отъ Срез-

Národu nehasnam
 (boku) gazuk žige
 Maži bystros gasnam;
 Ale gako žmige
 Cizota se wige,
 Kde proji city hasnam,
 Bude i slawa žmige.

Na památku pam
 Zmáilku Janowici Sreznewskému

W Praze dne 24 března
 1850

Wáclaw Hanke

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ В. Ганки.

невскаго, — этому мы всегда болѣе всего радуемся»... Такъ какъ Музейникъ (въ 1851 г.) печатался въ количествѣ 3.500 экз., то отсюда видно, какъ много читались въ Чехіи письма русскаго корреспондента Ганки.

Дружескія отношенія Срезневскаго съ Ганкою были прочны съ первыхъ дней знакомства съ нимъ и до послѣднихъ. Покидал Прагу въ январѣ 1841 г., Срезневскій написалъ въ знаменитый альбомъ Ганки слѣдующія строки: «Пятимѣсячное мое пребываніе въ Прагѣ родственно сблизило насъ другъ съ другомъ. Увижу ли васъ, наслажусь ли бесѣдою съ вами еще когда-нибудь, — Богъ знаетъ; но крайней мѣрѣ, навсегда сохраню въ душѣ глубокое уваженіе къ вашимъ заслугамъ и благодарность за расположеніе ваше ко мнѣ, за помощь вашу въ моемъ изученіи вашего прекраснаго чешскаго языка». Только черезъ двадцать лѣтъ довелось старымъ друзьямъ встрѣтиться вновь, и тогда Срезневскій еще разъ въ августѣ 1860 г. написалъ въ альбомѣ Ганки: «Словами я не могу выразить уваженія и признательности моей и всей моей семьи. Увѣрить могу въ одномъ: мы всегда будемъ васъ любить и помнить». Эти искреннія увѣренія повторяются въ письмахъ Измаила Ивановича неоднократно. «Прага и чехи, какъ вы и всѣ, съ которыми свела меня тамъ добрая моя судьбина, останутся для меня всегда милы, незабвенны»...

Срезневскій не только самъ любилъ и почиталъ Ганку, но способствовалъ много популярности имени его въ Россіи. «Чѣмъ кто болѣе васъ знаетъ, тѣмъ болѣе уважаетъ; но уважаютъ и тѣ, которые васъ не знаютъ, знаютъ ваше имя и тѣ, которые ничего другого не знаютъ о Славянствѣ. О своей семьѣ уже не говорю: вы — родной дѣдушка моимъ дѣтямъ»... Въ честь Ганки Срезневскій называетъ второго

сына своего (въ сент. 1849 г.) Вячеславомъ и такъ объ этомъ пишетъ пражскому другу: «Вячеславъ—имя издавна для меня драгоцѣнное. Повторяя имя это, мы не можемъ не желать, чтобы и онъ, нашъ ангелъ, былъ такимъ же, какъ тотъ Вячеславъ, котораго перваго узналъ я. Уже нѣсколько разъ мы называли его и Ганкой, и, вѣроятно, въ семейномъ кругу нашемъ имя Ганки останется за нимъ навсегда». . . . Въ семьѣ Срезневскаго создавался дѣйстви-тельно какой-то «культъ Ганки»,— даже дѣти знали хорошо имя Ганки, произносили его съ благоговѣніемъ и съ гор-достью играли «въ Ганку».

Всякій изъ знакомыхъ, отправлявшійся на воды въ Чехію, неизмѣнно снабжался рекомендаціями къ Вячеславу Вячеславичу. О славистахъ и ученыхъ нечего и говорить.

Когда въ 1855 г. А. О. Гильфердингъ уѣзжалъ въ Чехію съ больнымъ отцомъ, Срезневскій писалъ Ганкѣ: «Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ вами, добрѣйшій Вячеславъ Вячеславичъ, но, вѣрно, лѣта не перемѣняютъ чувствъ, одушевленныхъ прямымъ убѣжде-ніемъ: мнѣ какъ-будто грустно всегда, когда приходится провожать кого-нибудь въ вашу сторону и къ вамъ». . . . И часто въ письмахъ своихъ Срезневскій мысленно пере-селяется «въ благословенную землю потомковъ Крока и трехъ его дочерей», часто на холодномъ сѣверѣ «съ за-вистью» вспоминаетъ «счастливое время», когда онъ стран-ствовалъ по славянскимъ землямъ, часто мечтаетъ о томъ, какъ опять посѣтитъ Прагу и Чехію, повидаетъ старыхъ друзей, насладится ихъ бесѣдами.

Но долго ему не удавалось осуществить эту мечту. Только въ іюнѣ 1860 г. Срезневскій съ семьей изъ Дрез-дена черезъ Будишинъ собрался наконецъ въ Прагу. Но въ

Дрезденѣ до него дошла печальная вѣсть о смерти Шафарики, съ которымъ онъ надѣялся еще побесѣдовать «и о глаголицѣ и о многомъ другомъ».

Съ Ганкою онъ еще разъ повидался, но переписка съ Вячеславомъ Вячеславичемъ прервалась на дрезденскомъ письмѣ отъ 3/15 іюня 1860 г. Въ январѣ 1861 г. не стало и Ганки.

Русскіе друзья почтили его память сочувственными воспоминаніями: А. Н. Пыпинъ, П. А. Лавровскій, П. П. Дубровскій—все они оцѣнили неоспоримыя заслуги Ганки и помянули его добрымъ словомъ, но никто изъ нихъ не почувствовалъ утрату такъ глубоко-сердечно, какъ Срезневскій въ своемъ чтеніи въ засѣданіи II Отдѣленія Академіи 13 января 1861 года.

* * *

Въ началѣ іюня 1840 г. Срезневскій покинулъ Прагу, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь вернуться въ нее. Черезъ Бероунъ, Пльзень, посѣтивши въ недалекихъ Козоѣдахъ «одного изъ лучшихъ новеллистовъ чешскихъ» Индржиха Марка (Jana z Hvězdy), черезъ Клатовы, Страколицы, Водняны, Будѣвицы и Линцъ онъ (по Дунаю) прибылъ въ Вѣну. Въ концѣ іюня онъ уже путешествуетъ по Моравіи, и мы встречаемся съ нимъ въ Бриѣ. Здѣсь, какъ онъ самъ рассказываетъ, — онъ получилъ отъ редактора газеты «Моравіа» Яна Огерала (Ohéral) «много любопытныхъ свѣдѣній» по этнографіи Моравіи и вмѣстѣ съ нимъ совершилъ экскурсію въ недалекій Райградскій монастырь для обследованія кирилловскихъ приписокъ въ латинскомъ мартирологіи IX в. Въ Моравіи Срезневскій знакомится съ моравскими «властителями»: поэтомъ и этнографомъ Фр. Сушиломъ,

Naše služby, naše chleby
 Nechť do vás za pozdravem!

W Zogidck 13/40.

Jan Linda Marek

Jan L. Stvořil

Листокъ на память И. П. Срезневскому отъ И. Марка (Јана з Нвѣзды).

позтомъ-философомъ Фр. М. Клацелемъ, знатокомъ Моравіи Яномъ Іудлемъ, историографомъ моравскимъ Бочкомъ и мн. др. Изъ Брна онъ направляется въ Бржецлаву (Lundenburg), а оттуда къ подлужакамъ (Podlužáci).

Моравское населеніе, какъ сохранившее болѣе самобытныхъ славянскихъ особенностей, чѣмъ чехи, привлекаетъ его вниманіе, и онъ намѣренъ вообще «походить пѣшкомъ по Моравіи». Дѣйствительно, какъ видно изъ отчета министру народнаго просвѣщенія, онъ сдѣлалъ небольшое путешествіе пѣшкомъ въ западные края Моравіи, побывалъ затѣмъ въ Оломуцѣ, гдѣ особенно полезнымъ для него оказалось знакомство съ извѣстнымъ знатокомъ моравской диалектологіи и этнографіи А. В. Шемберой; вмѣстѣ съ нимъ онъ обошелъ «благословенную родину» ганаковъ по р. Ганѣ, вникая въ ихъ нарѣчіе, собирая пѣсни, пословицы и преданія, при чемъ доходилъ на востокъ до селеній валашскихъ (Valašsko).

Простившись въ Оломуцѣ съ мораванами, Срезневскій (17 іюля) повернулъ на сѣверъ, въ Австрійскую Силезію, въ Опаву (Troppau). Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ, какъ и всюду на пути, изучаетъ здѣсь прежде всего народъ и въ результатѣ, по его увѣренію, изучилъ слезаковъ «довольно порядочно», собравши при этомъ не менѣе 50 пѣсней, какъ образчиковъ ихъ нарѣчія.

По прибытіи въ Вратиславль Срезневскій прежде всего посѣщаетъ знаменитаго профессора фізіологіи и искренняго славянофила Яна Ев. Пуркинню, которому рекомендованъ былъ Шафарикомъ и Ганкою. Вратиславскіе студенты-славяне, подъ руководствомъ Пуркини, организовали литературное общество и много занимались славянствомъ. Въ кружкѣ этихъ студентовъ, собиравшихся у Пуркини,

въ бесѣдахъ съ ними и съ своимъ гостепріимнымъ хозяиномъ и въ самостоятельныхъ занятіяхъ Срезневскій проводитъ здѣсь двѣ недѣли; въ то же время онъ готовится къ путешествію «по землѣ Горнихъ и Дольнихъ Вишдовъ» и надѣется «изъ Вратислави сдѣлать нѣсколько путешествій пѣшкомъ по Силезіи Прусской между поляковъ». Онъ изучаетъ нижнелужицкое нарѣчіе у Маркуса, переписываетъ для себя какую-то старую и рѣдкую грамматику нижнелужицкаго нарѣчія и собраніе нижнелужицкихъ пѣсень, обозрѣваетъ замѣчательности бреславльской библіотеки и музея, по вечерамъ ходитъ на берегъ Одры болтать со сплавщиками лѣса изъ Ратибора «по-слезски», осматриваетъ въ окрестностяхъ древнія городища и т. д.

Въ Ополѣ (Oppeln) онъ въ своей собирательской дѣятельности потерпѣлъ неудачу, потому что плохо понималъ слезаковъ, а они не понимали его. «Всѣ мои покушенія о чемъ-нибудь разспросить, подслушать какую-либо пословицу или новое слово, записать пѣсню—оставались какъ раки на ды, — у сѣти были, въ сѣти не попали». Только съ трудомъ ему удалось записать восемь пѣсень въ трактирѣ.

Изъ Легницъ Срезневскій сдѣлалъ прогулку въ Исполиновы горы, «все еще несовсѣмъ нѣмая для славянолюба». На этой онѣмеченной окраинѣ онъ особенно интересуется географіей, топографической номенклатурой, народными преданіями, народной архитектурой, одеждой, образомъ жизни и обычаями жителей.—Въ началѣ сентября Срезневскій прибылъ въ Сгорѣлецъ. Здѣсь онъ работаетъ въ библіотекахъ Ученаго Общества и Миллѣвской, знакомится съ кандидатомъ Смоляромъ, пасторомъ Гауптомъ и совѣтникомъ полиціи Келеромъ, любителями славяно-гер-

манских древностей, и съ извѣстнымъ лужицкимъ литераторомъ П. І. Йорданомъ.

Въ Будишинѣ онъ проводитъ нѣсколько дней, осматриваетъ здѣсь рукописи и рѣдкія книги библіотекъ Ратуши и Герсдорфской, посѣщаетъ окрестныя городища и близкія горы, слушаетъ верхне-лужицкихъ проповѣдниковъ, принимаетъ участіе въ аукціонѣ библіотеки покойнаго Лубенскаго, знакомится съ Клиномъ и др. лужицкими дѣятелями. Изъ Будишина вмѣстѣ съ Смоляромъ Срезневскій пошелъ «писать мыслѣте» по Лужицамъ. Съ такимъ спутникомъ путешествованіе должно было быть особенно плодотворнымъ и увлекательнымъ.

«Надо было» говорить Срезневскій, «и познакомиться съ народомъ лужицко-сербскимъ, до сихъ поръ еще столь мало извѣстнымъ, надо было и обозрѣть городища и могилы, а слѣдовательно нельзя было держаться не только битой дороги, но иногда и тропинокъ». И онъ исколесилъ съ милымъ и свѣдущимъ спутникомъ Лужицкіе края. Только восточная граница Лужицъ осталась непосѣщенной нашими путниками.

Смоляръ привелъ Срезневскаго въ восторгъ. Уже тогда Срезневскій пророчески предвидѣлъ въ немъ крупнаго дѣятеля. «Этого человѣка я остаюсь вѣчнымъ должникомъ и почитателемъ. Это образецъ для называющихъ себя любителями и знатоками народности. Онъ не беретъ на себя многое, хочетъ узнать только свое отечество, оставляя на предбудущее время изученіе другихъ соплеменныхъ народовъ, и узнаетъ не по верхамъ: онъ сдѣлался совершенно народнымъ человѣкомъ; обходитъ страну всюду, какъ свой, какъ давно знакомый, какъ родной, и передаетъ замѣчаемое не памятной книжкѣ, а памяти жизни; живетъ въ

духъ и тѣлѣ своей родной народности, слушая сказку, рассказываетъ другую, танцуя съ поселянкой, напѣваетъ ей забытую ею пѣсню, въ старинномъ обрядѣ не зритель, а исполнитель, — и врагъ всего старого дурного, остается китаецемъ по чувству ко всему старому доброму; словомъ, проникаетъ въ жизнь народа, проникаясь самъ ею. О, если бы каждый европейскій народъ имѣлъ по одному Смоляру на такое количество людей, какое въ Лужицахъ Сербскихъ, и если бы, разумѣется, они имѣли средства давать знать свѣту о своихъ наблюденіяхъ, — иное бы поприще раскрылось для исторіи, для филологіи, для философіи европейской. Завидую сербамъ и радуюсь за нихъ: если и смерть удѣлъ ихъ народности, она не умретъ, по крайней мѣрѣ, не отпѣтою, не умретъ для будущаго. Всегда я любилъ изученіе народности, почиталъ его важнымъ и умѣлъ доказать силлогизмомъ: Смоляръ первый доказалъ мнѣ это жизнію» . . .

Плодомъ занятій Срезневскаго лужицкими сербами явился довольно обширный «Историческій очеркъ сербо-лужицкой литературы» (въ Ж. М. Н. Пр., 1844, ч. 43, отд. II, 26—66), составленный весьма умѣло, съ введеніемъ о древнѣйшихъ судьбахъ лужичанъ и началахъ письменности у нихъ, обнаруживающій большое знакомство съ предметомъ: памятниками старой письменности, рукописными трудами Авр. Френцеля, Андрея Лубенскаго, произведеніями Зейлера и вообще дѣятелей новаго періода, Иордана, Смоляра, Брониша, Маркуса; особенно выдвигаются здѣсь заслуги этихъ дѣятелей по изученію «народности», а о національныхъ стремленіяхъ сербовъ говоритъ Срезневскій съ горячей симпатіей и вѣрой въ будущій расцвѣтъ сербской народности.

Вернувшись из лужицкаго путешествія снова въ Прагу (въ началѣ ноября 1840 года), онъ остается здѣсь до половины января 1841 г. Своей пятимѣсячной поѣздой онъ былъ, повидимому, чрезвычайно доволенъ: ему удалось познакомиться съ цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ, но мало обследованныхъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ славянскихъ областей, матеріаловъ собрано имъ было много, впечатлѣній новыхъ и непосредственныхъ получило обиліе. «Теперь уже я могу исправить Шафарику этнографическую карту Богеміи, Моравіи, Силезіи и Лужицъ», съ гордостью заявлялъ Срезневскій. Даже лужичанинъ Иорданъ пользуется его лексикальными собраніями для своего лужицкаго словаря.

Вторичное пребываніе Срезневскаго въ Прагѣ было непродолжительно, и о его занятіяхъ въ эти два мѣсяца мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Здѣсь онъ снова встрѣтился съ Прейсомъ, съ которымъ его связала искренняя дружба: «товарищъ по трудамъ», онъ сдѣлался его «товарищемъ и въ жизни». Скоро однако друзья опять разстались: 15/27 января Срезневскій выѣхалъ изъ Праги, провожаемый Ганкой, Прейсомъ и Иорданомъ. Черезъ Королевицъ Градецъ и Литомышль онъ возвратился въ Моравію и снова остановился въ Брнѣ, а 23 января онъ былъ уже въ Вѣнѣ.

Первый визитъ здѣсь онъ дѣлаетъ Копитару. Въ теченіе первыхъ дней пребыванія въ Вѣнѣ онъ былъ у Копитара дважды, однако съ нимъ не могъ сойтись ближе. Онъ писалъ Ганкѣ: «Съ нимъ едва ли буду имѣть дѣло... Лучше не подходить, а то смотри и укуси»... «У него хоть есть душа, да не по мнѣ». Очевидно, плохія отношенія Шафарика и Ганки съ Копитаромъ оказали сильное

вліяніе на взглядъ Срезневскаго на вѣнскаго слависта. Зато близко сошелся онъ съ Вукомъ и подъ его руководствомъ въ теченіе мѣсяца старательно готовился къ путешествію по югославянскимъ землямъ.

«Вукъ Стефановичъ», пишетъ Срезневскій Ганкѣ въ январѣ 1841 г., «согласился мнѣ помогать въ изученіи

Стари Вук
милителю
ваше пригласенію
изъ Ману и Варшавы
Срезневскому
свободнымъ пожеланіемъ

Подпись В. С. Караджича на фотографическомъ портретѣ.

сербскаго языка и народа и, кромѣ того, нашелъ мнѣ молодого хорвата, у котораго беру уроки ежедневно». Этимъ вторымъ учителемъ Срезневскаго и помощникомъ Вука былъ Курелацъ (извѣстный впослѣдствіи хорватскій дѣятель), знавшій «сверхъ сербскаго и хорватское нарѣчіе».

Въ концѣ февраля 1841 года Срезневскій пустился изъ Вѣны въ путь на славянскій югъ: черезъ Градецъ Штирійскій, Мариборъ, Птуй, Великую Недѣлю и Ормужъ онъ прибылъ въ Вараждинъ, куда привезъ его Дайнко. Изъ Марибора онъ ѣздилъ съ проф. Пуфомъ, нѣмцемъ, но «душою славяниномъ», говорящимъ по-словенски, въ селеніе Лембахъ къ пастору Цвѣтку, провелъ у него цѣлый день, записывая отъ его служанки штирійскія пѣсни,

учился танцевать по-штирійски и т. д.; посѣтилъ также франгеймскаго священника Цафа, которому преподавъ весьма дѣльный совѣтъ—снабдить свой словарь «словенштирійскаго» народнаго языка этнографическими примѣчаніями, какъ это сдѣлалъ Вукъ въ своемъ словарѣ.

Въ Великой Недѣлѣ онъ посѣтилъ пастора Дайвка, «одного изъ плодovitѣйшихъ писателей штирскихъ». Всюду русскаго ученаго путешественника принимали съ величайшимъ радушіемъ и гостепріимствомъ. На пути онъ дѣлаетъ діалектологическія наблюденія относительно штирійскихъ говоровъ.

Въ области діалектологическихъ студій Срезневскаго на славянскомъ юго-западѣ слѣдуетъ отмѣтить замѣчательную статью его: «О нарѣчіяхъ славянскихъ» (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1841 г., ч. 31, отд. II, 133—164). Основанная на самостоятельно собранномъ матеріалѣ и для своего времени весьма детальная, она даетъ обзоръ границъ древнѣйшей области распространенія словенцевъ, опредѣляетъ подробно современную границу между словенскимъ и нѣмецкимъ народонаселеніемъ въ Каринтіи и Штиріи, трактуетъ о западной границѣ словенцевъ съ фурланами (въ Фріулѣ) и о восточной—хорватской, констатируетъ чрезвычайное разнообразіе мѣстныхъ нарѣчій («почти каждый приходъ отличается отъ другого или выговоромъ нѣкоторыхъ буквъ, или употребленіемъ тѣхъ или другихъ словъ») и даетъ намъ характеристику ихъ. Срезневскій самъ, повидимому, высоко цѣнилъ этотъ трудъ свой. О своей поѣздкѣ онъ писалъ: «Во время путешествія моего по землямъ словенскимъ, я старался, сколько было возможно, и самъ наблюдать и другихъ разспрашивать касательно отличій мѣстныхъ нарѣчій словенскихъ и успѣлъ, какъ мнѣ

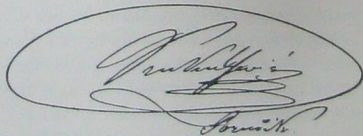
кажется, внести въ свои записки все главное по сему предмету». Но при этомъ онъ задавался лишь задачей общей, осуществимой для него, «старался понять характеристику главныхъ нарѣчій». «Предметъ этотъ, говоритъ Срезневскій, важенъ не только въ чисто-филологическомъ отношеніи, но и для тѣхъ, кои посвящаютъ себя изученію краинской литературы. Каждый писатель писалъ и пишетъ своимъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, думая только о томъ, чтобы не быть страннымъ или непонятнымъ для тѣхъ, кои говорятъ инымъ нарѣчіемъ». Вотъ почему, «кто хочетъ отчетливо понять словенскій языкъ,—тому остается изучать нарѣчія мѣстныя». . . . Эта статья прямо замѣчательна по богатству положенныхъ въ ея основаніе данныхъ, новыхъ діалектологическихъ матеріаловъ и можетъ быть признана первымъ обстоятельнымъ и надежнымъ опытомъ характеристики словенскихъ нарѣчій, первымъ очеркомъ словенской діалектологіи.

Къ половинѣ февраля 1841 г. Срезневскій былъ уже въ Загребѣ. Первое его письмо къ матери отсюда написано 17 февраля, очевидно, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія здѣсь и нѣкоторыхъ наблюденій. Русскаго ученаго «бѣлый Загребъ» встрѣтилъ сердечно и даже восторженно. Имя его было въ ученыхъ и литературныхъ кругахъ Загреба уже извѣстно по письму Шафарика, предупреждавшаго друзей о прибытіи Срезневскаго. Первое посѣщеніе Срезневскимъ Гая сразу ввело его въ кругъ хорватскихъ «родолюбовъ»—«домородцевъ». «Стоило мнѣ сказать, что я русскій и Срезневскій, какъ меня и Гай и другіе, бывшіе у него, давай цѣловать, обнимать», пишетъ Срезневскій матери. Молодой славянскій путникъ съ первыхъ дней своего пребыванія въ Загребѣ былъ въ постоянномъ восхи-

щеніи: онъ восторгается и самимъ городомъ и патриотическимъ настроеніемъ литературной хорватской молодежи, среди коей онъ больше всего вращается, духомъ ея «домородства». Вообще, литературное направленіе въ Загребѣ онъ готовъ «представить за примѣръ» другимъ славянамъ.

Своими первыми загребскими впечатлѣніями онъ подѣлился съ Ганкою въ обширномъ и весьма содержательномъ письмѣ. Онъ перечисляетъ здѣсь длинный рядъ «пово-иллирскихъ» писателей, отводитъ первое мѣсто среди нихъ Вразу, Вукотиновичу, Деметру, Кукульевичу, Раковцу, Штоосу и высказываетъ мнѣніе, что эти писатели, какъ «поэты съ душой», заняли бы почетное мѣсто во всякой литературѣ. Особенно ему нравится Вразъ, «какъ поэтъ,

*Uli čvarstvin kopnom hodis'
 Il nevěrnim morem brodis'
 Uved ostava nama drug.
 Nada mila zora svane!
 Il na zemlju noi kad stane
 Budi: uvijek veselo*

Листокъ на память И. И. Срезневскому отъ И. Кукульевича-Сакцинскаго.

умѣющій понимать духъ народный». Съ нимъ его связуетъ нѣжная дружба, съ нимъ онъ заключаетъ побратимство.

Въ Загребѣ Срезневскій усердно занимается хорватской литературой и пріобрѣтаетъ въ результатъ правильный, хотя едва ли самостоятельный взглядъ на характеръ этой литературы, въ особенности что касается языка, стиля и всѣхъ увлеченій новшествами въ этой области. Какъ и другъ его и наставникъ Вразъ, Срезневскій рѣшительно возстаеъ противъ удаленія хорватскихъ писателей отъ языка народнаго; въ то же время онъ противникъ и того «рагузанизма», съ которымъ боролся и Вразъ, ибо «ни одинъ славянинъ, знающій сербскій языкъ, не можетъ защищать въ дубровчанахъ чистоту языка». . . . Уроки Вразъ въ этихъ сужденіяхъ очевидны и несомнѣны.

Самъ тонкій цѣнитель и знатокъ «народнаго духа», собиратель и издатель народнаго пѣснотворчества, Срезневскій это увлеченіе нашелъ и у Вразъ, и это единство взглядовъ и вкусовъ сблизило сразу молодыхъ людей. Срезневскій находилъ даже, что въ хорватской литературѣ недостаточно обращалось вниманія на изученіе народныхъ нравовъ и обычаевъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Срезневскій вмѣстѣ съ Вразомъ предпринимаетъ непродолжительную поѣздку (съ 20 до 27 февраля) въ близкое Загорье: черезъ Быстрицу въ Крапину, а изъ Крапины черезъ Яковлье обратно въ Загребъ. Во время этой экскурсіи путники посѣщаютъ извѣстныхъ иллирскихъ «родолюбовъ», идутъ въ народъ, сблизаются съ нимъ, интересуются костюмомъ загорскихъ крестьянъ, изучаютъ народные обычаи и особенности кайкавскаго нарѣчія, записываютъ народныя преданія, пѣсни и пр. «Мы таскались», вспоминаетъ Срезнев-

скій, «по горамъ, по развалинамъ замковъ, слушали преданія, записывали пѣсни и пр.».

Срезневскій недолго пробылъ въ Загребѣ. Спустя нѣсколько дней по возвращеніи изъ Загорья онъ вновь отправляется вмѣстѣ съ Вразомъ странствовать въ Крайну, Хорутанію и далѣе въ Венеціанскую область. Поѣздка задумана была Вразомъ, Срезневскій присоединился къ нему въ качествѣ спутника. Все, что занимало Враза, одинаково привлекало вниманіе его русскаго друга, который едва ли могъ рассчитывать найти лучшаго руководителя въ поѣздкѣ по словенскимъ областямъ. Вразъ, какъ собиратель и издатель (1839) народныхъ пѣсень, уже имѣлъ извѣстныя заслуги и опытъ въ этой области такъ же, какъ и его товарищъ.

Изъ Загреба путь ихъ лежалъ въ Карловацъ, оттуда на Метлику къ краинской границѣ; на пути, въ имѣніи гр. Николы Враницани, въ дер. Юровѣ они записываютъ народныя пѣсни и обычаи. «Сегодня утромъ», пишетъ Срезневскій матери 2 апрѣля 1841 г., «забрались мы въ хату одного изъ селянъ и съ помощью «сѣтлыхъ грошей» и кусочковъ сахара успѣли записать много всякой всячины. Дѣтей, дѣвушекъ, старухъ набралась полная хата: одни изъ-за другихъ, прячась другъ за друга, глядѣли они на насъ, и много было съ ними возни, пока у нихъ развязались языки». Путники въ своихъ наблюденіяхъ взаимно дополняютъ другъ друга; Срезневскій видѣное часто невольно сравниваетъ съ русскимъ—костюмами, предметами домашняго обихода, выраженіями и т. п. Собираніемъ пѣсень оба путника занимаются и въ кофейнѣ въ Метликѣ. «Кафеджія, самъ любитель пѣсень, самъ краинецъ, назывъ одѣтыхъ по-праздничному дѣвушекъ и женщинъ, стари-

ковъ, знающихъ преданія: отъ 4 до 9 то и дѣло было, что записывать да рисовать», вспоминаетъ Срезневскій.

Послѣ посѣщенія пограничныхъ Краинскихъ, или Ускоцкихъ горъ, между Самоборомъ и Метликой, путешественники черезъ Ново Мѣсто прибыли (4 апрѣля вечеромъ) въ Люблянѣ. И тутъ Срезневскій, среди научныхъ занятій въ библіотекѣ и изученія краинскаго нарѣчія подъ руководствомъ проф. Метелка, находитъ время съ Вразомъ наблюдать народную жизнь на улицахъ и базарахъ. Въ Люблянѣ Срезневскій знакомится съ Прешерномъ.

Gospodu Tomajlu Sreznješkemu —
v spominj velkiga tedna leta 861

Si slovinškega rodu.
Te ne prafnam kam. zhinu.
Kadar boš prišel do mi.
Sin nemerjorne slave, lave!
Spomin bratov se krog lave. —
D. Prešern

Стихотвореніе Прешерна на память И. И. Срезневскому.

Желая ближе присмотрѣться къ народной жизни во всей ея непосредственности и первобытной чистотѣ, Срезневскій съ Вразомъ по приглашенію мѣстнаго адвоката

д-ра Хорвата отправились въ Крайнъ (Krainburg). Здѣсь онъ впервые слушаетъ краинскую проповѣдь, отсюда съ Вразомъ отправляются «изъ города вонъ подаѣе», заглядываютъ въ сельскій кабачокъ, угощаютъ селянъ виномъ и, сдѣлавши ихъ разговорчивыми, заставляютъ рассказывать сказки, бесѣдовать о ихъ житьѣ-бытьѣ, пѣть пѣсни. «Это была для меня добрая школа: вслушиваясь въ рѣчь селянъ, особенно когда они хотятъ быть понятными, самъ чувствуешь, какъ успѣваешь»...

Для этнографическихъ и діалектологическихъ наблюдений изъ Крайна Срезневскій съ Вразомъ посѣщаетъ еще близкое село Накласть, верстахъ въ 5 отъ Крайна. Однако Срезневскій съ трудомъ могъ понимать мѣстное нарѣчье, и Вразъ съ юморомъ вспоминаетъ, какъ его спутникъ зѣвалъ, слушая селяковъ, и какъ наконецъ въ сердцахъ воскликнулъ: «Ни черта не понимаю!» Уже въ Люблинѣ Срезневскій замѣтилъ, что плохо понимаетъ живую словенскую рѣчь: «... Когда я читаю краинскую книгу, понимаю почти все, развѣ какое-нибудь слово заставитъ задуматься, а слушаю, когда говорятъ, какъ ни слушаю, какъ ни вслушиваюсь, такъ развѣ десятое слово разберу».

Изъ Крайна Срезневскій и Вразъ возвратились въ Люблянѣ. Вразъ разболѣлся и не могъ продолжать путешествіе по намѣченной программѣ. Срезневскій долженъ былъ далѣе странствовать одинъ—въ направленіи на Целовецъ, гдѣ познакомился съ Жупаномъ, Зильскую долину, затѣмъ въ сѣверную Италію, въ Резянскую долину, оттуда въ Горицу и наконецъ Триестъ, гдѣ его поджидалъ Прейсъ.

Матеріалъ, собранный Срезневскимъ въ Рожной и Зильской долинѣ, въ Резіи и др. мѣстахъ, былъ чрезвычайно богатъ, и Вразъ искренно сожалѣлъ потомъ, что не могъ

быть участникомъ этой экскурсіи. Срезневскій, въ свою очередь, огорчился тѣмъ, что съ работой ему приходилось спѣшить и оставлять неподобранными драгоценныя колосья. Онъ писалъ Вразу: «Теперь послѣдній часть жатвы: зерно опадеть, высохнетъ, и вѣтеръ разнесетъ его—прощай тогда навсегда!... Съ жатвой надо поторопиться. Когда станутъ сѣять иное зерно, нельзя будетъ болѣе собирать зерна опавшія». Въ маѣ 1841 г. Срезневскій въ длинномъ письмѣ подѣлился съ Ганкою своими интересными впечатлѣніями и учеными наблюденіями относительно резьянскихъ словенцевъ.

Изъ Резіи черезъ Венцону, Джемону, Тарченко, Чивидале онъ прибылъ въ Горицу, а оттуда черезъ Випаву въ Триестъ.

Путешествіе Срезневскаго съ Прейсомъ по Истріи, славянскія области коей въ то время были весьма мало обследованы, далѣе поѣздки по нѣкоторымъ островамъ Кварнера и далматинскимъ (Кркъ, Хваръ, Корчула), по побережью Далмаціи, экскурсія въ Боку Которскую и Черную Гору дали несомнѣнно множество новыхъ впечатлѣній, но научныя пріобрѣтенія по части юго-славянской этнографіи и діалектологіи не могли быть особенно глубокими. Путешествіе совершалось въ необыкновенно быстромъ темпѣ.

Въ Истріи онъ интересуется какъ истріанскимъ словенскимъ нарѣчіемъ (въ Копрѣ, Куртѣ, Св. Ловречѣ), такъ и хорватскимъ. Въ Куртѣ (Corte d'Isola) при содѣйствіи мѣстнаго молодого священника Паушича, знавшаго хорошо здѣшнее, «все еще краинское» нарѣчіе, Срезневскій записываетъ нѣсколько десятковъ словъ, кое-что объ обычаяхъ и нѣсколько пѣсенъ мѣстнаго населенія. Очевидно, со словъ

этого знатока мѣстнаго «краинскаго» нарѣчія Срезневскій даетъ указаніе: «Краинское нарѣчіе простирается здѣсь до солеварень Пиранскихъ и отъ нихъ долиною на С.-В. до Коціанчича и горъ Чичскихъ». Нарѣчіе хорватское истріанское, — отмѣчаетъ Срезневскій, — всюду перемѣшано съ итальянскими словами и выраженіями: чистѣйшимъ считается то, которымъ говорятъ у Антиньяны, Ловреча, Джемино. Оно вообще можетъ быть причислено къ такъ называемому чакавскому.

Интересны замѣчанія Срезневскаго относительно Пероя, гдѣ онъ открываетъ колонію черногорцевъ, переселившуюся сюда почти за двѣсти лѣтъ, но мало кому изъ этнографовъ извѣстную. Даже Шафарикъ до сообщеній Срезневскаго ничего не зналъ о существованіи этой колоніи. Здѣсь Срезневскій записываетъ пять юнацкихъ пѣсень, изучаетъ обычаи, смотритъ народныя пляски, слушаетъ пѣсни и сравниваетъ ихъ съ пѣснями Качича.

Черезъ Рѣку и Краљевицу Срезневскій съ Прейсомъ переехалъ на о. Кркъ (Veglia). Приставши на островъ у Воца (Vos), они пошли пѣшкомъ въ Омишаль (Castel Muschio), отсюда на другой день пошли пѣшкомъ въ Градь Кркъ (Veglia Città) и остались тутъ два дня, употребивши «одно послѣ обѣда» на прогулку въ монастырь Кошлюнъ (Calsione); отсюда путники переехали на южный берегъ острова, въ Башку. Срезневскій съ Прейсомъ прослушали въ Омишалѣ глаголическую вечерню («пѣніе очень похоже на наше монастырское»), осмотрѣли нѣсколько глаголическихъ рукописей и нѣсколько надписей на церкви и замкѣ, впрочемъ довольно новыхъ; въ библіотекѣ монастыря на о. Кошлюнѣ они нашли только на переплетахъ «глаголическіе отрывки»; ознакомились также и съ глаголическими

надписями въ Башкѣ, очевидно—съ знаменитой надписью
Звонимира въ церкви св. Люціи (Zvonimirova ploša, 1100);
записалъ Срезневскій и нѣкоторыя діалектическія особен-
ности нарѣчія о. Крка.

Керногорская мѣль. Н. Срезневскій.

*Наголовѣ капа и мѣрали, на головѣ. Серъ каппи мѣрали,
и мѣрали мѣрали, и мѣрали мѣрали.*

Рисунокъ И. И. Срезневскаго изъ путевого альбома 1841 г.

Изъ Башки наши путники на лодкѣ переправились въ
Сень, постѣли здѣсь епископа Ожеговича, отправились

загѣмъ въ глубь Военной границы черезъ Брлогъ, Оточащъ, Перушичъ, Госпичъ. Переваливши черезъ Велебитъ, они спустились въ Карлопагъ къ морю, переправились черезъ Морлацкій проливъ (Canale della Morlaccia) на о. Пагъ и дальше двинулись черезъ Привлаку въ Нинъ (Nona) и въ Задаръ, заглянули отсюда на близлежащій о. Углянъ, а потомъ на Бенковацъ, Кистанье, отправились внутрь страны, посѣтили монастырь на р. Керкѣ, гдѣ осмотрѣли нѣкоторые славянскія рукописи, болѣе, повидимому, интересовавшія Прейса.

Путь ихъ шелъ далѣе на Дринишъ, Скрадинъ (Scardona), Шибеникъ, Трогиръ (Trau), Сплѣтъ, потомъ на пароходѣ на о. Хваръ (Lesina), Корчулу (Cuzola), и, наконецъ, они прибыли въ Дубровникъ.

Изъ Боки Которской Срезневскій совершилъ еще поѣздку въ Цетинье, но всего лишь на одинъ день.

«Сдѣлать въ то время такое путешествіе, справедливо замѣчаетъ акад. И. В. Ягичъ, это былъ подвигъ, достойный удивленія и уваженія». Но, несомнѣнно, что эта часть путешествія Срезневскаго была наиболѣе слабою по ученымъ приобрѣтеніямъ: путешествіе имѣло скорѣе характеръ образовательной экскурсіи, совершенной быстро, безъ большихъ, внимательныхъ остановокъ и, слѣдовательно, безъ крупныхъ результатовъ.

Уже 10 августа Срезневскій вернулся изъ далматинскаго путешествія въ кругъ милыхъ хорватскихъ друзей въ Загребъ. Встрѣча Вразъ съ «сѣвернымъ другомъ» произошла совершенно неожиданно. «Я встрѣтился съ нимъ», вспоминалъ онъ, «въ Народной кофейнѣ». Поэтъ, какъ дитя, обрадовался новому свиданію съ Срезневскимъ: «Я подошелъ къ нему сзади, руками закрылъ ему глаза. Онъ

освободить голову, смотреть на меня—и вдруг бросается мнѣ на шею. И начали мы обниматься и цѣловаться, такъ что вся кофейня переполошилась и собралась вокругъ насъ, а мы едва подъ столъ не упали; онъ цѣловать меня такъ что послѣ этого четверть часа кровь у меня изъ губъ шла»...

Все время вторичнаго пребыванія Срезневскаго въ Загребѣ (съ 10 авг. по 15 сент.) друзья проводили вмѣстѣ. Срезневскій продолжаетъ здѣсь свои научныя книжныя работы, но не перестаетъ заниматься и народомъ: съ другомъ Станкомъ онъ ходитъ по базарамъ, изучаетъ народныя обычаи, слушаетъ народныя пѣсни, наблюдаетъ танцы, игры и т. п. О Срезневскомъ вообще съ полнымъ правомъ можно повторить то, что онъ сказалъ какъ-то о Смолярѣ: «Бытуя бытомъ народа, онъ вноситъ на листки своего бумажника все, что только можетъ занять его: и слово, и

G. geist brat Slavjani Slavjan

Johann Kollar

21. 1841
Lettre

выраженіе, и голосъ пѣсни, и народный разсказъ, и игру дѣтей, и принадлежности народного убора, и условія обряда, и снимокъ стараго городища, и гаснущее припоминаніе прошедшаго». . . Все это для него чрезвычайно дорогія данныя! Съ тѣмъ же увлеченіемъ относится къ народнымъ обычаямъ и Вразъ, склонный приравнивать хорватское коло къ играмъ Олимпійскимъ или Элевзинскимъ.

Интересно отмѣтить, что Срезневскій сдѣлался въ эти дни сотрудникомъ иллирской Даницы (1841), напечатавши въ ней описаніе бала въ Крапинѣ въ день именинъ Гая.

Въ половинѣ сентября Срезневскій покинулъ столицу Хорватіи. Прейсъ и Вразъ съ Раковцемъ проводили его до загороднаго епископскаго парка Максимира, и тутъ друзья разстались навсегда, чтобы болѣе уже никогда не встрѣчаться. «Миѣ жаль было», пишетъ Срезневскій матери, «разставаться и съ Загребомъ и съ Кроаціей вообще: въ Загребѣ я оставилъ не только побратима, но и истиннаго друга—Враза. . . Вся прошедшая дѣйствительность сдѣлалась мечтою воспоминанія». . .

Но побратима и друга онъ вспоминаетъ часто въ дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ по Славоніи, распространяетъ его «Джуляби» среди славонскихъ красавицъ «домородкинь», заботясь о славіи поэта. Только съ пріѣздомъ въ Сербію переписка друзей по необходимости на нѣкоторое время прервалась: писать оттуда было затруднительно.

Едва въ ноябрѣ 1841 г. Срезневскій откликнулся изъ Пешта. Во время совмѣстныхъ странствованій и въ частныхъ дружескихъ бесѣдахъ Вразъ имѣлъ случай позна-

комить побратима съ планомъ давно задуманнаго литературно-критическаго журнала. Теперь, на досугѣ, отдыхая отъ балканскаго путешествія въ Пештѣ, Срезневскій обсуждаетъ программу Вразъ и въ обширномъ письмѣ даетъ ему рядъ весьма дѣльных и цѣнныхъ указаній и совѣтовъ. Особенно заботится Срезневскій о томъ, чтобы загребскій журналъ пошелъ по пути примиренія и соглашенія разрозненныхъ братьевъ, сербовъ и хорватовъ. Въ бесѣдахъ съ православными сербами объ иллиризмѣ онъ неоднократно слышалъ осужденія иллирійскому движенію, какъ «исключительно римско-католическому». Долгъ Вразъ своимъ изданіемъ внести миръ и согласіе въ это взбаламученное море неразумныхъ страстей. Срезневскій совѣтуетъ Вразу вступить въ сношенія съ сербами, привлечь ихъ въ ряды сотрудниковъ: «Иллирство не должно уничтожать народное имя, а должно лишь соединить воедино члены одного организма»... Оно должно быть символомъ единства, единенія, а не раздоровъ.

Заботясь объ успѣхѣ моральномъ будущаго органа иллирства, Срезневскій всячески содѣйствуетъ и его матеріальной прочности: онъ собираетъ всюду подписчиковъ для Вразъ; цѣлый рядъ практическихъ совѣтовъ, наставленій касательно группировки матеріала въ каждой отдѣльной книжкѣ, объема ея, разсѣянъ въ письмахъ Срезневскаго Вразу. Въ Вѣнѣ Срезневскій старается привлечь въ число сотрудниковъ Кола и Вука Караджича, самъ при этомъ вмѣстѣ съ Прейсомъ становится въ ряды сотрудниковъ журнала Вразъ уже въ I-ой книжкѣ его.

Возвращаясь въ Россію, Срезневскій еще дважды написалъ Вразу: изъ Прессбурга-Бретиславы (29 марта 1842) и изъ Познаня (16 августа). Вразъ отвѣтилъ какъ бы

прошальнымъ привѣтомъ изъ бѣлаго Загреба, нѣжнымъ письмомъ любящаго друга и послать Срезневскому два маленькихъ стихотворенія (djulabije), въ честь его написан-
ныя въ 1841 и 1842 г.

I	II
Измаилу на брѣгъ двоу дан годъ 1841.	Измаилу на брѣгъ двоу дан годъ 1842.
Мило, љуборогѣ Клиатъ ситни грохотъ И нѣмъ во кѣпѣмъ догазъ Грохотѣ и походъ.	Вѣи ми, проидъ прогрозомъ Лавѣ лапотохѣ О каплинѣ рѣзѣ О минѣи чѣстѣ.
Тебѣ, раде, къ роду Домѣ твѣмъ вѣстѣмъ; Довоу нама двоу Ко вѣсѣ пролѣтна.	А ѣ. братѣ, бѣдѣ Лавѣ на кровѣмъ Рѣкѣ вѣстѣи рѣстѣмъ О Грѣмѣи вѣстѣмъ.
Изъ Лѣмѣмъ.	Изъ Загреба

Стихотворенія С. Вразъ (изъ его письма П. И. Срезневскому).

Прошелъ годъ со времени послѣдняго письма Измаила Ивановича изъ Познани. Срезневскій вернулся въ Харьковъ и, занятый приготовленіями къ новой кафедрѣ, забылъ о своемъ обѣщаніи переписываться съ Вразомъ и загребскими литераторами. Не получая писемъ отъ побратима, Вразъ, которому послѣ отъѣзда Измаила пришлось пережить немало всякихъ огорченій, спѣшить излить свою горестъ далекому другу: «Я ждалъ, страстно ждалъ твоего дорогого для меня отклика, но напрасно! Глубокимъ элегическимъ чувствомъ дышетъ это трогательно-нѣжное обращеніе поэта: «Сѣверъ принесть намъ снѣгъ, рѣки замерзли, а отъ тебя ни отклика, ни слѣда; снѣгъ растаялъ, лѣса зазеленѣли, заплѣли соловьи, но моего украинскаго соловья все нѣтъ и

нѣтъ! Теперь середина лѣта, а тебя все еще нѣтъ. Что дѣлать мнѣ несчастной птицѣ, одинокой и печальной? Не могу придумать ничего иного, какъ на крыльяхъ письма этого перенестись къ тебѣ и явиться у твоего окна. Но прости, дорогой мой, что являюсь къ тебѣ не какъ соловей или веселый жаворонокъ, а какъ кукушка, плачущая и скорбная отъ страданій своихъ»...

Отвѣта изъ Харькова, повидимому, и послѣ этого нѣжнаго изліянія огорченнаго Станка не было. Письмо Вразъ, быть можетъ, и не было послано: мы знаемъ его только въ отрывкѣ. Впослѣдствіи Вразъ съ болью душевною жаловался Ганкѣ на забывшаго его друга: «Дорогой мой побратимъ Измаилъ, кажется, замолкъ для всѣхъ своихъ западныхъ друзей, исключая развѣ васъ одного... Если будете писать Срезневскому, напомните ему о моемъ забытомъ обликѣ и выберите его за грѣхъ забвенія». Добрый Вразъ старается оправдать побратима: «Я не могу сказать, что онъ забылъ о тѣхъ дняхъ, которые провелъ со мною среди прекрасныхъ душъ,—забылъ по неблагодарности, нѣтъ! память его вся утонула въ широкомъ и глубокомъ морѣ настоящаго его счастья и блаженства, о коемъ онъ повѣствуетъ въ письмѣ къ вамъ изъ Петрограда». Когда въ 1848 г. Вразъ снова собирался побывать въ Прагѣ на 500-лѣтнемъ юбилеѣ пражскаго университета, онъ мечталъ вновь о свиданіи съ Срезневскимъ: «Хорошо было бы», писалъ онъ Ганкѣ, «чтобы сюда явился и нашъ Измаилъ... Я хотѣлъ бы видѣть его и обнять, какъ обнимаетъ мать единственнаго сына своего, вернушагося изъ далекаго странствія»... Но желанная встрѣча не состоялась.

Черезъ Славонію (по пути онъ посѣтилъ Фрушкогорскіе монастыри) Срезневскій достигъ къ 1 октября 1841 г.

предѣловъ Сербіи. Путешествіе его по Сербіи продолжалось недолго, но оно было сдѣлано въ весьма благоприятныхъ условіяхъ и дало нашему путнику возможность ознакомиться съ жизнью внутреннихъ частей княжества (на югъ—до Алексинца и Крушевца).

Въ концѣ октября Срезневскій уже вернулся въ предѣлы Австріи и черезъ Земунъ, Новый Садъ и Пештъ, гдѣ встрѣтился съ Колларомъ и Іованомъ Субботичемъ, дѣлая непродолжительныя остановки на пути, къ концу ноября добрался въ послѣдній разъ до Вѣны.

Во время вторичнаго пребыванія въ Вѣнѣ (зимой 1841—1842 г.) Срезневскій снова посѣщаетъ Вука и работаетъ вмѣстѣ съ нимъ. «По вечерамъ», говоритъ онъ, «сходимся то у меня, то у него и ловимъ на удѣ матеріалы для втораго изданія Сербскаго Словаря». Ознакомившись, очевидно, хорошо и съ языкомъ и бытомъ сербскаго народа, онъ теперь является уже помощникомъ и сотрудникомъ Вука. «Часто и у меня запишетъ какое-нибудь слово или выраженіе... Признаюсь, я бы желалъ не оставить его, пока всѣ эти матеріалы не только будутъ собраны, но и приведены въ порядокъ, а то—кто знаетъ!—сегодня онъ живъ, а завтра, не спросясь, придетъ смерть—и поминай какъ звали!... Бесѣды мои съ нимъ не менѣе драгоценны и для меня».

Изъ Вѣны 15 марта 1842 г. Срезневскій выѣзжалъ въ Wiener Neustadt, а оттуда съ профессоромъ военной академіи Фіалкою въ Шопронъ (Oedenburg) и къ окрестнымъ хорватамъ. Къ 19 марта онъ вернулся въ Вѣну и въ тотъ же день отправился (на пароходѣ) въ Бретиславу (Прессбургъ), провожаемый Курецкомъ.

Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ Людевитомъ Штуромъ

и познакомился съ Палковичемъ. Съ Штуромъ онъ познакомился еще лѣтомъ 1840 г. въ Галле. Онъ училъ тогда русскому языку Штура и сообщилъ ему статистическія свѣдѣнія объ Азіатской Россіи, необходимыя для какой-то работы, а Штуръ доставилъ ему потомъ черезъ Прейса жизнеописанія проф. Ролена (Rohlen) и Потта (Pott).

Впослѣдствіи Штуръ обмѣнялся съ Срезневскимъ нѣсколькими письмами: такъ, онъ радостно привѣтствовалъ намѣреніе Срезневскаго издать словенскія народныя повѣсти, рассказы и пѣсни, одобрялъ его намѣреніе присоединить къ изданію разсужденіе объ особенностяхъ словенскихъ говоровъ, ибо, по словамъ Штура, никто другой для этого не имѣлъ ни столько опытности, ни столько матеріаловъ.

Въ Прессбургѣ Срезневскій прожилъ больше мѣсяца, написалъ здѣсь на чешскомъ языкѣ статейку «Několik statistických srovnání A. Rakauského s Markr. Morawským», помѣщенную въ ж. Tatranka (1842, ч. III), ѣздилъ отсюда въ Модру, гдѣ жилъ братъ Штура Карлъ, затѣмъ предпринялъ поѣздку въ Нитру, въ Мадунцу къ Яну Голлому, чехо-словенскому Державину, и, вернувшись въ Бретиславу, познакомился съ М. Годжей. Прощаніе Срезневскаго съ прессбургскою молодежью, сербскою и словенскою, умилавшею его своими высокими идеалами, было душевнымъ и трогательнымъ. Вечеръ онъ провелъ вмѣстѣ съ Людевитомъ Штуромъ и М. Годжей, которые съ нимъ «побратались на жизнь». Вмѣстѣ съ Годжей онъ вернулся въ Пештъ, а отсюда черезъ нѣсколько дней вновь пустился въ длинный путь въ сѣверныя словенскія области и далѣе — на сѣверо-востокъ въ угро-русскіе края (Ун-

гварь, Мукачевь), откуда онъ въѣхалъ затѣмъ въ предѣлы Галицкіе.

Словенскіе друзья съ нѣжными чувствами вспоминали потомъ русскаго путника. «Ахъ, какъ много мы, душа моя, вспоминаемъ тебя!» писалъ ему по отъѣздѣ его Штуръ. «Каждый день ты среди насъ, ибо ты всегда въ рѣчахъ нашихъ. Ты живешь въ нашихъ Татрахъ, словно ты сей-часъ ходишь по нимъ». . . . «Дорогое имя твое непрестанно вспоминаютъ въ Татрахъ съ пламенной любовью». Словенскій поэтъ посвятилъ нашему путешественнику стихотвореніе, въ коемъ вспоминаетъ о томъ, какъ они вмѣстѣ на вершинѣ Криваня пѣли пѣснь воскресенія изъ мертвыхъ цвѣтущимъ словенскимъ долинамъ и размышляли о родинѣ славянства (Nitra, II, 1844, 138: *Ňezabudki Krivánske*. . . *od Šajavskjeho*).

О своей ученой поѣздкѣ по Угорской Руси Срезневскій подробно разсказалъ въ пятомъ донесеніи министру (изъ Кракова отъ 2 авг. 1842 г., Журналъ Мин. Нар. Просв., 1843, ч. 37, отд. IV, стр. 46 и сл.). Въ этнографическихъ вопросахъ Закарпатской Руси онъ разобрался основательно, различалъ «русиновъ по вѣрѣ» и «русиновъ въ полномъ смыслѣ слова», «родныхъ братьевъ малороссіянъ», «одно-кровныхъ дѣтей старой Руси и по народности, и болѣею частью по самымъ воспоминаніямъ», отмѣтивъ въ то же время важность изученія этой вѣтви въ отношеніяхъ филологическомъ и этнографическо-историческомъ.

Въ Мукачевѣ онъ посетилъ епископа Василія Поповича, осмотрѣлъ бібліотеки Епископскую и Семинарскую, рукописи и старопечатныя книги этихъ собраній. Изъ Мукачева Срезневскій думалъ было черезъ Сиготъ и Бескиды направиться въ Буковину, а оттуда повернуть на Львовъ, но

Pennis. Newcymra

Wzrostu i zdrowia
Dziękuję miłemu.

Quercus micropoda.

Na Komi ka wai my m
 Hei pama mody.

Julie parrus
body.

Agrostoides setosa.

Wł. Koma zaskory.

Answers by experts:

not spend very ok.

Piemonte thefle upstane pramene, umenove
byh v Dvornu kralovici ned. 1823. Akci
Machung. mistyjsy sroves v krovie, p. pr.
vystupni p. 4. opad dni ostane. krovie ostat nez,
Dobrovene byh. —

no pamphlets there. I much
pres new things

Abraham Ddymus

1842. *Artemisia latifolia*

Adress. Anton von Schwanb. Oppen
u. 46. b. v. Schwanb.
König von Württemberg

Листоукъ на память И. И. Срезневскому отъ Одынца.

измѣнить затѣмъ свой планъ и проѣхать прямо въ Галичину, на Стрый и Львовъ.

Во Львовѣ онъ обозрѣваетъ библіотеки Оссолинскихъ и униатскаго монастыря св. Василя, заключаетъ знакомство съ Д. Зубрицкимъ, Як. Ѳ. Головацкимъ, И. Вагилевичемъ, пользуется ихъ рукописями и указаніями по части галицко-русской діалектологіи и т. п.

О своемъ путешествіи по карпатскимъ словенскимъ и русскимъ областямъ Срезневскій вспоминалъ съ удовольствіемъ и чувствомъ полного удовлетворенія учеными результатами поѣздки. Въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ онъ говоритъ: «Въ путешествіи моемъ я былъ очень счастливъ: мое собраніе народныхъ идиотизмовъ и описаній всего, что касается народной жизни и быта, если не богато, то по крайней мѣрѣ не бѣдно: всюду находилъ я помощь. Особенное вниманіе обратилъ я на нарѣчія и народности словаковъ: подъ Татрами и Бескидами наблюдатель находить еще такъ много новаго и любопытнаго, что могъ бы остаться тамъ на два, на три года, и все бы еще не вычерпалъ рудника сокровищъ, неоцѣнимыхъ для филолога, этнографа, историка».

Руси Угорской Срезневскій впоследствии (1851) посвятилъ особую статью, въ которой онъ далъ первый въ русской литературѣ научный, основанный на самостоятельномъ знакомствѣ обзоръ страны и русскаго народа въ Закарпатъѣ, коснулся историческихъ судьбъ этой части русской земли, представилъ характеристику угорскаго нарѣчія, изъ своихъ богатыхъ собраній далъ образцы народной словесности и въ заключеніе отмѣтилъ важнѣйшіе факты угро-русской письменности. Превосходнымъ трудомъ его по изученію географіи и этнографіи Словачины и Угорской

Руси является и карта, составленная имъ вмѣстѣ съ И. М. Геденовымъ въ 1849 году (Карта Венгріи, Галиціи и прилежащихъ къ нимъ земель).

*
* *
*

Въ октябрѣ 1842 г. Срезневскій открылъ свои чтенія въ Харьковскомъ университетѣ вступительной лекціей, въ которой далъ отвѣтъ на вопросъ: «Какъ дошли до мысли, что должно изучать Славянство, и въ самомъ ли дѣлѣ должно изучать Славянство?» Лекція эта, написанная съ большимъ подъемомъ чувства и глубокимъ убѣжденіемъ въ важности задачъ славянской филологіи для науки русской, должна была произвести на слушателей сильное впечатлѣніе. Новый предметъ естественно требовалъ для себя отъ впервые вступавшаго на новосозданную кафедру профессора извѣстной «рекомендаціи», и Срезневскій далъ блестящій отзывъ о новой наукѣ, преподавать которую ему предстояло. Онъ долженъ былъ выступить съ защитой права этой науки на существованіе, доказать права ея на жизнь и развитіе тѣмъ, кто тогда не вѣрилъ въ жизненность ея, кто отрицалъ самый смыслъ и значеніе изученій славянства для науки русской. Мастерски и съ глубокимъ проникновеніемъ въ характеръ и основы западно-славянскаго возрожденія, явленія весьма сложнаго, Срезневскій раскрываетъ одинъ изъ факторовъ, создавшихъ быстрый ростъ и развитіе его. «Еще недавно», говоритъ онъ, «о славянахъ или вовсе молчали, или говорили будто о племени далекомъ или недостойномъ вниманія», и вдругъ «вопросъ о славянствѣ сталъ вопросомъ европейскимъ, не вопросомъ моды на нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, а предметомъ глу-

бокаго размышленія и изученія». «Народность и древность славянъ, ихъ исторія и географія, ихъ умъ и языкъ, ихъ литература и музыка—все, къ чему только можно приложить имя славянское, все привлекло къ себѣ вниманіе». Создались и создаются въ университетахъ русскихъ и западно-европейскихъ (Парижъ, Бреславль) спеціальныя кафедръ для изученія славянства. Такой неожиданный поворотъ совершился потому, что славяне проснулись отъ своего тяжелаго сна и заставили всѣхъ оглянуться на себя. Но, чтобы это пробужденіе было возможно, надо было, чтобы народность какого-нибудь изъ славянскихъ народовъ, хоть безсознательно, но сильно дала знать о себѣ и возбудила къ себѣ сочувствіе одноплеменниковъ; пужно было, чтобы въ то же время большая часть одноплеменныхъ народовъ уже приготовилась повять свое одноплеменничество. Это было,—и выполнить это досталось на долю русскаго народа. Историческій рокъ привелъ Россію къ сближенію съ славянствомъ, вольному и невольному, и это соприкосновеніе съ нимъ имѣло великое значеніе какъ для народа русскаго, такъ и для прочаго славянства.

Отечественная война пробудила во всей массѣ русскаго народа чувство народности, она же способствовала пробужденію этого чувства и у славянъ западныхъ, даже въ болѣе сильной степени, чѣмъ у русскихъ. «1812 годъ былъ первымъ великимъ днемъ весны русской, оживившей всю славянскую природу». Уже самое существованіе великой родственной и свободной силы укрѣпляло духъ и ободряло славянство, давало опору его національнымъ стремленіямъ. «Русскіе такіе же славяне, какъ и мы, и такъ сильны своею народностью, нашей общей народностью, а мы, ихъ братья, только въ сельской глуши можемъ говорить нашимъ

языкомъ». . . И славяне обращаютъ взоры свои на русскихъ. Отмѣтивъ заслуги виднѣйшихъ дѣятелей славянскаго возрожденія, привлечшихъ вниманіе къ славянству всей Европы, Срезневскій далѣ весьма подробно развиваетъ основанія, почему намъ надлежитъ изучать славянство. «Мы должны любить славянство во всемъ его объемѣ, потому что мы славяне; безъ этого мы не можемъ имѣть истинной любви, истиннаго уваженія къ самимъ себѣ: это долгъ нравственности, прямой нашъ человѣческій долгъ, долгъ любви родного къ родному, брата къ брату». Это первый его тезисъ, вытекающій болѣе изъ вѣрной сердца, чѣмъ разума. Но онъ останавливается и на другихъ, болѣе вѣскихъ и убѣдительныхъ доказательствахъ важности изученія славянскаго міра, на причинахъ частныхъ—славянскихъ и на причинахъ общаго характера, не съ точки зрѣнія славянской.

Вступительная лекція Срезневскаго, какъ свидѣлствуютъ современники, имѣла большой успѣхъ. Молодой профессоръ съ трепетомъ вступалъ на кафедру въ родномъ университетѣ. «Когда я вошелъ на кафедру», вспоминалъ онъ, «сердце у меня билось, голосъ дрожалъ, съ четверть часа я говорилъ, какъ будто осужденный къ наказанію преступникъ, которому позволено оправдываться—и нечѣмъ. За пять лѣтъ, когда я вступалъ на кафедру статистики, было вовсе не то» . . .

Опасенія лектора оказались однако напрасными. «Я не ожидалъ», писалъ Срезневскій Ганкѣ, «что на мое чтеніе обратятъ такое вниманіе, какое обратили: назначенная зала была мала для всѣхъ посѣтителей, и ихъ перевели въ другую, и та набилась биткомъ; не только студенты пришли меня слушать, но и много профессоровъ и немало

посторонних частных лиц; послѣ чтенія профессора благодарили, какъ показалось, съ участіемъ, а другіе изъ посѣтителей пріѣзжали знакомиться». Объ этомъ же общемъ вниманіи къ лектору и его чтенію рассказываетъ и современникъ, свидѣтель перваго успѣха Срезневскаго на новой кафедрѣ: «Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго критическаго, не лишеннаго юмора и проны, — все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ, все это было такъ своеобразно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской кафедрѣ».

Но естественная робость перваго дебюта прошла, и чтенія пошли далѣе вполне правильнымъ и спокойнымъ ходомъ. Срезневскій читалъ шесть часовъ въ недѣлю: студентамъ первогоднимъ два часа, а второгоднимъ четыре; изъ этихъ четырехъ часовъ одинъ удѣлялся для чтенія образцовъ славянскихъ нарѣчій. Студентамъ первогоднимъ читалось Энциклопедическое введеніе въ изученіе славянства, столь необходимое для начинающихъ изучать славянский міръ, при чемъ тутъ давались очерки исторіи, географіи, этнографіи, характеристики нарѣчій, народной словесности и письменной литературы. Всѣ эти очерки, конечно, были кратки по необходимости, и только кака-нибудь одна часть излагалась подробно. Специальные курсы посвящались поочередно западнымъ славянамъ южной и сѣверной отрасли: ихъ древностямъ, исторіи, литературѣ, объяснялись сербскія народныя историческія пѣсни, памятники дубровницкой литературы и т. д. Слушателей въ первый годъ было у Срезневскаго «мало болѣе 40 человѣкъ». Во второмъ (1844) году чтеній при заня-

тіяхъ чешской литературой онъ объяснялъ студентамъ Краледворскую рукопись и «Дочь Славы» Коллара. «Къ сожалѣнію», пишетъ онъ Ганкѣ, «не на многомъ могъ я остановиться съ подробностью, иное даже долженъ былъ пройти мелькомъ, потому что надобно было, кромѣ чеховъ и словаковъ, помнить и поляковъ и бѣдненькихъ сербовъ лужицкихъ и покойниковъ балтійскихъ славянъ, обращающае вниманіе и на древности и исторію, и на нарѣчія»... По свидѣтельству самого Измаила Ивановича, чтенія его по древностямъ западныхъ славянъ особеннаго успѣха не имѣли, — студенты были къ нимъ «равнодушны», если это только непосредственно не касалось «нашихъ польско-русскихъ древностей». «Къ современному» въ славянствѣ слушатели тоже были глухи. «На народности обращаютъ вниманіе, кажется, потому болѣе, что у насъ народности теперь въ модѣ». Не смотря на нѣкоторый пессимизмъ, Срезневскій все-таки выражалъ надежду, что «у насъ изученіе славянства станетъ почти наравнѣ съ изученіемъ Востока: немногіе посвящаютъ себя ревностно, другіе останутся при общихъ мѣстахъ».

Обладая богатыми матеріалами по славянской этнографіи и діалектологіи и преподавая эти предметы въ университетѣ, Срезневскій по предложенію Прейса взялъ на себя трудъ разбора «Народописи» Шафарика. Еще до отъѣзда за границу онъ получилъ отъ Сербиновича въ Петербургѣ этнографическую карту Австрійской имперіи, составленную Шафарикомъ, и тогда же снялъ съ нея для себя копію. Въ Прагѣ онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ работой Шафарика и слѣдилъ за ходомъ ея съ непрестаннымъ вниманіемъ, охотно дѣлясь съ нимъ въ письмахъ къ нему и къ Ганкѣ своими пріобрѣтеніями. Съ

нетерпѣніемъ ожидалъ онъ выхода въ свѣтъ книги Шафарика. Изъ Бретиславы, собираясь уже домой, Срезневскій писалъ ему (3—15 апр. 1842 г.): «Наконецъ изъ объ-
явленія, вами присланнаго Штуру, я могъ подробно узнать о книгѣ, вами издаваемой, и сердечно порадоваться ея изданію. Всѣ мы чувствуемъ ея необходимость и будемъ умѣть цѣнить какъ ее, такъ и трудъ, котораго она вамъ стоила. Тѣмъ болѣе могу сожалѣть, что не могъ быть въ Прагѣ: можетъ быть, вы бы нашли между моими записками хоть что-нибудь, что бы было вамъ хоть сколько-нибудь полезно». Тогда же онъ послалъ Шафарика деньги за пять экземпляровъ «Народописи» и просилъ по выходѣ выслать ему книги во Львовъ.

Статья Срезневскаго появилась въ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1843 г. Свой блестящій критическій разборъ «Народописи» онъ началъ похвалою «великану современной славянской учености», привлекающему къ себѣ общее расположеніе и любовь и своимъ нравственнымъ величіемъ. По мнѣнію Срезневскаго, между «Народописью» и болѣе раннимъ трудомъ Шафарика—«Исторіей славянскаго языка и литературы» (1826) существуетъ извѣстная генетическая связь: «Народопись» возникла изъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ для первой работы. Содержаніе обѣихъ почти одно и то же, только цѣль изданія была различна и, сообразно съ этою цѣлью, измѣнился объемъ статей. Въ первой мы имѣли трудъ филолога-литератора, въ «Народописи» предъ нами филологъ-географъ; тамъ были въ виду болѣе ученые и литераторы, тутъ—болѣе общая публика. По достоинству, по важности ученой и практической первое сочиненіе Срезневскій находилъ гораздо выше втораго. Онъ желалъ бы видѣть въ «Народописи» кое-что

иначе, чѣмъ оно было: такъ, по его мнѣнію, требовала бы исправленій характеристика нарѣчій; кое въ чемъ слѣдовало бы дополнить и очерки литературы, особенно великорусской, и кое-что въ нихъ можно бы и сократить; для того, чтобы книга не напрасно называлась «Народоописаніемъ», слѣдовало бы внести въ нее хоть небольшую статью о правахъ и обычаяхъ славянъ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ всякаго народоописанія.

Отмѣтивши въ первой части своей статьи недостатки предложеннаго Шафарикомъ дѣленія славянъ на отрасли по характеру нарѣчій, Срезневскій совѣтовалъ принять дѣленіе только историко-географическое; далѣе, онъ предложилъ свою систему дѣленія славянскихъ нарѣчій, отвергнувши дѣленіе Шафарика, и, наконецъ, въ третьей главѣ своего разбора остановился на географической части «Народописи», по отзыву его, — наилучшей части книги. Замѣчанія Срезневскаго были весьма цѣнны и обнаруживали большія познанія его въ той области славяновѣдѣнія, которая едва только начинала разрабатываться.

Условія жизни и ученой работы въ Харьковѣ, видимо, не удовлетворяли молодого ученаго, жаждавшаго широкой дѣятельности и между тѣмъ лишеннаго самыхъ насущныхъ условій для развитія ея: университетская бібліотека по славяновѣдѣнію была бѣдна, никакихъ рукописныхъ славянскихъ собраній здѣсь не имѣлось; приходилось довольствоваться книгами и матеріалами, вывезенными въ изобиліи изъ трехлѣтняго путешествія, но этого было, конечно, мало. Харьковъ не могъ и въ будущемъ сулить ничего лучшаго. Срезневскій начинаетъ думать объ уходѣ изъ Харькова, хотя бы только на время. Къ тому же въ научномъ отношеніи онъ чувствовалъ себя здѣсь совер-

шенно одинокимъ. Посылая (въ октябрѣ 1846 г.) Бодянскому нѣкоторыя свои работы, онъ проситъ его быть цензоромъ ихъ и судьею, исправить въ нихъ ошибки и промахи: «Пиши я въ Прагѣ, я бы показывать Шафарику, а въ Россіи надобно поневолѣ обходиться и безъ Шафарика, и все-таки, насколько можно, я не позволю себѣ надѣяться на самого себя, особенно въ Харьковѣ, гдѣ я одинъ занимаюсь славянствомъ, гдѣ не съ кѣмъ дѣлать мнѣ бесѣды о славянахъ». Рѣшившись, «послѣ борьбы съ самимъ собою и разсуждений съ родными», хлопотать о кафедрѣ, оставшейся въ Петербургѣ вакантною за смертью Прейса, Срезневскій обращается къ Ганкѣ съ просьбой о поддержкѣ его кандидатуры передъ гр. Уваровымъ. «Примите участіе, добрый другъ, напишите министру. Напишите, какъ вамъ скажетъ ваше сердце, ваша память обо мнѣ. Если бы мнѣ удалось хоть на два, на три года переселиться въ Петербургъ, то это бы подвинуло меня далеко въ наукѣ». . . Въ Харьковѣ онъ страдаетъ отъ досаднаго недостатка средствъ «для должнаго усовершенствованія себя въ наукѣ»: «пособій не только рукописныхъ или старопечатныхъ, но даже и новыхъ печатныхъ нѣтъ почти никакихъ, кромѣ того, что принадлежитъ мнѣ лично». Университетская бібліотека славянскимъ отдѣломъ оказалась несравненно бѣднѣе собственной бібліотеки Срезневскаго, потому что до него никто здѣсь славянствомъ не занимался. «Ни одного труда не могу окончить удовлетворительно, потому что для окончанія нужна полнота, а ее ожидать и даже желать было бы странно. При томъ, сокровища бібліотекъ петербургскихъ до сихъ поръ остаются мнѣ извѣстны немногимъ больше, какъ и всякому, кто знакомъ съ нашей филологической печатной литературой: я

не былъ еще въ Петербургѣ съ цѣлью ихъ изученія». . . . Это незнакомство съ памятниками древней славянской письменности русскихъ книгохранилищъ было весьма важнымъ препятствіемъ для успѣшной работы Срезневскаго надъ словаремъ древне-русскаго языка, его грамматикой и т. д. «По всему этому я не могъ не желать всею душою переселиться въ Петербургъ хоть на время, чтобы посвятить всего себя изученію источниковъ». Обращеніе Срезневскаго къ Ганкѣ, пользовавшемуся большимъ расположеніемъ С. С. Уварова, за поддержкой его ученыхъ плановъ было естественнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ганка успѣшно хлопоталъ предъ министромъ о продленіи Срезневскому срока путешествія по славянскимъ землямъ. Писалъ ли Ганка Уварову по поводу настоящей просьбы своего друга, мы не знаемъ. Какъ бы то ни было, она встрѣчена была благосклонно и увѣчалась успѣхомъ.

Переѣздъ Срезневскаго изъ Харькова въ Петербургъ въ концѣ декабря 1846 года на кафедру, опустѣвшую со смертію Прейса, имѣлъ, несомнѣнно, большое вліяніе на характеръ дальнѣйшей ученой работы его. Послѣдствіемъ его, по мнѣнію акад. И. В. Ягича, былъ рѣзкій поворотъ въ цѣломъ направленіи его дѣятельности: «Изъ бывшаго до тѣхъ поръ этнографа, любителя народной поэзіи съ широкимъ фономъ бытовыхъ особенностей, вышелъ мало-по-малу литературный антикварь, любитель памятниковъ древней письменности и русско-славянской старины вообще». Эту метаморфозу акад. Ягичъ приписываетъ авторитетному вліянію Востокова, прославившагося какъ разъ въ это время своими образцовыми трудами (Описаніемъ рукописей Румянцовскаго Музея и изданіемъ Остромирова Евангелія.). Дока Срезневскій, путешествуя по славянскимъ землямъ и

послѣ возвращенія въ Харьковъ, продолжалъ интимную переписку съ Ганкой и Погодинымъ, онъ будто бы не былъ въ состояніи вырваться изъ этого заколдованнаго круга этнографическихъ интересовъ. Едва ли это мнѣніе справедливо. Интересы Срезневскаго въ годы путешествія, какъ мы могли убѣдиться, нельзя назвать исключительно этнографическими. Непосредственное знакомство съ славянскимъ міромъ «собственной наглядкой» (по выраженію Срезневскаго), было не только желательно, но и неизбежно необходимо: вѣдь до появленія Народописи Шафарика (1842) свѣдѣнія о славянствѣ въ цѣломъ были чрезвычайно скудны, несистематизированы, и самъ Шафарикъ многимъ обязанъ былъ въ своей знаменитой книжкѣ нашимъ славянскимъ путешественникамъ.

Срезневскій въ путешествіяхъ своихъ удѣлялъ много вниманія и труда чисто лингвистическимъ изученіямъ, — практическому изученію и обслѣдованію славянскихъ языковъ въ ихъ разнообразѣйшихъ и многочисленныхъ отѣнкахъ — нарѣчіяхъ и говорахъ, и мы знаемъ, что въ области діалектологіи словенской и сербо-хорватской онъ обнаружилъ основательныя и самостоятельно пріобрѣтенныя познанія. Для точныхъ діалектологическихъ записей Срезневскій намѣренъ былъ составить «стройную азбуку для всѣхъ народныхъ мѣстныхъ славянскихъ нарѣчій», находи, что если мы факсимилируемъ рукописи, то тѣмъ важнѣе «факсимировать мѣстные нарѣчія». Специалистомъ и знатокомъ въ этой области считалъ его Прейсъ, близко знакомый съ результатами трудовъ Измаила Ивановича. «Изъ всѣхъ славистовъ, не исключая и Шафарика», писалъ онъ ему, «только вы можете говорить о діалектахъ славянскихъ и съ полнымъ знаніемъ дѣла; я и въ подметки не

гожусь вамъ въ этомъ дѣлѣ». При этомъ однако Срезневскій не упускаетъ никогда изъ виду и памятниковъ языка, знакомясь по нимъ съ исторіей его. Въ Харьковѣ съ первыхъ моментовъ своей преподавательской дѣятельности онъ интересуется памятниками древней русской письменности, старо-славянскимъ переводомъ Свящ. Писанія, собираетъ матеріалъ для «Историческаго лексикона старо-рускаго языка», задумываетъ и Старорусскую грамматику, составляетъ болгарскій словарь, въ 1848 г. собирается его переписывать (рукопись отъ прибавокъ была перемарана) и надѣется когда-нибудь издать его («тогда, надѣюсь, сама собою распадется мечта нѣкоторыхъ ученыхъ, что болгарское нарѣчіе есть то же, что старославянское»), готовитъ географію западнаго славянства, составляетъ богатый данными «Очеркъ книгопечатанія въ Болгаріи» (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1846, ч. 51), гдѣ привѣтствуетъ зачатки новой болгарской литературы и стремленіе болгаръ «выйти на стезю образованности» и т. д. Интересы его вообще были широки и разнообразны, ученые планы и начинанія его росли естественно съ развитіемъ его преподавательской дѣятельности.

Такъ, съ первыхъ шаговъ ея онъ задумываетъ весьма важное для профессора-слависта изданіе. Въ виду того, что для практическихъ занятій славянскими языками не было никакихъ пособій, Срезневскій вырабатываетъ планъ особой хрестоматіи съ образцами всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Книга предполагалась большая и широко была задумана. «Посоветуйте», просилъ онъ Ганку, «что выбрать изъ старочешкаго, листа на три печатныхъ. Можетъ быть, кое-что можете сообщить изъ непечатаннаго. Я долженъ впрочемъ замѣтить, что для меня не такъ важно содержаніе,

какъ языкъ, особенность языка». Этимъ изданіемъ онъ какъ бы собирался осуществить часть той работы, которую рекомендовалъ выполнить первымъ русскимъ профессорамъ-славяновѣдамъ Шафарикъ. Бодянскому, Прейсу и Срезневскому онъ совѣтовалъ взяться за составленіе учебныхъ книгъ для славянскихъ кафедръ: сравнительной грамматики, хрестоматіи, исторіи литературъ славянскихъ, антологіи славянской изъ народныхъ пѣсень и т. д. «Если эти книги не будутъ составлены профессорами славянской литературы, кому ихъ составлять?» убѣждалъ Шафарикъ Бодянского. Правда, планъ Срезневскаго не осуществился, но, можетъ быть, отчасти не по его винѣ: помощь въ этомъ дѣлѣ славянскихъ ученыхъ друзей была крайне важна, — безъ нея нельзя было выполнить задачу такъ широко, какъ ее поставилъ себѣ Срезневскій, а получить изъ славянскихъ центровъ все необходимое для этого изданія было нелегко. Впослѣдствіи (1853) поэтому Срезневскій возлагаетъ трудъ изданія всеславянской хрестоматіи на Ганку: «Какъ бы что ни дѣлалось вокругъ насъ славянъ, а намъ, для пользы нашей науки историко-филологической, необходимо изученіе нарѣчій и литературныхъ богатствъ каждаго изъ нихъ. Нужна, слѣдовательно, и книга, въ которой бы хоть въ небольшомъ числѣ собраны были красоты (*les beautés*) нашей литературы, хоть одной поэтической. Что если бы или вы сами или съ помощью кого-нибудь изъ вашихъ учениковъ сдѣлали бы такой сборникъ, въ которомъ бы каждому изъ славянскихъ нарѣчій посвященъ былъ особый отдѣлъ выписокъ изъ лучшихъ ихъ писателей (листовъ 30, въ концѣ словарь, съ литературными введеніями)?»

Знакомство съ новыми славянскими литературными журналами, народившимися въ началѣ сороковыхъ годовъ,

вызываетъ въ Срезневскомъ желаніе приступить (съ 1843 г.) при участіи Бодянскаго къ изданію учено-литературнаго журнала, который въ своихъ двухъ главныхъ частяхъ долженъ былъ «знакомить западныхъ славянъ съ ходомъ словесности русской и русскихъ съ ходомъ словесности славянъ на западѣ», давая литературныя обозрѣнія, библиографическія статьи, выдержки изъ лучшихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, въ подлинникѣ и въ дословномъ переводѣ на русское литературное нарѣчіе или на одно изъ другихъ славянскихъ нарѣчій, переписку и выписки о послѣднихъ новостяхъ и ожиданіяхъ и т. п. Вообще, въ «Новостяхъ словесности русской и ино-славянской» (какъ называетъ Срезневскій предполагаемое изданіе) должно было быть обращено вниманіе на то, «что или по духу или по содержанію можетъ быть названо народнымъ славянскимъ».

Ганка (въ письмѣ отъ 15 апр. 1843 г.) вполне одобрилъ мысль Срезневскаго по существу его программы. «Она словно взята изъ моей головы», писалъ онъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему. Умный и практичный, онъ находилъ только Харьковъ весьма мало подходящимъ для такого изданія, «но тѣмъ больше будетъ ваша заслуга», ободрялъ онъ Срезневскаго, «ибо я не сомнѣваюсь, что вы одолѣете всѣ затрудненія, и не Харьковъ васъ, а вы Харьковъ прославите... За дѣло! Это будетъ неоцѣнимая польза для всего славянства. Наяву увидать внуки, что не снилося отцамъ!» Въ качествѣ соиздателя Бодянскій предлагалъ пригласить еще и Прейса, но Срезневскій, ближе знавшій его, сомнѣвался сильно въ томъ, захочетъ ли Прейсъ издавать такой журналъ, быть его отвѣтственнымъ и редакторомъ и продавцомъ; но въ сочувствіи его изданію, поддержкѣ

его своимъ участіемъ, въ помощи совѣтами и дѣломъ сомнѣній быть не могло.

Серьезное и сложное дѣло опять не могло осуществиться безъ поддержки славянскихъ друзей, на сотрудничество коихъ редакторы, очевидно, рассчитывали. Шафарикъ, ознакомившись съ проектомъ Срезневскаго, отвѣтилъ: «Мысль одобряю, но совѣтовать бы не спѣшить. Бодянский тоже помышляетъ о журналѣ. Пановъ тоже. Дѣло имѣетъ свои трудности. Относительно полученія литературныхъ новостей изъ западно-славянскихъ земель сами отлично знаете, какое это трудное дѣло при такой отдаленности и при иныхъ неудобствахъ. Для такого журнала вамъ всемо надо бы соединиться, и можетъ быть ему было бы всего лучше выходить въ Москвѣ или въ Петербургѣ». Шафарикъ полагалъ, что Срезневскій могъ бы издавать свои собранія и въ другой формѣ, тоже періодически, въ родѣ «Очерковъ Россіи» Пассека, и назвать ихъ, напр. «Очерками Славянства». Срезневскій для такихъ очерковъ обладаетъ множествомъ и знаній и матеріаловъ. Въ сожалѣнію, все это были только одни планы и проекты!

Съ 50-ыхъ годовъ, съ основаніемъ «Извѣстій Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности», Срезневскій сталъ помѣщать въ нихъ многочисленныя рецензіи и замѣтки о славянскихъ книгахъ, всегда чрезвычайно основательныя, изобличающія знатока и специалиста, на рѣдкость освѣдомленнаго, доброжелательнаго къ молодымъ славянскимъ побѣгамъ, зачастую дѣлившагося здѣсь съ читателемъ личными наблюденіями и богатыми матеріалами. Срезневскій привлекалъ къ участію въ Извѣстіяхъ много славянскихъ сотрудниковъ, напр.: Шафарика, В. Карджича, Н. Герова, Ф.л. Ценову, Верковича, Палаузова,

и создалъ изъ этого академическаго изданія первый органъ нашей юной славянской филологіи.

* * *

Славянство Срезневскій полюбилъ со всѣмъ увлеченіемъ романтика-народолюбца и съ юношескимъ жаромъ служилъ наукѣ славянской до конца. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ обращается къ брату, который, повидимому, не раздѣлялъ его славянскихъ восторговъ, съ слѣдующими словами укора: «И ты, душа моя, братъ, полюбилъ бы ихъ (славянъ), какъ они того стоятъ, и ты бы принялъ сердечное участіе въ ихъ пробужденіи отъ сна, если бы узналъ ихъ...» И онъ рисуетъ планъ, издавна его занимающій, какъ они съ матушкой втроемъ прокатятся «изъ Россіи въ Варшаву, оттуда въ Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, потомъ въ Вѣну, потомъ въ Пестъ, Лембергъ и домой», какъ онъ при этомъ былъ бы проводникомъ и информаторомъ, особенно по части славянской.

Въ маѣ 1841 г., по поводу возбужденнаго ходатайства о продленіи командировки, онъ писалъ Ганкѣ: «Возвратиться домой я уже не могу не желать: хочется увидѣть и родину, и родныхъ, но славяне, знаніе ихъ для меня такъ же дороги, а годъ уже не сдѣлаетъ большой разницы. Тѣмъ съ большей радостью возвращусь домой послѣ...» Славянство увлекало его все сильнѣй и сильнѣй, по мѣрѣ того какъ онъ больше и глубже знакомился съ нимъ. Сдѣлавшись профессоромъ, онъ усердно насаждаетъ среди своихъ слушателей знаніе славянства, и всякій успѣхъ науки въ этой области, даже всякое проявленіе вниманія къ славяновѣдѣнію наполняетъ его радостью.

Когда въ апрѣлѣ 1844 г. издано было новое положеніе объ ученыхъ степеняхъ, Срезневскій успѣшилъ подѣлиться съ Ганкою вѣстью о томъ, что съ этого времени будутъ у насъ не только магистры славянской словесности, но и доктора славяно-русской филологіи. «Царь нашъ первый ввелъ славянство въ разрядъ наукъ высшаго преподаванія, и вотъ опять первый вводитъ его въ разрядъ тѣхъ перво-классныхъ наукъ, которыхъ знаніе даетъ любителямъ наукъ ученые привилегіи. . . . Нельзя также тутъ не замѣтить, что по тому же положенію знаніе русской словесности не считается достаточнымъ ни для какой ученой степени безъ знанія славянства въ филологическомъ отношеніи (нарѣчій старо-славянскаго, польскаго, чешскаго и сербскаго). Это не можетъ не распространить у насъ знаній славянства. И пусть теперь нѣмцы подражаютъ намъ. . . » Первый докторъ славяно-русской филологіи, онъ особенно гордился этимъ высокимъ званіемъ.

Въ августѣ 1844 г. изъ Харькова онъ съ гордостью сообщаетъ Ганкѣ длинный списокъ такихъ ученыхъ работъ, кои свидѣлствуютъ, что «изученіе славянства, любовь къ нему все болѣе выражается въ нашей литературѣ и имѣетъ все сильнѣйшее вліяніе на наши филологическіе и историческіе труды»; тогда же, увѣдомляя Ганку (въ половинѣ 1844 г.) о предстоящемъ скорѣ пріѣздѣ въ Прагу новаго славянскаго ученаго путешественника В. И. Григоровича, Срезневскій подчеркиваетъ разницу между первой группой нашихъ стипендіатовъ, къ которой принадлежалъ онъ самъ, и казанскимъ профессоромъ славянской филологіи: «Сравнивая его съ нами въ то время, когда мы къ вамъ явились, вы увидите, что Славянство у насъ fait des progrès pas en dormant». Съ особенной радостью и чувствомъ

величайшаго удовлетворенія описываетъ Срезневскій (въ іюнѣ 1851 г.) экзамень по славянской филологіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ у него былъ рядъ блестящихъ учениковъ. «Отвѣчали у меня», пишетъ онъ Ганкѣ, «всѣ безъ исключенія прекрасно, гораздо лучше, чѣмъ я могъ ожидать. . . Всѣ, разумѣется, были готовы переводить и переводили съ разныхъ славянскихъ нарѣчій. Не смотря на то, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ я преподаю славянскую филологію, экзамень этотъ былъ для меня триумфомъ, которому я радовался отъ всей души, и какъ о триумфѣ пишу вамъ, будучи увѣренъ, что это и для васъ будетъ радостно. . . » Это испытаніе укрѣпляетъ вѣру Срезневскаго въ блестящіе въ будущемъ успѣхи русской филологической науки, «оживленной сознаниемъ необходимости знать славянство». «Воображаю», радуется онъ Ганку, «какъ бы весело было вашему сердцу, если бы вы могли участвовать въ испытаніи этомъ и слышать, какъ наши воспитанники знакомы со всѣмъ, что было и есть замѣчательнаго въ области науки и словесности славянской, и знакомы не по однимъ рассказамъ профессора, а лично, собственной наглядкой. Имя ваше, разумѣется, повторялось между другими незабвенными именами довольно часто. . . »

Изученіе славянской филологіи учениками Измаила Ивановича не стояло при этомъ обособленно, не оставалось не связаннымъ съ другими отраслями филологіи и исторіи: такъ, одинъ изъ слушателей его, занимавшійся древнимъ нѣмецкимъ языкомъ и словесностью, изучалъ сравнительно древности языка и быта славянъ и германцевъ; другой изучилъ языкъ Эдды и сагъ исландскихъ и примѣнилъ свои знанія къ древностямъ родного племени; братья Лавровскіе (Петръ и Николай) пишутъ сочиненія

на темы — о завоеваніи Руины Вольдемаромъ, о Судѣ Любуши и Ев. отъ Іоанна, о Реймскомъ ев., Скворцовъ разбираетъ (1855) глоссы *Mater Verborum* и т. д. «Что я тутъ (въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ) не забываю чеховъ», пишетъ онъ Ганкѣ, «да послужить вамъ еще однимъ свидѣтельствомъ — Разборъ древнихъ чешскихъ пѣсенъ и Сравненіе Далимпы съ Козмою, приготовленные двумя изъ моихъ студентовъ-педагоговъ».

Съ восторгомъ говорить онъ въ письмахъ къ Ганкѣ объ А. О. Гильфердингѣ, о блестящемъ диспутѣ В. И. Ламанскаго, о В. В. Макушевѣ и др. надеждахъ славянской филологіи. Особенно ограднымъ представляется ему проникновеніе идеаловъ славянской взаимности въ наше общество. «Теперь», пишетъ онъ Ганкѣ въ 1860 г., «смотреть у насъ на славянство уже иначе, чѣмъ прежде: есть уже люди, которые умѣютъ цѣнить и заставлять другихъ цѣнить права и обязанности славянской взаимности, есть между ними люди молодые, пылкіе и даровитые, ведущіе дѣло куда сильнѣе, чѣмъ мы могли и умѣли въ свое время. . .» Это была уже большая награда за всѣ труды и возвышенные порывы.

Съ первыхъ дней профессорской дѣятельности ревностный проповѣдникъ высокихъ задачъ славяновѣдѣнія, Срезневскій послѣдовательно приходитъ къ мысли о необходимости введенія элементовъ славянской филологіи и въ курсъ русской средней школы. Въ специальной запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ его, онъ разработать даже программу преподаванія славянскихъ нарѣчій въ филологической гимназіи и находить возможнымъ достигать при этомъ такихъ результатовъ, чтобы ученики, оканчивающіе курсъ по славянскимъ нарѣчіямъ, свободно читали книги

общелитературнаго содержанія на нарѣчіяхъ сербскомъ, чешскомъ и польскомъ.

* * *

Славянское путешествіе Срезневскаго и его товарищей составляетъ одну изъ интереснѣйшихъ, поучительнѣйшихъ и по результатамъ своимъ плодотворнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскаго просвѣщенія первой половины XIX вѣка. Это былъ, дѣйствительно, «подвигъ европейскій», по справедливому выраженію его друга. Начатое и завершенное въ славные и памятные годы жизни западнаго и южнаго славянства, только что пробуждавшагося изъ національнаго небытія и приступавшаго къ осуществленію тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые возвратили ему жизнь и обезпечили дальнѣйшее развитіе, оно должно было дать богатые матеріальныя и духовныя плоды. Срезневскій былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ, вольнымъ или невольнымъ, напряженнѣйшей національной работы у чеховъ, лужицкихъ сербовъ, словаковъ и хорватовъ, и своимъ ученнымъ путешествіемъ по вовсе неизвѣданнымъ или мало изученнымъ славянскимъ уголкамъ въ извѣстной степени способствовалъ пробужденію и укрѣпленію національнаго самосознанія на далекомъ славянскомъ западѣ и югѣ.

Его обширныя и разнообразныя изученія, особенно собирательская дѣятельность, любовь къ простому народу и постоянное общеніе съ нимъ пробуждали ревность славянскихъ ученыхъ и вызывали на это благодатное поле свѣжія славянскія мѣстныя силы. Чужой человекъ, хотя и братъ изъ далекой Русской земли, съ невиданнымъ усердіемъ и любовью занялся вдругъ чехами, лужицкими сербами, сло-

венцами, хорватами, тогда какъ они сами какъ-то мало интересовались и собою и своими сосѣдями-братьями. У Срезневскаго кое-гдѣ они учатся приемамъ собиранія пѣсеннаго богатства, изученія народа, его творчества и быта.

Эту заслугу нашего ученаго вполне признавали и отмѣчали сами славяне. Получивши въ маѣ 1841 г. письмо отъ друга Измаила изъ Липавы (Випавы), съ словенско-итальянской границы, Ганка сердечно обрадовался, узнавъ, что Срезневскій посѣтилъ «и самыя незначительныя изъ славянскихъ племенъ». «Вы, вѣрно», отвѣчалъ Ганка, «для того и созданы, чтобы обшарить всѣ славянскіе углы и возбудить въ нихъ новую жизнь». Другой изъ славянскихъ друзей Измаила Ивановича, лужицанинъ Смоляръ, путешествовавшій съ нимъ по Лужицамъ, въ одномъ изъ писемъ (24 окт. 1843 г.), сообщая ему отрадную вѣсть о ростѣ у лужицкихъ сербовъ національной мысли, прямо заявлялъ: «... Я долженъ вамъ признаться, что вы тоже имѣете большія заслуги въ ея усиленіи».

Съ другой стороны, славянскія чтенія Срезневскаго въ Харьковѣ, а затѣмъ въ теченіе 32 лѣтъ въ Петербургѣ, въ въ университетѣ и отчасти въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, его многочисленныя ученыя статьи, рецензіи и замѣтки о важнѣйшихъ явленіяхъ славянской ученой литературы должны были воспитать въ русскомъ обществѣ извѣстный кругъ людей, интересовавшихся славянствомъ, и создать ту школу учениковъ, которою Измаилъ Ивановичъ по праву могъ гордиться. Въ этомъ двѣ его величайшія заслуги въ исторіи развитія нашей науки и нашего славянскаго самосознанія.

Когда Срезневскій передъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга за границу посѣтилъ министра народнаго про-

свѣщенія С. С. Уварова, то на проханіи получилъ отъ него слѣдующее напутствіе: «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе — вліяніе благодатное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо». Срезневскій со всею совѣстливостью и горячею любовью къ наукѣ выполнилъ этотъ завѣтъ.

Великій пѣвецъ славянской взаимности, словакъ Янъ Колларъ въ поэмѣ «Дочь Славы» помѣстилъ всѣхъ заслуженныхъ въ Славянствѣ мужей въ «славянскомъ небѣ»; здѣсь онъ отвѣлъ мѣсто и тѣмъ славянскимъ путешественникамъ, которые первые съ національными задачами путешествовали по славянскимъ землямъ — «Kteři prví cilem národným po slavjanských putovali krajech» . . .

Въ этомъ славянскомъ небѣ, въ сонмѣ подвижниковъ славянской науки, наряду съ піонерами ея, полякомъ Андреемъ Кухарскимъ и незабвеннымъ П. И. Кеппеномъ долженъ по праву занять почетное мѣсто и И. И. Срезневскій.

Вл. Францозъ.